

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.Ю. Карпова, А.О. Савельев

РАДИКАЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ
КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ПРОЦЕСС РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Монография

Издательство
Томского политехнического университета
2025

УДК 316.624:316.42

ББК 66.68:60.524

К26

Карпова А.Ю.

К26

Радикализация в эпоху алгоритмов. Как технологии меняют процесс радикализации и его изучение : монография / А.Ю. Карпова, А.О. Савельев ; Томский политехнический университет. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2025. – 183 с.

ISBN 978-5-4387-1268-8

Цифровые технологии трансформируют процесс радикализации, придавая ему беспрецедентные скорость и масштаб. Алгоритмы соцсетей и децентрализованные сетевые структуры создают новые механизмы этого явления. В исследовании преодолеваются методологические ограничения традиционных парадигм через междисциплинарный синтез социальных и вычислительных наук, демонстрируется применение математического аппарата и Data Science для трансформации эмпирических данных в верифицируемое знание, что открывает новые перспективы для идентификации радикальных тенденций и разработки систем мониторинга.

Работа предназначена для специалистов в области противодействия экстремизму и терроризму, а также для научных коллективов, ведущих исследования на стыке социальных наук и цифровых технологий.

УДК 316.624:316.42

ББК 66.68:60.524

Рецензенты

Доктор социологических наук, профессор
заместитель директора по научной работе, руководитель
Центра социологии молодежи ИС ФНИЦ РАН

Ю.А. Зубок

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ

О.В. Филимонов

ISBN 978-5-4387-1268-8

© ФГАОУ ВО НИ ТПУ, 2025

© Карпова А.Ю., Савельев А.О., 2025

© Оформление. Издательство Томского
политехнического университета, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОТ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ К ПОНИМАНИЮ ПРОЦЕССА.....	8
1.1. Определение ключевых понятий: между академическим дискурсом, правом и методологическим эклектизмом.....	8
1.2. «Родословная» концепции радикализации.....	34
1.3. Радикализация в цифровую эпоху: преодоление дихотомии онлайн/офлайн и новые исследовательские парадигмы.....	41
1.4. Конкурирующие концепции и модели радикализации.....	45
1.5. Эволюция научного дискурса о радикализации: результаты наукометрического анализа российских и англоязычных публикаций	58
Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ BIG DATA: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	74
2.1. Методологический ландшафт: новые возможности и старые границы цифровых методов.....	74
2.2. Миражи Big Data: ограничения интеллектуального анализа социальных медиа для изучения радикализации	83
2.3. Сетевые ловушки: технологии выявления и анализа структуры онлайн-сообществ радикализации	88
2.4. Цифровые агенты влияния: переосмысление роли лидеров мнений в экосистемах радикализации	96
2.5. Алгоритмы как исследователи: автоматизация анализа дискурса и контента в социальных медиа.....	107
Глава 3. РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОД ПРИЦЕЛОМ АЛГОРИТМОВ: ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ.....	120
3.1. Картография угроз: топологическое моделирование радикальных сетей	120
3.2. Концептуальные координаты: навигация по онтологии онлайн-радикализации.....	132
3.3. Идеологические ландшафты: выявление кластеров радикализации через контент и связи	138
3.4. Алгоритмический термометр: конструирование и валидация индекса радикализации.....	149
3.5. Динамическая оптика: календарно-корреляционный анализ для выявления скрытых паттернов радикализации	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	168

ВВЕДЕНИЕ

Больше ста лет ученые пытаются ответить на вопросы: кто, как и почему становится террористом? Исследования терроризма развивались волнообразно, с научными баталиями и конкуренцией парадигм, двусмысленностью и путаницей в многослойных определениях, методологическими трудностями. Однако со временем академический консенсус был достигнут в отношении того, что в изучении терроризма важно учитывать взаимосвязь между индивидуальной мотивацией, групповой идентификацией и групповой динамикой, контекстуальными факторами.

Важным открытием конца XX века стало понимание того, что никакого особого «террористического мышления» не существует и что невозможно создать универсальный профиль террориста.

Многие эксперты по терроризму, предсказывавшие умеренное снижение террористического насилия, были ошеломлены после террористических актов 9/11. Это вызвало академический ажиотаж – волну научных публикаций, в которых ученые подвергли сомнению успехи, достигнутые в изучении терроризма за прошедшее столетие. Большинство ученых сошлись во мнении, что мы все еще далеки от разгадки того, кто, как и почему приходит к терроризму, и не имеем однозначного ответа на ключевой вопрос: что является коренными причинами терроризма? Именно в это время возникает гипотеза о радикализации как предикторе терроризма. На волне академических и общественных дискуссий возникает объяснительная концепция радикализации – процесс, в ходе которого человек вовлекается в политическое насилие, и терроризм становится конечной точкой в этом процессе. С этого момента началось формирование нового научного направления, связанного с изучением феномена радикализации, которое всего за 20 лет займет центральное место в исследованиях терроризма, позволит выйти на качественно новый уровень концептуализации и прочно закрепится «в сердце» глобальной борьбы с терроризмом.

Жаркие дискуссии вокруг концепции радикализации сотрясали академическое сообщество все первое десятилетие. Одни ученые видели радикализацию как чисто умозрительную, ускользающую от понимания смысла конструкцию, не имеющую перспективы, и даже считали её мифом. Другие считали радикализацию «святым Граалем в борьбе с терроризмом» [1] и прогнозировали значительное расширение горизонта возможностей в понимании того, кто, как и почему приходит к терроризму. Только к концу второго десятилетия дискуссии стали утихать, вопрос о существовании радикализации как самостоятельного объекта изучения был снят с повестки, существенное значение приобрела проблема поиска теоретико-методологических оснований изучения процесса радикализации.

Во втором десятилетии XXI века в изучении радикализации выделилось отдельное направление – исследования онлайн-радикализации. В онлайн-среде процесс радикализации приобретает такие черты, как стремительность, всеохватность, вездесущность, а использование социальных медиа для распространения, продвижения идеологии терроризма и насильственного экстремизма среди пользователей резко возросло. Сложность изучения онлайн-радикализации заключается в том, что необходимы инструменты и технологии из области data science, разработанные или адаптированные под конкретные исследовательские задачи. Эта проблема привела к появлению широкого спектра междисциплинарных исследований с использованием разнообразных методологий из различных дисциплин и автоматизации для наиболее трудоемких процессов сбора, анализа и обработки данных. Фактически к концу второго десятилетия это направление заняло лидирующие позиции, но интенсивность научных дискуссий вновь возросла, поскольку сформировалось понимание методологических, технических, организационных, технологических и других проблем, которые необходимо было преодолевать.

В этой книге мы обобщаем и систематизируем накопленный в мировой практике теоретический и эмпирический опыт изучения феномена радикализации, описываем истоки концепции, анализируем современное состояние исследований, выявляем проблемы и обозначаем перспективные направления.

Идея создания монографии возникла по итогам наукометрического анализа состояния исследований радикализации в российской и англоязычной научной периодике. Наблюдая интенсивное развитие данной проблематики в международных публикациях, мы констатировали, что второе десятилетие XXI века стало периодом значительного роста и концептуального разнообразия исследований радикализации в англоязычном научном дискурсе. При анализе российской научной периодики за период 2000–2013 гг. была выдвинута гипотеза об отсутствии системных исследований радикализации как самостоятельного направления и недостаточной представленности данной концепции в работах российских авторов. Данная гипотеза получила подтверждение в ходе экспертной верификации. Для оценки динамики был проведен дополнительный анализ публикаций за 2014–2023 гг. в базе eLIBRARY с применением следующих критериев отбора: наличие термина «радикализация» в названии, аннотации или ключевых словах; доступность полного текста; тип публикации – статьи в рецензируемых журналах (материалы конференций, монографии, диссертации и иные типы публикаций исключались).

Анализ публикаций позволил нам выявить ключевые лакуны в российской исследовательской практике изучения радикализации. Во-первых, системное изучение радикализации в России как процесса, предваряющего терроризм, остается недостаточно развитым. Став объектом исследования лишь во втором десятилетии XXI века, это направление характеризуется ограниченным числом работ с глубокой теоретической проработкой концепции как самостоятельной основы для построения авторских моделей. Эмпирическая база большинства исследований требует расширения и усиления аналитической составляющей. Во-вторых, существующий массив российских научных работ страдает от вторичности (преобладание реферирования зарубежных концепций без их критического переосмысления и адаптации к российским социокультурным реалиям), теоретико-методологической ограниченности (фрагментарность подходов, слабая проработка социологических при доминировании психологических и юридических) и дескриптивности (недостаток оригинальных эмпирических исследований и прикладных разработок, предлагающих комплексные решения для противодействия и профилактики радикализации). Эта ситуация обусловлена как относительной новизной проблемы для российской науки, так и недостаточным вниманием к ее междисциплинарному изучению. Указанные проблемы усугубляются ограниченным применением четких дефиниций радикализации в отечественных публикациях, что затрудняет выдвижение и верификацию оригинальных гипотез и концептуальных моделей. В-третьих, отметим явный дефицит эмпирических исследований, непосредственно посвященных профилактике радикализации, экстремизма и терроризма. Недостаток работ по тестированию и адаптации объяснительных моделей радикализации существенно ограничивает как разработку эффективных профилактических мер, так и проведение качественной оценки (с хорошо интерпретируемыми результатами) существующих зарубежных подходов.

Хотя изучение радикализации как самостоятельное направление в исследованиях терроризма началось с публикаций преимущественно американских ученых, данная монография адресована российскому академическому и экспертному сообществу. Ее цель – систематизировать эволюцию изучения феномена радикализации в международной науке, выявить методологические вызовы и представить наиболее релевантные междисциплинарные подходы, методы и методики, апробированные зарубежными коллегами. Представленные материалы создают основу для адаптации существующих моделей и разработки собственных исследовательских инструментов, адекватных специфике изучения радикализации в российском контексте.

Важно подчеркнуть, что разработка эффективных мер противодействия и профилактики сложных социальных феноменов – радикализации, экстремизма и терроризма – требует глубокого понимания локальных причинно-следственных связей и механизмов их функционирования. Особую актуальность эта задача приобретает в условиях современных вызовов национальной безопасности России.

Современные цифровые технологии коренным образом изменяют процесс радикализации, придавая ему беспрецедентную скорость и масштабы распространения. В этой новой реальности, где алгоритмы социальных медиа формируют потоки информации, а автоматизированные системы и сетевые структуры ускоряют самоорганизацию, радикализация не просто опосредуется технологиями – она активно конструируется ими, обретая принципиально новые формы. Технологии не только изменяют процесс радикализации, но и революционизируют методы его изучения.

Глава 1. РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ОТ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ К ПОНИМАНИЮ ПРОЦЕССА

1.1. Определение ключевых понятий: между академическим дискурсом, правом и методологическим эклектизмом

Определение ключевых понятий – радикализм, экстремизм, терроризм и радикализации – представляет собой комплексную методологическую проблему, находящуюся на пересечении академического дискурса и правового поля, соответственно, требует методологического эклектизма для поиска решения. В академической среде учёные не пришли к общему консенсусу, интерпретации радикализации варьируются в зависимости от научной дисциплины, исторического контекста, личных взглядов исследователей и реакции на текущие события, что неизбежно порождает предубеждения и даже когнитивные искажения. Формирование консенсуса внутри отдельной школы или периода само по себе представляет интересный феномен для изучения. Хотя некоторые базовые предпосылки могут сохраняться, понимание этих динамичных феноменов постоянно обогащается новыми теоретическими «фрагментами», возникающими благодаря междисциплинарным исследованиям, стремящимся к более точному обозначению признаков и устойчивому теоретическому обоснованию.

Правовое поле вносит дополнительную сложность. Понятия «экстремизм» и «терроризм» закреплены в законодательных актах, однако их юридические дефиниции существенно различаются в разных странах и в международных документах, отражая специфику национального законодательства и правоприменительной практики. В отличие от них, термин «радикализм» обычно отсутствует в нормативно-правовых документах, оставаясь преимущественно академической категорией. Эти юридические расхождения создают барьеры для сравнительного анализа и формирования единого понимания явления на международном уровне.

Для навигации между полюсами академического дискурса (с его плюрализмом и разногласиями) и правового поля (с его вариативностью и нормативной нагрузкой) необходим методологический эклектизм. Мы опираемся на принцип дисциплинарного эклектизма, заложенный Робертом Мертоном (Robert Merton) и развитый сторонником эклектического подхода Никласом Луманом (Niclas Luhman). Мертон видел в эклектичности – взаимодополняемость концептуальных схем и использование активов различных точек зрения – ключ к разгадке социальной сложности и преодолению догматизма [2]. Никлас Луман, в свою очередь, продемонстрировал эвристическую мощь эклектичного смешения

концепций при построении социологической теории. Он подчеркивал, что такой подход позволяет сравнивать объяснения, создавать более точные формулировки, выявлять функционально эквивалентные решения общественных проблем и подвергать любое упрощение сложности систематическому сравнению с альтернативами. Центральным для Лумана был функциональный метод, трактующий «функцию» не как ожидаемый результат, а как «регулятивно смысловую схему» для сравнения возможных причин и следствий, что открывает возможности для изучения взаимосвязей между проблемой и ее решением. Само понятие «функция» у Лумана, по сути, не ожидаемый результат, как это трактуется в структурном функционализме, а средство для сравнения результатов. Эклектичное смешение множества концепций, по мнению Лумана, позволяет сравнивать объяснения и создавать более точные формулировки и «имеет эвристическую ценность, поскольку стимулирует и определяет поиск других возможностей» [3]. Он обращал особое внимание на то, что эклектика открывает «теоретические возможности попытаться переплести проблемы, разработать перекрестную интерпретацию формулировок и получить большую рациональную силу для концепций, которые в отдельности кажутся довольно слабыми... Конечная цель – подвергнуть любое снижение сложности систематическому сравнению с другими, функционально эквивалентными возможностями» [3]. Один из исследователей работ Лумана высказывает предположение, что функциональный метод он применяет «для установления новых сравнительных возможностей между возможными причинами и одинаковым следствием, между различными возможными следствиями и одинаковой причиной» [4].

Обращение к классикам социологии неслучайно. Для такой молодой предметной области исследований, как изучение радикализации, актуально понимание возможностей эклектического подхода и функционального метода. Методологический эклектизм направлен на изучение и сравнение разнообразных академических интерпретаций ключевых понятий и моделей радикализации (разработанных за последние десятилетия), а также на выявление их концептуально важных, связующих элементов, учитывая при этом ограничения и специфику правовых дефиниций.

Исследователь, сталкивающийся с задачей определения радикализма, экстремизма, терроризма и радикализации, неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Существуют значительные разногласия в академических трактовках этих феноменов. Рассмотрение множества интерпретаций не ведет к единому, универсально правильному объяснению (*consensus omnium* недостижим). В определениях нередко логические ошибки *idem per idem* (тавтологии), ведущие к подмене понятий. Наконец, остро стоит

вопрос о выборе ключевых, связующих признаков из множества альтернативных интерпретаций.

Для преодоления этих трудностей мы предлагаем: во-первых, опираться на философскую традицию различения категорий «явление» и «процесс» при разделении понятий; во-вторых, последовательно применять методологический эклектизм для анализа и синтеза академических трактовок понятий и функциональный метод для сравнения вариаций процесса радикализации, учитывая контекст правовых дефиниций; в-третьих, обязательно учитывать темпоральность (исторический контекст и динамику) исследуемых явлений и процессов. Этот комплексный подход позволяет продуктивно работать в пространстве между академическим дискурсом, правом и методологической необходимостью эклектизма.

Важно подчеркнуть, что понятия «радикализм» и «радикализация» часто ошибочно отождествляются, равно как и «радикализм» с «экстремизмом». Как отмечают исследователи, разногласия в определениях сохраняются закономерно, учитывая сложность и «моральную нагруженность» этих концепций, требующих всестороннего подхода. Ни один из терминов не является статичным, их содержание эволюционирует. Без надлежащего рассмотрения нюансов обсуждение терминов может привести к «социальному суждению, а не описанию набора явлений» [5]. В отличие от юридически закреплённых (хотя и различающихся) понятий «экстремизм» и «терроризм», термины «радикализм» и «радикализация» в нормативно-правовых документах, отсутствуют.

Радикализм

Разберемся с понятием «радикализм». В философском словаре «радикализм (от позднелат. *radicalis* – коренной, лат. *radix* – корень) – буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности... Термин возник в Англии в конце XVIII в. И затем, уже в XIX в. получил распространение в континентальной Европе и обозначал социальную и политико-философскую мысль, ориентированную на общественные, политические, экономические и культурные преобразования и соответствующую реформаторскую практику» [6].

Канадский исследователь Майкл Нойманн (Michael Neumann) указывает на то, что первое упоминание понятия «радикализм» встречается в кратком оксфордском словаре 1802 года и употребляется в толковании «радикал – защитник радикальных реформ; тот, кто обладает наиболее продвинутыми взглядами на политическую реформу в демократическом направлении, а также принадлежит к крайней секции либеральной партии» [7].

Но более полно историю происхождения радикализма и его значимое отличие от экстремизма описала Астрид Бёттихер (Astrid Böttcher), политолог и исследователь Йенского Университета (FSU Jena). Бёттихер анализирует смысловое наполнение понятия: «Радикализм как термин старше экстремизма и в течение более чем двухсот лет претерпел изменения значения. Первоначально этот термин использовался в медицине, а в конце 1790-х годов стал обозначать политическую позицию. Эта концепция распространилась от прогрессивной в то время Англии (XVII в.) на Францию (в XVIII веке), а затем, уже XIX в., на Германию. По своему содержанию радикализм стал обозначением просвещенных, либеральных или левых политических взглядов, противостоящих реакционным политическим институтам. Радикализм стал политической доктриной, вдохновляющей республиканские и национальные движения, выступающие за индивидуальную и коллективную свободу и эмансипацию, направленные против монархического и аристократического статус-кво, сложившегося после 1815 года. В то время радикализм был в основном антиклерикальным, антимонархическим и определенно демократическим. Некоторые из его требований (например, женское избирательное право) стали мейнстримом и были реализованы в большинстве стран мира в XX веке. Политические оппоненты часто пытались представить радикализм как революционную, преимущественно левую, а в последнее время и религиозную, подрывную силу. Однако исторически с точки зрения политических партий, принимающих его постулаты, радикализм более связан с прогрессивным реформизмом, чем с утопическим экстремизмом, чье прославление массового насилия радикалы обычно отвергали» [8]. Бёттихер также выделяет десять ключевых отличий радикализма от экстремизма, которые играют существенную роль для понимания разницы между этими понятиями. Приведем примеры отличий из работы Бёттихер, которые, на наш взгляд, являются наиболее значимыми: «1. Радикальные движения, как правило, используют политическое насилие прагматично и на избирательной основе, в то время как экстремистские движения рассматривают насилие против своих врагов как законную форму политических действий и склонны принимать крайние формы массового насилия как часть своего политического кредо. 3. Экстремизм по самой своей природе антидемократичен; он стремится отменить конституционную демократию и верховенство закона. Радикализм является освободительным и по сути не является антидемократическим. 4. Экстремисты открыто противостоят пониманию всеобщих прав человека и тем институтам, которые служат их поддержке. Радикализм выступает за предоставление равных прав; исторически прогрессивные радикалы

стремились распространить права человека на обездоленных. 8. Экстремизм характеризуется партикуляристской моралью, действительной только для его собственных членов. Радикализм больше ориентирован на универсальную мораль. 10. Радикализм в значительной степени опирается на политическое наследие Просвещения 18-го века с его идеями человеческого прогресса и верой в силу разума. Экстремизм, с другой стороны, связан с иррациональной, обычно религиозной и фанатичной системой верований, которая претендует на монополию на истину, на основе которой она стремится преобразовать общество в соответствии со своим ретроградным видением» [8]. Кроме того, Бёттихер особо подчеркнула, что «радикальные нарративы содержат утопические идеологические элементы... и не желая идти на компромисс со своими идеалами, радикалы открыты для рациональных аргументов относительно средств достижения своих целей, в отличие от экстремистов, радикалы не обязательно крайние в выборе средств достижения своих целей» [8].

Некоторые авторы, исследующие генезис понятия «радикализм», указывают на то, что современное толкование было предложено американским философом Хорасом Калленом (Horace Kallen) в 1930 году и внесено в Энциклопедию социальных наук в следующем изложении: «Радикализм в философской интерпретации – это идея о социальном преобразовании, направленная на систематическое разрушение того, что ненавистно, и замещение его искусством, верой, наукой или обществом, которое логически расценивается как правильное, хорошее, красивое и справедливое» [9].

Датский исследователь Марк Седжвик (Mark Sedgwick) отмечает, что в академических публикациях понятие «радикализм» применялось для противопоставления умеренности, реформизму, так сказать «нормальности». То же самое, как подчеркивает Марк Седжвик (Mark Sedgwick), и с понятием «радикал», которое изначально трактовалось как «оппозиционный, противоположный умеренному» [10].

Алекс Шмид (Alex Schmid), признанный авторитет в изучении терроризма, подчеркивает, что первоначально понятие «радикализм» ассоциировалось с прогрессом, в отличие от понятия «экстремизм». Шмид обращает внимание исследователей на то, что «радикализм часто приравнивается к экстремизму, но хотя оба могут – как идеальные типы – быть описаны с точки зрения дистанции от умеренных, основных или статус-кво позиций, дальнейшее различие имеет смысл» [11]. По мнению Шмида, экстремисты, принципиально отличаются от радикалов тем, что «стремятся создать однородное общество, основанное на жестких, догматических идеологических принципах; они стремятся сделать общество конформистским, подавляя любую оппозицию и подчиняя меньшинства.

Это отличает их от простых радикалов, которые принимают разнообразие и верят в силу разума, а не в догмы» [11].

В большом толковом словаре русского языка радикализм интерпретируется как «образ мыслей и действий, свойственный радикалу, политическая смелость, решительность» [12].

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой понятие «радикализм» определяется как «политическая позиция, характеризующаяся стремлением к коренному изменению существующего социального устройства, государственного строя. Образ мыслей и действий радикала» [13].

В социологическом энциклопедическом русско-английском словаре «радикализм – radicalism 1) склонность к крайним мерам; 2) теория и практика, направленные на резкие изменения в институтах и функциях» [14].

Юридически закреплённого в нормативно-правовых актах определения понятия «радикализм» в России не существует, при этом само понятие часто встречается в некоторых документах, например, в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [15]. В тексте документа понятие «радикализм» обозначено в п. I «Общие положения» и интерпретируется следующим образом: «радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации» [15]. В тексте документа «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» [16] радикализм обозначается как один из факторов, обуславливающих возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации либо способствующих ему причин и условий. Российский исследователь коннотаций понятия радикализм, Ю.Н. Полтавская, проведя анализ нормативно-правовой базы, делает следующий вывод: «Радикализму в полной мере не посвящен ни один законодательный акт. Его роль, с точки зрения законодателя, ограничивается причинами (сводится к тому, что он является причиной) некоторых явлений, например, терроризма ... или же радикализм занимает место явления, которое можно искоренить воспитательными мерами» [17].

Не существует устоявшегося, консенсусного определения радикализма. Фактически многие авторы пытаются дать свое объяснение. Исследователи то расширяют, то сужают интерпретацию, вносят изменения в зависимости от временного периода, иногда сближая объяснение радикализма с понятием экстремизма. Изначально понятие «радикализм» применялось чтобы охарактеризовать решительное стремление к коренным изменениям. В настоящее время чаще используется для обозначения

комплекса политических идей и действий, направленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов.

По результатам анализа определений радикализма мы выделили следующие признаки:

- Радикализм не имеет однозначно позитивной или негативной трактовки. Изначально в определениях отсутствовали отрицательные коннотации. Это понятие можно обозначить как ценностно нейтральное. Политолог С.А. Сергеев: «Радикализм» не имеет таких отрицательных коннотаций, как понятие «экстремизм» (или подобные коннотации присущи ему в меньшей степени), поэтому может считаться в большей мере ценностно нейтральным и, на наш взгляд, более академичным» [18]. Такой подход, при всей его широте, представляется нам более предпочтительным, поскольку наиболее точно отражает первоначальный смысл понятия. Радикальные взгляды сами по себе не несут негативного смысла, если не связаны с применением насилия как средства достижения цели.

- Радикализм характеризуется такими признаками, как решительность, смелость, направленность на преобразовательную деятельность в любой сфере. То есть радикализм – это активизация образа мыслей человека до принятия идеи необходимости коренных изменений в сферах жизнедеятельности человека (социальной, политической и др). Но достижение цели предполагается всеми возможными легитимными средствами и допускает рациональную дискуссию, без использования крайних средств, насильственных методов, устрашения в продвижении своих идей, как у экстремистов и террористов, которые считают законными крайние формы массового насилия.

- Радикализм изначально не имеет связи с какой-либо конкретной идеологией, является отражением любой идейной конструкции, которая может быть направлена на коренные изменения как в позитивном, так и негативном контексте. То есть направленность на коренные преобразования не означает, что ожидаемые перемены будут обязательно прогрессивными, они могут быть и регрессивными, разрушительными.

- Феномен радикализма имеет различные причины и проявления, обусловлен историческими, социальными, культурными, экономическими, политическими предпосылками в конкретном обществе в конкретный период времени.

- Радикализм относится к философской категории «явление» и отражает определенные (решительные) взгляды – потребность в изменениях, стремление дойти до коренных изменений; характерные, отличительные свойства деятельности человека. Но это еще не действие, а направленность мысли, взглядов, идей, которые закладывают направление движения. То, в каких формах будет осуществляться деятельность,

конструктивных или деструктивных, зависит от множества факторов, оказывающих влияние на изменение образа мыслей, взглядов, оформления идеи достижения цели – коренные изменения существующего положения вещей. Первоначальный смысл трактовки понятия «радикализм» не дает оснований интерпретировать достижение радикальных целей через применение крайних средств, методов, и уж тем более определять как тождественное понятию «экстремизм».

Экстремизм

Понятие «экстремизм» имеет нормативно-правовую трактовку и отражено во множестве законодательных актов Российской Федерации, главный из которых Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [19]. Юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими (экстремистская деятельность (экстремизм)), в данном документе имеет широкую трактовку из 13 определений деятельности, направленной на создание серьезной угрозы конституционным основам Российской Федерации, то есть насильственное изменение строя, подрыв безопасности, создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности, пропаганды, публичных призывов к осуществлению указанных деяний и т. д. [19].

В международных правовых документах, например в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [20].

Поскольку юридическое определение экстремизма не закреплено в международных правовых документах, предлагаются различные варианты формулировок, например: «Экстремизм в юридическом смысле означает целенаправленные, политически мотивированные усилия, направленные на устранение или умаление одной или нескольких фундаментальных ценностей и структурных принципов конституции» [21].

Ключевой особенностью, которой дается правовая оценка экстремистской деятельности, является определение опасности методов деятельности для общества и государства. Обсуждение юридической терминологии мы оставим за рамками данной работы, предоставим возможность разобраться с трудностями специалистам в этой области знаний.

Понятие «экстремизм» имеет множество академических определений. Исследуя генезис понятия «экстремизм», чаще всего как российские, так и зарубежные исследователи ссылаются на Аристотеля, который под экстремизмом (от греч. *eschatos*, лат. *extremis*) понимал состояние, являющееся антиподом стабильности, сдержанности. В современной философии не существует *consensus omnium* в понимании экстремизма, поэтому встречается множество его толкований.

В большом толковом словаре русского языка экстремизм определяется как «лат. *extremus* – крайний; приверженность крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [12].

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой экстремизм трактуется как «1. Приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике). 2. Использование крайних мер – террористических актов, похищений, убийств и т. п. – при достижении своих целей. 3. Унижение национального достоинства; террор» [13].

В социологическом энциклопедическом русско-английском словаре экстремизм определяется как «1) крайне радикальная идеология и политика; 2) крайние взгляды, предполагающие для разрешения социальных конфликтов возможность применения средств, угрожающих жизнедеятельности человечества» [14].

В Оксфордском словаре английского языка слово «экстремист» определяется как кто-то или что-то, кто «придерживается экстремальных политических или религиозных взглядов» [22].

Один из классиков социологии Сеймур Мартин Липсет (Seymour Martin Lipset) в 1970 году дал следующее определение: «Экстремизм – это антиплюрализм, или – если использовать лишь немного менее неловкий термин – монизм. И операциональная суть экстремизма – это подавление различий и инакомыслия, закрытие рынка идей. Точнее, операциональная сущность экстремизма, монизма – это тенденция рассматривать раскол и амбивалентность как нелегитимные».

Алекс Шмид (Alex Schmid) высказал такое мнение: «В то время как другие «-измы» (терроризм, империализм, расизм, антисемитизм, фашизм, коммунизм и т. д.) – семантическое ядро, которое, хоть и частично, использует понятия, у экстремизма нет такого ядра, которое могло бы предложить руководство относительно его значения...[поэтому] чтобы ответить на вопрос «что такое крайность?», нужен эталон, который был бы (более) «обычным», «центристским», «основным» или «нормальным» по сравнению с (крайними) политическими маргиналами. Люди склонны думать, что другие должны думать так же, как они, и поэтому склонны предполагать, что их собственную позицию разделяет большинство».

других «разумных» людей. Поэтому может случиться, что даже те, кого мы можем считать экстремистами, называют других «экстремистами» [23].

Роджер Итвелл и Мэтью Дж. Гудвин (Roger Eatwell, Matthew J. Goodwin) предложили рассматривать экстремизм в двух измерениях: одно основано на действии, другое – на ценностях [24].

Политолог Манфред Шмидт (Manfred Schmidt) определяет экстремизм как «движение, направленное к самому внешнему краю, или результат этого движения. В политике – неоднозначный термин для течений, сил или организаций, склонных к крайностям – в зависимости от своих целей и средств... в политической социологии экстремизм является техническим термином, обозначающим взгляды и убеждения, которые характеризуются антиплюрализмом и идеологическим монизмом... в социологии радикальных политических движений экстремизм иногда также используется для описания целевого или ценностного измерения (которое можно измерить с помощью шкалы левых-правых)» [25]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи, специалисты в области политической социологии.

Эверхард Хольтманн и Хайнц Ульрих Бринкманн (Everhard Holtmann, Heinz Ulrich Brinkmann) определяют экстремизм как «политические установки и модели поведения, расположенные на внешних полюсах (левый экстремизм или правый экстремизм) на привычной для операционализации шкале левых-правых» [26].

Ханс Болдт и Хедде Прель (Hans Boldt, Hede Prehl) также поддерживают точку зрения Манфреда Шмидта, определяя экстремизм как «политическую установку или направление, находящееся на крайней грани политических взглядов, представители которого готовы в своих действиях применять насилие против людей и вещей (в том числе радикализм); в более узком смысле – термин, обозначающий антидемократические взгляды и стремления, включая левый и правый экстремизм» [27].

Петра Бендель (Petra Bendel) подчеркивает, что «экстремизм относится к политическим позициям на краях правого и левого политического спектра или к политическим течениям и движениям, направленным к крайностям, в разговорной речи термин [экстремизм] во многом идентичен термину радикализм, но с научной и политической точек зрения существуют разногласия по поводу возможных и значимых различий» [28].

Уве Кеммесиес (Uwe E. Kemmesies) предлагает смысловое разделение между экстремизмом и терроризмом: «Экстремизм понимается как попытка преодолеть системы, которые – даже с применением насилия – направлены против свободного, демократического основного порядка. Под терроризмом понимаются попытки преодолеть систему посредством продолжительной насильственной борьбы. [...] При прагматическом

подходе мы можем понимать терроризм и экстремизм как попытки насильственного изменения социальных условий, следующих за недемократическими правилами – от политических, экономических, экологических до религиозных и культурных аспектов социальной практики» [29].

Исследователи Питер Коулмэн (Peter Coleman, Международный центр по сотрудничеству и разрешению конфликтов Колумбийского университета) и Андреа Бартоли (Andrea Bartoli, Институт анализа и разрешения конфликтов университета Дж. Мэйсона) определяют экстремизм следующим образом: «Экстремизм – сложное явление, хотя его сложность часто трудно увидеть. Проще всего это можно определить, как деятельность (убеждения, взгляды, чувства, действия, стратегии), по-своему характеру далекую от обычных. В условиях конфликта это проявляется как тяжелая форма вовлечения в конфликт. Однако навешивание ярлыков на деятельность, людей и группы как «экстремистские» и определение того, что является «обычным», всегда является субъективным и политическим вопросом» [30]. В данном определении ключевым является то, что экстремизм рассматривается авторами как явление, характерное для всех видов деятельности (взгляды, установки, чувства, действия, стратегии), отличающихся от общепринятых.

Питер Нойманн (Neumann Peter) особо подчеркивает темпоральность в определении понятия: «Экстремизм можно понять, только сравнив его с принятыми социально-политическими конвенциями того времени» [31].

Эту точку зрения поддерживают и другие исследователи: «Поскольку наши представления о том, что является «обычным», менялись со временем, то и то, что считается «экстремистским», – не говоря уже о «террористическом» – также менялось. В этом смысле все формы «экстремизма» зависят от контекста» [5].

Рональд Вибтроп (Wibtrope Ronald) определяет экстремизм как идеологические убеждения и рассматривает в диапазоне различных форм активизма. Он предлагает деление экстремизма на три категории: «(1) группы или отдельные лица, у которых крайние цели, и они используют крайние средства (насильственный экстремизм); (2) те, что ставят крайние цели, но не используют крайние средства (ненасильственный экстремизм); (3) и те, которые имеют обычные цели, но используют крайние средства для их реализации» [32].

Астрид Бёттихер (Astrid Bötticher) обращает внимание на то, что «критерий применения насилия нельзя использовать как основание для уравнивания этих двух явлений [радикализм и экстремизм], они по существу разные» [8].

Политолог С.А. Сергеев подчеркивает, что «проблема определения понятия «экстремизм» зависит в конечном итоге от того, что в данном

обществе считается нормой, а что – отклонением от нее, девиацией» [18]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что множество академических определений экстремизма связано и с тем, что выделяются различные виды экстремизма, такие, например, как насильственный и ненасильственный экстремизм, политический экстремизм, этнонационалистический, религиозный экстремизм или молодежный экстремизм и др. виды. В контексте концепции радикализации как предиктора терроризма значимым является определение насильственного экстремизма. В англоязычных публикациях часто ссылаются на определение наиболее авторитетного исследователя терроризма – Randy Borum. Он рассматривает насильственный экстремизм как «поощрение, оправдание или поддержка совершения насильственного действия для достижения политической цели, идеологических, религиозных, социальных или экономических целей» [33].

Алекс Шмид (Alex Schmid) в своей работе 2014 года «Насильственный и ненасильственный экстремизм: Две стороны одной медали?» предложил 20 индикаторов для мониторинга экстремизма. Приведем примеры некоторых из них: «С либерально-демократической точки зрения, рассматриваемой как «центристская», или «основная», экстремисты склонны располагаться вне основной линии и отвергать существующий социальный, политический или мировой порядок; стремятся свергнуть с помощью революционного авангарда политическую систему, чтобы (восстановить) установить то, что они считают естественным порядком в обществе; обычно имеют идеологическую программу или план действий, направленный на захват и удержание власти; отвергают верховенство закона, всеобщие права человека, демократические принципы, разнообразие и плюрализм; отказываются от компромисса с другой стороной и в конечном итоге стремятся подчинить или устранить врага; придерживаются философии оправдания (любых) средств для достижения цели; активно поддерживают и восхваляют применение насилия для борьбы с тем, что они считают «злом», и для достижения своих политических целей; демонстрируют склонность к массовому насилию против реальных и потенциальных врагов; проявляют нетерпимость ко всем взглядам, кроме своих собственных догматических, и выражают это в гневе, агрессивном поведении и языке ненависти»¹.

¹ Прим.: Алекс Шмид указывает, что индикаторы он разработал, опираясь на две основополагающие работы по экстремизму, одна из которых написана на немецком языке Беттихером и Маресом, другая – на английском языке Мидларски (Bötticher and Mares; Midlarsky). См. Schmid, A. P. «Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?» *The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague* 5, no. 5 (2014). DOI: <http://dx.doi.org/10.19165/2014.1.05> P. 21–22.

Мы хотим подчеркнуть важность предложенных Шмидом индикаторов, поскольку считаем, что качественная операционализация и формализация позволяют применять эти индикаторы для анализа контента в социальных сетях. Кроме того, он сам высказался по поводу перспективы применения таких индикаторов для эмпирической проверки, как инструмента измерения экстремизма при проведении мониторинга контента и дискурса (таких как язык вражды или мониторинг преступлений на почве ненависти). Шмид особо отметил: список должен дополняться, необходимо учитывать, что не все индикаторы будут иметь одинаковый вес (следовательно, следует разработать критерии веса показателей), следует избегать «механического суммирования показателей», контрольный список необходимо использовать в динамике (систематически повторять через фиксированные интервалы времени); такой инструмент позволит выявить экстремистские тенденции и определить различия между тем, «что является законным политическим инакомыслием и здоровым радикализмом – политическим активизмом... опасной экстремистской воинственностью и менее опасными формами нонконформистского радикального или нерадикального активизма» [23].

Опираясь на предложенные Алексом Шмидом индикаторы и результаты анализа приведенных выше определений, обозначим связующие признаки в интерпретациях экстремизма:

- В определениях экстремизма используются отрицательные коннотации. Это понятие можно обозначить как ценностно деструктивное, в том смысле, что экстремистская деятельность осуществляется социально неприемлемыми, отвергаемыми в обществе способами деятельности – достижение цели через применение крайних средств. Экстремизм может выражаться как в насильственных, так и в ненасильственных действиях. Но даже «ненасильственный экстремизм» не является синонимом понятия «радикализм», поскольку имеет иные признаки, при том что «отсутствие насилия может быть лишь временным тактическим соображением» [23].

- Экстремистские взгляды характеризуются нетерпимостью по отношению к приверженцам иных взглядов.

- Экстремизм может иметь связь с какой-либо конкретной идеологией, является отражением идейной конструкции, конечной целью выступает достижение коренных изменений с помощью нелегитимных средств (применение насилия).

- Феномен экстремизма, так же, как и радикализм, имеет различные причины и проявления, обусловлен историческими, социальными, культурными, экономическими, политическими предпосылками в конкретном обществе в конкретный период времени.

- Экстремизм, так же, как и радикализм, относится к философской категории «явление» и отражает комплекс характерных признаков деятельности, где совокупность взглядов, установок, чувств, действий, средств, способов отличается от общепринятых в обществе –направленность действий на применение крайних средств в достижении цели, которая может быть политической, идеологической, религиозной, социальной, экономической и даже личной. В цели может отсутствовать идеологическая конструкция (такой тип цели характерен для скулшутеров, массовых убийц, террористов-одиночек)².

Терроризм

Понятие «терроризм» также имеет множество дефиниций в академических исследованиях; происходит от латинских слов *terror* – страх, ужас, *terrere* – устрашать.

Юридические определения терроризма различаются в разных странах, это связано со спецификой законодательства и правоприменительной практикой, в том числе существуют различия в определениях терроризма, закреплены в международных правовых документах.

В законодательных актах Российской Федерации понятие «терроризм» закреплено в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»³. В уголовном кодексе Российской Федерации, в ст. 205, дано определение террористического акта: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [35].

² Прим.: в статье описаны признаки, по которым деятельность одиночек определяется как проблемно-мотивированное насилие. См.: Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the process of school shooters radicalization (Russian case). Social Sciences. 2021. Т. 10. № 12. DOI: 10.3390/socsci10120477.

³ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Ст. 3 Основные понятия. URL: <https://www.rg.ru/documents/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения 25.07.2024).

Российский исследователь А.В. Ростокинский, проведя анализ нормативно-правовых документов РФ, указывает на то, что «...понятие терроризм достаточно размыто. Концепция о противодействии этому явлению определяет терроризм через формулировку «террористические акты и иные проявления терроризма». На уровне нормы закон определяет терроризм в качестве идеологии, несущей насилие, в том числе путем устрашения, в отношении государственной власти различного уровня (ст. 3). В таком изложении данный феномен представляет собой собирательное явление, так как содержит в себе признаки и свойства иных преступлений» [36].

Юридические определения терроризма в США имеют несколько трактовок. В законодательстве США терроризм (террористическая деятельность) относится к числу федеральных преступлений, которые регулируются преимущественно (хотя и не исключительно) федеральным законодательством, а не законами отдельных штатов, расследуются федеральными органами (службами) и рассматриваются федеральными судами [37]. В Федеральном кодексе США терроризм определяется как «предумышленное, политически мотивированное насилие, используемое против невоенных целей субнациональными группами или тайными агентами» (U.S.C., раздел 22, § 2656f) [38].

В международном праве не достигнуто *consensus omnium* в общепринятом определении понятия «терроризм», не определены «границы» для отделения терроризма от других видов преступлений, несмотря на то, что терроризм как социальный феномен характеризуется резким повышением степени общественной опасности его проявлений на международном уровне. Российские авторы А.В. Серебренникова и М.В. Лебедев отмечают, что в международных документах не обозначены пределы явления терроризма, позволяющие правильно осуществлять квалификацию преступлений, вести международную и национальную работу по противодействию терроризму [39]. Другой российский исследователь, Н.А. Чернядьева, указывает на то, что «взаимодействие международного сообщества в исследуемой сфере затруднено ввиду элементарного отсутствия единого доктринального подхода к явлению, что также оказывает влияние на правотворчество» [40].

В резолюции 1566 (2004 г.), принятой международной организацией Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, терроризм определяется как «...преступные деяния, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или тяжкие телесные повреждения, или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности или группы лиц или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную

организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, которые представляют собой преступления в рамках и как они определены в международных конвенциях и протоколах, касающихся терроризма, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера» [41].

Что касается истории появления понятия «терроризм» в международном праве, то, как указывает А.В. Серебренникова, «впервые попытку сформулировать и закрепить понятие «терроризм» предприняла Лига Наций в 1934 году на Мадридской конференции, посвященной интеграции и приведению к единообразию уголовного законодательства. Здесь впервые была создана «Конвенция о предупреждении терроризма и наказаний за него»; на конференции было сформировано определение: «Терроризм – это применение любого средства, способного запугивать население с целью разрушения любой социальной организации» [39].

В большом толковом словаре русского языка «терроризм» определяется как «политика и тактика террора», где террор трактуется как «1. Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения. 2. Чрезмерная жестокость в отношении к кому-либо; запугивание» [12].

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой терроризм трактуется как «1. Политика террора. 2. Деятельность террористов», где террор определяется как «1. Подавление политических противников насильственными методами; политика устрашения. 2. Убийства, похищения, диверсии как средство достижения каких-либо целей» [13].

Террор и терроризм – явления, связанные между собой. В словаре Ожегова террор определяется как «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [42].

В социологическом энциклопедическом русско-английском словаре терроризм определяется как «1) политика и практика террора; 2) деятельность террористов» [14], где террор трактуется как «идеология и политика насилия, допускающие возможность убийства ради достижений определенных политических целей» [14].

В научных публикациях российских исследователей определения терроризма имеют как широкую, так и более узкую трактовку. Приведем несколько примеров определений терроризма:

- «насилие, предшествующее применению в дальнейшем не менее жесткого насилия, с целью нарушения общественного и государственного порядка, создания паники и внушения страха для целей принятия оппонентом определенного решения, совершения политических и иных изменений» [43];

- «наиболее опасная форма проявления экстремистской идеологии» [36];
- «применение насилия отдельными лицами или группами людей для целей устрашения населения либо отдельных специальных субъектов, а также для создания в обществе социально-психологической атмосферы страха» [44];
- «способ разрешения общественных, социальных противоречий в результате применения морально-психологического давления, угроз, устрашения, психологического и физического насилия» [45].

В англоязычных научных публикациях понятие терроризм имеет следующие определения:

- «преднамеренное применение или угроза применения насилия отдельными лицами или субнациональными группами против государства с целью достижения политической или социальной цели путем запугивания большого числа граждан, не входящих в число непосредственных жертв» [46];
- «незаконное использование силы против невиновных людей для достижения политических целей» [47];
- «организованное применение насилия для нападения на некомбатантов («невинных» в особом смысле) или их имущество в политических целях» [48]; «преднамеренное применение или угроза применения насилия отдельными лицами или субнациональными группами для достижения политической или социальной цели посредством запугивания большой аудитории, не входящих в число непосредственных жертв» [49].

Общим признаком в этих научных определениях является то, что терроризм применяется для обозначения многих видов насильственных действий, направленных на достижение конкретных целей (экономических, социальных, религиозных, политических и иных), на нанесение неприемлемого экономического, морального и политического ущерба личности, обществу, государству, что и отражено в указанных выше определениях. Известный историк и политолог Уолтер Лакер (Walter Laqueur) на рубеже XX–XXI веков утверждал, что невозможно дать определение терроризму и не стоит даже пытаться, потому что десять лет дебатов о типологиях и определениях не расширили наши знания по этому предмету в значительной степени. Он отмечал, что насчитал более 100 определений терроризма, в которых единственной связующей характеристикой является то, что терроризм предполагает насилие и угрозу насилия [47].

Однако отсутствие консенсуса по юридическому определению терроризма не означает, что *consensus omnium* невозможно достигнуть в академическом определении. Можно сказать, что научное определение Алекса Шмида, получило достаточную степень признания среди ученых.

Алекс Шмид, признанный авторитет в изучении терроризма, подчёркивал, что «цена консенсуса [привела] к снижению сложности» [50], в определениях терроризма существует многослойность, и для достижения консенсуса в академическом определении терроризма потребовалось более ста лет [51]. Первая версия определения терроризма была опубликована Алексом Шмидом (Alex Schmid) и Альбертом Йонгманом (Albert Jongman) в совместной статье 1988 г. [52]. Расширенная версия статьи была опубликована Алексом Шмидом в 2011 г., в ней терроризм определяется как «предумышленные, демонстративные, прямые насильственные действия без юридических или моральных ограничений, направленные главным образом против гражданских лиц и некомбатантов, совершаемые с целью пропагандистского и психологического воздействия на различные аудитории и стороны конфликта» [51].

Определяя связующие признаки в интерпретациях терроризма, можно сделать следующие выводы:

- В определениях понятия «терроризм» используются отрицательные коннотации, так же как и понятие экстремизм можно обозначить как ценностно-деструктивное. В многочисленных определениях терроризма присутствуют три ключевых элемента: насилие, страх и устрашение (запугивание). Террористическая деятельность осуществляется социально неприемлемыми, отвергаемыми в обществе насильственными методами, достижение цели происходит через применение крайних средств.

- Терроризм – наиболее опасная форма проявления экстремистской идеологии. В формировании террористических убеждений идеология играет значимую роль. Терроризм – это идеологически мотивированное насилие.

- Терроризм, так же как и экстремизм, предполагает приверженность крайним взглядам, убеждениям, действиям через применение насильственной практики для достижения конкретных целей (экономических, социальных, религиозных, политических и иных).

- Терроризм и экстремизм предполагают приверженность радикальным взглядам, доведенным до крайности: принятие идеи применения крайних средств и насильственных методов. Цель достигается путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия, тем самым вызывая дестабилизацию в обществе в целом.

- Терроризм, так же как и экстремизм, радикализм, относится к философской категории «явление» и отражает комплекс характерных признаков насильственной деятельности, направленной на достижение конкретных целей (экономических, социальных, религиозных, политических и иных), нанесение неприемлемого экономического, морального и политического ущерба личности, обществу, государству,

Радикализация

Понятие «радикализация» занимает центральное место в современных исследованиях политического насилия, терроризма и экстремизма, однако единого академического консенсуса относительно его определения не достигнуто. В отличие от юридически закрепленных понятий «экстремизм» и «терроризм», термин «радикализация» отсутствует в национальных законодательствах и международном праве, что подчеркивает его преимущественно аналитический характер.

После террористических атак 11 сентября 2001 года понятие «радикализация» привлекло внимание исследователей в области политического насилия и терроризма. Социологи Лоренцо Бози и Донателла Делла Порта (Lorenzo Bosi, Donatella Della Porta) отмечают: «Эти ученые [исследователи социальных движений, заинтересованные в изучении политического насилия и терроризма] бросили вызов доминирующему нормативному использованию, когда радикальные убеждения отождествляются с насильственными средствами, и стали рассматривать радикализацию как индивидуальный или организованный процесс, который приводит к переходу от ненасильственных форм действий к насильственным с целью продвижения или противостояния политическим, социальным и/или культурным изменениям. Было показано, что ситуация эскалации конфликта разворачивается с течением времени или сразу после какого-либо события, выступая в качестве поворотного пункта» [53].

В 2013 году Питер Нойманн и Скотт Кляйнманн (Peter Neumann, Scott Kleinmann) в своем обзоре академических исследований радикализации за период с 1980 по 2010 год отмечали: «Радикализация – одно из самых громких слов нашего времени. Поиск в Google выдает более 1,5 миллиона совпадений – почти в два раза меньше, чем поиск по более широкому и менее "сложному" термину "политическое насилие". Поэтому неудивительно, что ученые по всему миру пытаются осмыслить и понять смысл феномена, который одни считают "мифом", а другие – одной из самых больших угроз безопасности и сплоченности общества во всем мире»⁴.

К концу первого десятилетия изучения термин «радикализация» стал одним из самых употребляемых в научном и публичном дискурсе,

⁴ Прим.: Peter Neumann с 2008 по 2018 г. занимал должность директора-основателя Международного центра по изучению радикализации (ICSR-International Centre for the Study of Radicalisation, King's College London, United Kingdom). В 2017 г. был специальным представителем ОБСЕ по противодействию насильственной радикализации, работал исследователем в Национальном консорциуме по изучению терроризма и мер реагирования на терроризм (START) в Университете Мэриленда См. Peter Neumann & Scott Kleinmann (2013) How Rigorous Is Radicalization Research? Democracy and Security, 9:4, 360-382, DOI: 10.1080/17419166.2013.802984 P. 360.

что сопровождалось поляризацией мнений: от признания радикализации ключевой угрозой до отрицания состоятельности самой концепции. Активные дискуссии в научных кругах по поводу определений понятия «радикализация» и состоятельности самой концепции в начале XXI века и до настоящего времени не привели к *consensus omnium*. У социологов должен вызывать интерес сам процесс научной коммуникации и эволюции подходов к объяснению феномена радикализации. Возможно, мы вскоре увидим результаты таких эмпирических исследований.

Анализ множества дефиниций позволяет выделить устойчивые смысловые узлы (или ключевые характеристики), присущие различным интерпретациям радикализации. Эти характеристики наглядно проявляются в работах ведущих исследователей.

Во-первых, *процессуальность*. Подавляющее большинство исследователей, анализирующих переход от ненасильственных действий к насильственным, описывающих совокупность процессов изменения установок, акцентирующих процесс формирования готовности к насилию, определяют радикализацию как динамический процесс, а не статичное состояние.

Кристофер Эббрехт и Рикке Петерс (Christopher Kehlet Ebbrecht, Rikke Louise Alberg Peters) высказывают своё мнение: «Существует общее понимание радикализации как *процессуальной* концепции, а экстремизма как *позиционной* концепции. Другими словами, радикализация обычно определяется как процесс, в ходе которого люди присоединяются к определенной экстремистской позиции. Эта позиция часто описывается со ссылкой на конкретные «формы» экстремизма, такие как i) правый экстремизм, ii) левый экстремизм, iii) национал-сепаратизм, iv) религиозный экстремизм или v) так называемый экстремизм «по одному вопросу 2, а в последнее время также антиавторитарный экстремизм и женоненавистнический» [54].

Анна Далгаард-Нильсен (Anja Dalgaard-Nielsen) описывает насильственную радикализацию как «процесс, в котором радикальные идеи сопровождаются формированием готовности непосредственно поддерживать насильственные действия или участвовать в них» [55].

Джон Хорган (John Horgan) определяет радикализацию как «процесс формирования экстремальных убеждений [56].

Рэнди Борум (Randy Borum) усиливает акцент: «Радикализация – это процесс вовлечения или участия в экстремистских действиях» [33].

Чарли Винтер, Питер Нойманн, Александр Мелеагру-Хитченс, Магнус Рансторп, Лоренцо Видино, Йоханна Фюрст (Charlie Winter, Peter Neumann, Alexander Meleagrou-Hitchens, Magnus Ranstorp, Lorenzo Vidino, Johanna Fürst) существенно расширяют границы радикализации, рассматривая ее как множество процессов: «Радикализация – это набор процессов,

посредством которых человек приходит к участию в доктринальном экстремизме любой формы, будь то онлайн или иным образом» [5].

Донателла Делла Порта и Гарри Ла Фри (Donatella Della Porta, Gary LaFree), по результатам анализа академического дискурса вокруг понятия «радикализации», отмечают, что определения зачастую относятся к разным, хотя и пересекающимся явлениям, но семантическая непоследовательность в интерпретациях и упрощения лишь повышают «градус» дискуссий. В качестве примеров такого рода упрощенных определений они приводят следующее: *«процесс, ведущий к более широкому использованию политического насилия»; «процесс эскалации, ведущий к насилию»; «стратегическое использование физической силы для воздействия на несколько аудиторий»* [57].

Питер Нойманн и Брук Роджерс (Peter Neumann, Brooke Rogers) рассматривают радикализацию как совокупность процессов на индивидуальном уровне: «радикализация [представляет] совокупность процессов, вызывающих изменения в установках, которые ведут к принятию и, в конечном счете, вовлечению в применение насилия для достижения политических целей» [58]. Фактически идея объединения ментальных и физических процессов под одним «зонтиком» частично решает проблему определения «радикализации», но возникает риск сильно упростить сложный процесс.

Во-вторых, **эскалация к оправданию насилия**. Суть процесса заключается в возрастающем оправдании межгруппового насилия и в готовности к жертвам ради защиты «своей» группы, изменение убеждений, чувств и поведения, приверженность идеологии, легитимирующей насилие.

Кларк МакКоули и София Москаленко (Clark McCauley, Sofia Moskalenko) предлагают следующую формулировку: «Радикализация означает изменение убеждений, чувств и поведения в направлениях, которые все больше оправдывают межгрупповое насилие и требуют жертв в защиту ингруппы» [59], то есть процесс эскалации, ведущий по пути от первоначально ненасильственных установок к насильственным действиям. По их мнению, «существует множество возможных значений радикализации, но большинство соответствующих различий можно представить с помощью обычных социальных психологических различий между убеждениями, чувствами и поведением. Конечно, именно радикализация поведения вызывает наибольшую практическую озабоченность» [59].

Джо Уиттакер (Joe Whittaker) определяет радикализацию как «постепенное принятие экстремальных убеждений, ведущее к сути того, что именуется радикализацией террористического поведения как конечной точки на этом «пути» [60].

Анна Далгаард-Нильсен (Anja Dalgaard-Nielsen) еще в 2010 году отмечала, что «исследованиям радикализации не хватает прочной эмпирической основы... необходимо более широкое использование контрольных групп в сборе эмпирических данных о террористической радикализации для надлежащего учета изменений в процессе радикализации, а также усиление внимания к сбору данных о мотивах преступников» [55].

В-третьих, **многоуровневость прощечка радикализации**. Процесс может происходить на индивидуальном уровне (принятие экстремистских идеалов, изменение идентичности) и коллективном/групповом уровне (идеологическая социализация, отказ от диалога. Здесь необходимо отметить важность групповой динамики как ответа на ранний перекос в сторону микроуровня.

Алекс Вилнер и Клэр-Жеанне Дюбулоз (Wilner, Dubouloz) считают, что «радикализация – это персональный процесс, в рамках которого индивидуумы принимают экстремистские политические, социальные и/или религиозные идеалы и стремления и оправдывают использование избирательного насилия для достижения определенных целей» [61], при этом подчеркивают, что «радикализация – это как ментальный, так и эмоциональный процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий» [61]. Хотя в своих работах они рассматривают радикализацию исключительно как процесс приобщения личности к насилию, тем не менее подчеркивают, что «насильственное поведение происходит на заключительном этапе и является отражением укрепления и расширения возможностей новых идентичностей, ценностей и системы убеждений» [61].

Алекс Шмид объяснял многоуровневость процесса следующим образом: «Радикализация – это индивидуальный или коллективный (групповой) процесс, посредством которого, обычно в ситуации политической поляризации, нормальные практики диалога, компромисса и терпимости между политическими субъектами и группами с расходящимися интересами отказываются (одна или обе стороны) в конфликтной диаде в пользу растущей приверженности участию в конфронтационной тактике ведения конфликта. Они могут включать либо (i) использование (ненасильственного) давления и принуждения, (ii) различные формы политического насилия, отличные от терроризма, или (iii) акты насильственного экстремизма в форме терроризма и военных преступлений. Со стороны повстанческих фракций это процесс, обычно включающий дихотомическое мировоззрение и принятие альтернативной фокусной точки политической мобилизации вне доминирующего политического порядка, поскольку существующая система больше не признается подходящей или

легитимной, сопровождается идеологической социализацией от основных или ориентированных на статус-кво позиций к более радикальным или экстремистским позициям» [11, 51].

Марк Седжвик (Mark Sedgwick), критик концепции радикализации, обращает внимание на то, что «в первые годы изучения радикализации многие исследователи сосредоточились на микроуровне (индивидуальных процессах), по сути обесценивая достигнутое в исследованиях терроризма понимание важности групповой идентификации, позволяющей предсказывать коллективные действия, что привело к неубедительным результатам. Групповое мышление повышает уровень вовлечённости в экстремистскую, террористическую деятельность, а индивидуальные характеристики способствуют выбору роли и функций в групповой деятельности» [10].

В-четвёртых, *контекстуальная обусловленность процесса радикализации*. Значение и проявления процесса зависят от условий, в которых протекает коммуникация, что подчеркивает Питер Нойманн (термин по своей сути зависит от контекста) и критически анализирует Марк Седжвик, указывая на разные значения термина в контекстах безопасности, интеграции и внешней политики.

По мнению Питера Нойманна (Peter Neumann), «радикализация, как и термин «экстремизм», по своей сути зависит от контекста, и его значение всегда будет оспариваться» [31]. Радикализация как «маркер принадлежности к одной игре... за навязывание доминирующего видения» [62].

Кларк МакКоули и София Москаленко (Clark McCauley, Sofia Moskalenko), обосновавшие концепцию политической радикализации, приводят такую метафору: «Процесс радикализации не является “конвейерной лентой”, в которой радикальные убеждения вдохновляют радикальные действия. Исследования показывают, что связь довольно слабая. Плохие идеи не похожи на «нюхательную соль», вдохнув которую человек обязательно произведет радикальные действия» [63].

Марк Седжвик (Mark Sedgwick) – ярый критик концепции и самого термина «радикализация» – по сути, сам является примером выражения радикальной позиции. В работе «Концепция радикализации как источник путаницы» он выдвигает тезис, фактически категорический императив, который заключается в следующем: «...этот термин [радикализация] используется в трех различных контекстах: контексте безопасности, контексте интеграции и контексте внешней политики. Поскольку у каждого из этих контекстов своя повестка дня, каждый из них использует термин “радикальный” для обозначения чего-то своего. Использование одного термина для обозначения трех разных концепций чревато еще большей путаницей, которая усугубляется тем, что каждый из этих трех контекстов имеет

как минимум два уровня: аналитический и официальный, а также общественный и политический... Единственное решение... признать относительный характер термина “радикал” и перестать рассматривать “радикализацию” как абсолютную концепцию» [10].

Датская секретная служба определяет насильственную радикализацию как «процесс, в ходе которого индивид прибегает к антидемократическим и даже жестоким формам воздействия, в том числе террористическим, для достижения цели, которая определяется его идеологическими или политическими взглядами» [64].

Российский исследователь Д.И. Аполосов смешивает понятия «радикализм» и «радикализация»: «Радикализация – это совокупность методов, способов и средств, направленных на коренное изменение мировоззренческих основ, формирование альтернативной системы ценностей путем разрыва с существующей традицией, а также качественное преобразование основных общественных институтов и/или политической системы в целом» [65].

В том же ключе радикализация трактуется в русскоязычных словарях.

В большом толковом словаре русского языка понятие «радикализация» определяется как «1. Ускоренное, более решительное развитие какого-л. процесса, явления и т. п. 2. Смещение на более радикальные позиции» [12].

В современном толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой понятие «радикализация» определяется как «применение радикальных методов в любой области» [13]. Смежные определению радикализации понятия – «радикализм», «радикальный» и «радикализировать». Трактовка последнего звучит следующим образом: «Применять радикальные [радикальный] методы, усиливать радикализм» [13].

В-пятых, ***дистанцирование от насилия как обязательного критерия***. Признается существование ненасильственной радикализации, что отражено в определении Службы безопасности Нидерландов (поддержка антидемократических изменений ненасильственными методами). Как отмечает Астрид Бёттигер, критерий насилия не может служить основанием для отождествления радикализации с экстремизмом или терроризмом.

Дженнифер Уильямс (Williams) особо подчеркнул: «Радикализация – это процесс, посредством которого отдельные лица (или группы) приходят к принятию экстремистских взглядов, в частности социально-политических или религиозных взглядов. Но стать «радикалом» – это не то же самое, что стать террористом. Не все лица, принимающие радикальные или экстремистские взгляды, решат заняться насилием» [66].

Сурадж Лакхани (Suraj Lakhani) в своем диссертационном исследовании отметил: «В описаниях радикализации обычно используется либо “диспозиционный”, либо “ситуационный” подход. В рамках диспозиционных описаний существует убеждение, что те, кто вовлечен в терроризм,

имеют некий вид психологического дефицита по сравнению с теми, кто не вовлечен. Однако существует мало доказательств, позволяющих предположить, что подавляющее большинство террористов имеют какие-либо нарушения психологических симптомов или что существует идентифицируемая «террористическая личность»» [67].

Российский исследователь Сакаев в контексте этого «смыслового узла» так определяет радикализацию: «Процесс распространения радикальных идей, вне зависимости от их отношений к насилию как средству достижения целей» [68].

Секретная служба Нидерландов определяет ненасильственную радикализацию как «активное стремление и/или поддержку обширных изменений в обществе с использованием антидемократических форм воздействия, которые могут стать угрозой существования демократического режима и гражданского общества» [64].

В определении канадского правительства радикализация описывается как процесс, с помощью которого «отдельные лица привносят в открытую идеологическую систему идеи и убеждения, которые поощряют движение от умеренных, основных убеждений к крайним взглядам» [11].

В рамочном решении о борьбе с терроризмом Совета Европейской комиссии от 13 июня 2002 года дано такое определение: «Радикализация: отдельные лица или группы становятся нетерпимыми в отношении основных демократических ценностей, таких как равенство и разнообразие, а также растущая склонность к использованию средств силы для достижения политических целей, которые отрицают и/или подрывают демократию»⁵.

В случае использования противоправности как критерия понятие «радикализация» становится сопоставимым с понятиями «экстремизм» и «терроризм», которые как раз и акцентируют внимание на крайних методах борьбы, связанных с насилием. При этом «противоправность» оказывается весьма относительным понятием, поскольку воля законодателя легко может «передвинуть» эту границу в тех или иных целях. Наверное, в этом контексте правильнее было бы использовать именно понятия «экстремизм» и «терроризм», а не категорию «радикализация».

В контексте данного смыслового узла подчеркнём, что понятие «радикализация» не может быть признано тождественным понятию «экстремизм» в плане использования насилия как средства борьбы. Анализ проявлений радикализации следует проводить только с учетом конкретных

⁵ Прим.: этот документ утратил силу 19.04.2017 и заменен на новую директиву: <http://data.europa.eu/eli/dir/2017/541/oj> (accessed 27.07.2024). Рамочное решение от 13.06.2002, см.: Council Framework Decision of 13 June 2002 on combating terrorism (2002/475/JHA). URL: http://data.europa.eu/eli/dec_framw/2002/475/oj (accessed 27.07.2024).

исторических условий и политических процессов, протекающих в определенном (конкретном) обществе.

Несмотря на многообразие подходов и критику, анализ существующих интерпретаций позволяет выделить ключевые, взаимосвязанные признаки, конституирующие понятие «радикализация»:

- Процессуальная природа. Радикализация понимается прежде всего как динамический процесс изменений, а не статичное состояние или позиция.
- Направленность эскалации. Процесс характеризуется движением по спектру – от менее радикальных к более радикальным позициям, убеждениям и формам действий (ненасильственным или насильственным).
- Легитимация конфронтации. Ключевым содержательным сдвигом в процессе является возрастающее оправдание, отказ от диалога, компромисса и терпимости в пользу конфронтационных тактик и, потенциально, насилия для достижения целей.
- Изменение отношения к насилию. Важным аспектом процесса (особенно в определениях, фокусирующихся на «насильственной радикализации») является изменение восприятия насилия – от неприятия или сомнения к его моральному оправданию, нормализации и готовности к применению или поддержке.
- Контекстуальная обусловленность. Содержание, темпы и проявления процесса радикализации глубоко зависят от конкретных исторических, социальных, политических и культурных условий, а также от уровня анализа (индивидуальный, групповой, социетальный).

Таким образом, на основании проведенного анализа мы предлагаем следующее концептуальное определение: **радикализация – социально детерминированный процесс эскалации, в рамках которого индивиды или группы претерпевают трансформации в сфере убеждений, поведенческих паттернов и практик действий, что приводит к усилению приверженности конфронтационным тактикам, включая оправдание и потенциальное применение насилия, для реализации политических, социальных, религиозных и иных целей.** Данное определение интегрирует ключевые инвариантные признаки явления, эксплицитно фиксирует его процессуальную природу и вариативность проявлений, а также устанавливает методологически значимое разграничение «экстремизма» и «терроризма», сохраняя фокус на динамике изменений как сущностной характеристике радикализации.

1.2. «Родословная» концепции радикализации

Истоки изучения радикализации, как мы отметили во введении, в исследованиях терроризма. В зарубежной научной периодике регулярно публикуются обзоры, в которых авторы используют разные хронологии для описания этапов исследований терроризма.

Мы выделили три наиболее значимых периода в исследованиях терроризма, опираясь на обзоры авторитетных экспертов в этой области, Алекса Шмида (Alex Schmid) [52], Марты Креншоу (Martha Crenshaw) [69], Рика Кулсета (Rik Coolsaet) [70], Питера Нойманна (Peter Neumann) [31, 71], Эндрю Силке (Andrew Silke) [72, 73]. Краткое описание ключевых «находок» в эти периоды является необходимым условием для того, чтобы перейти к анализу современного состояния исследований радикализации. Мы разделили исследования на следующие периоды: 1) конец XIX века до 1960-х гг.; 2) 1960–1980-е гг.; 3) с 1990-х гг. до начала 2000-х гг.

В попытках объяснить, как люди становятся радикалами и приводят ли радикальные взгляды к терроризму, исследователи пришли к выводу, что терроризм нельзя рассматривать в отрыве от политического насилия, социальных движений, протестной активности, революционной мобилизации, бунтов, мятежей, революций в периоды масштабных социальных политических трансформаций [74–78]. Это был самый длительный период накопления знаний о терроризме – с конца XIX века до середины XX века – его можно назвать периодом спорадических наблюдений и ошибочных «диагнозов».

Материалом для изучения в этот период является насильственный анархизм, протестные леворадикальные движения, революционный терроризм и сами «активисты», которых называли «слабоумной молодежью, страдающей глубокой страстью к справедливости, безудержной манией признания, даже путем мученической славы, и обрекающие себя на стремительное восхождение на свой пьедестал-эшафот» [79]. Ошибочным «диагноз» был в части оценки психологического состояния: «ненормальности» молодых людей и паталогических отклонений как основы террористического мышления. Полезным стало накопление первичных знаний о социальных движениях и объяснений причин политического насилия: *зависимость от национального контекста* («настроение эпохи», местные условия, культурные, политические, экономические, социальные, способствующие возникновению причин); глубокий разрыв между ожиданиями и реальным удовлетворением потребностей молодежи как одна из причин недовольства (обусловлена не бедностью, частичными лишениями или разочарованием в общественном строе), *индивидуальные*

мотивы и значимость относительной депривации; идеологии как фактор мотивации и мобилизации к террористическому насилию.

Это был период поиска определений терроризма, разграничения понятий «экстремизм», «терроризм», «радикализм». Интерпретации выглядели казуистическими, лишенными терминологической строгости. Но именно в этот период уже стало понятно, что социологические теории позволяют создать крепкий фундамент для изучения индивидуальной и групповой динамики мобилизации на террористическое насилие, социальных механизмов, причинных факторов.

Идеи, заложенные пионерами исследований терроризма, позволили ученым значительно продвинуться во второй период, 1960–1980-е гг. Материалом для изучения в этот период стали национально-освободительные движения, организации в Азии, Африке, Европе, США, имеющие в основе ультраправые, ультралевые идеологии, религиозные экстремистские и террористические организации. При изучении терроризма возникла дилемма, суть которой в том, что одни исследователи считали конкретные движения, организации национально-освободительными, другие – террористическими (самый яркий пример – движение сопротивления апартеиду). Этот период можно назвать прорывным, хотя и не лишенным проблем. Ключевые достижения охарактеризуем по тем консенсусам, которые были достигнуты. Поиск дефиниций терроризма на протяжении столетия наконец увенчался успехом – достигнут консенсус в академическом определении терроризма, опубликованном Алексом Шмидом и Альбертом Йонгманом в 1988 году (расширенная версия была опубликована Шмидом в 2011 г.).

На сегодняшний день количество предлагаемых учеными новых научных определений терроризма неуклонно растет. И это несмотря на академический консенсус и практику обращения исследователей к определению Шмида и Джонгмана, которое представлено в международной научной периодике.

Значительный прогресс был достигнут в понимании коренных причин терроризма. В 1960–1970-е гг. активно обсуждалась идея о том, что социальные связи и групповое взаимодействие являются важнейшими инструментами вовлечения в террористическую деятельность. Причем было признано, что на возникновение терроризма влияет множество факторов. Ученые настаивают на том, что контекст безусловно играет важную роль, но и нельзя сбрасывать со счетов как индивидуальный выбор человека и влияние конкретной социальной среды, так и роль идеологических лидеров и самой идеологии, представляющей собой «...набор линз, через которые воспринимается информация о физическом и социальном окру-

жении... через которые происходит ориентирование индивида в окружающей среде... на этой основе создается система убеждений, выполняющая функцию установления целей и упорядочивания предпочтений» [80]. Идеология была признана важным компонентом терроризма.

В 1981 г. Марта Креншоу предложила комплексный подход к изучению терроризма, который определил направления исследований на годы вперед. Она настаивала на том, что в изучении терроризма важно учитывать взаимосвязь между контекстом (условия возникновения, среда), мотивационными факторами (личностные, психологические атрибуты) и групповой динамикой [69].

В 1980-е гг. в изучении терроризма наблюдался значительный «всплеск» по сравнению с предыдущими десятилетиями, знания об индивидуальной и групповой динамике, которая приводит к насилию, ощутило продвинулись вперед. Значимый вклад внесли социологи, такие как итальянка Донателла Делла Порты (Della Porta) со сравнительным исследованием леворадикальных движений в Италии и Германии. Она рассматривала террористические группы как часть социальных движений и изучала динамику на трех уровнях: внешние условия, групповое сознание и групповая идентичность, индивидуальная мотивация и восприятие [81].

Особого внимания заслуживают исследования психологов, таких как Ариэль Мерари (Ariel Merari), который разрушил миф предыдущих десятилетий о террористах как безумцах и сумасшедших. Он привёл доказательства того, что террористы не страдают клиническим психозом [82]. Его идея оказала ощутимое влияние не только на исследования психологических атрибутов террористов (в более поздних исследованиях Джерольда Поста (Jerrold Post) [83, 84], но и на процесс радикализации. Хотя психопатологическая версия была дискредитирована, но по сей день продолжает существовать «как устойчивый источник вдохновения, на котором можно строить теории» [85].

Многие из открытий, сделанных в эти годы, стали основой для исследований радикализации. Однако к концу 1980-х гг. ответ на вопрос, почему конкретные люди участвуют в терроризме, так и не был найден. Проблемы этого периода изучения: исследования остаются разрозненными и фрагментарными, концептуально и методологически слабо проработанными, эмпирика низкого качества.

Алекс Шмид и Альбер Йонгман в своем обзоре 1983 года обрушились с резкой критикой на исследовательское сообщество, назвав «большую часть работ претензионными, анекдотическими, поверхностными... с далеко идущими обобщениями, основанными на эпизодических дан-

ных» [52]. Поразительно то, что через пять лет, в 1988 году, повторив исследование, они пришли к тем же выводам [52]. Так начался период разочарования, стагнации и спада в исследованиях терроризма.

К концу 1980-х и началу 1990-х гг., как отмечает Рик Кулсет (Rik Coolsaet), количество исследований сократилось приток новых исследователей в эту область также остановился, концептуализация не вышла на новый уровень, несмотря на значительные достижения предыдущих десятилетий. Этот период (с 1990-х до начала 2000-х гг.) можно назвать «кризисом идей».

Основное внимание привлечено к исламистским и салафитским террористическим организациям и идеологическим движениям. Но Эндрю Силке (Andrew Silke) в своем обзоре исследований 90-х гг. фиксирует интересный парадокс. С одной стороны, подъем исламистских террористических организаций (таких как Аль-Каида) вызвал необходимость фокусировки внимания; с другой стороны, он обнаружил, что самые публикуемые работы – по IRA (Ирландская республиканская армия), т. е. значительная часть исследователей терроризма игнорировала тему исламизации или не заметила этой тенденции [72]. Силке также фиксирует проблемы этого периода, которые уже обозначились в конце 1980-х гг.: методологическая и эмпирическая строгость в исследованиях не соблюдается (данные – эпизодические, чрезмерная зависимость от источников в СМИ, выбор методов вызывает сомнения в их ценности, статистический анализ отсутствует), а большинство исследователей терроризма по сути являются «компиляторами литературы» [73]. К этому стоит добавить общие проблемы исследовательского поля, которые фиксируют авторы обзоров: исследователи замкнуты в своих «национальных контекстах», не обмениваются данными, исследовательское поле остается довольно разнообразным, неорганизованным, бессвязным; используются широкие и расплывчатые критерии для анализа; систематический анализ является редким исключением; большинство статистических данных, используемых в эмпирических исследованиях, имеют ограниченную ценность, потому что они в конечном итоге несравнимы (в каждой стране используются разные определения, разные критерии, время от времени меняются методы и критерии, что затрудняет анализ общих тенденций); отсутствие единого академического «поля» не позволяет обеспечить соблюдение строгих академических стандартов [71, 73, 77, 79, 86].

Но, несмотря на критику, были и достижения. Одно из самых значимых, бесспорно, повлияло на появление концепции радикализации. Еще в предшествующем периоде высказывалась идея о том, что невозможно построить уникальный профиль террориста, но именно в 1990-е гг. эта идея получила многочисленные подтверждения. Консенсус сложился в

понимании того, что никакого особого «террористического мышления» не существует, также не существует единой траектории развития террористического сознания и невозможно создать универсальный профиль террориста. Но в этот момент времени делались и довольно противоречивые заявления, как например: «Существует столько же траекторий развития терроризма, сколько и людей» [79].

Заслуживает внимания то, что в этот период времени пересматривается роль идеологии как фактора мотивации и мобилизации к террористическому насилию, «идеология может быть фактором, но не обязательно определяющим мотив» [87]. Идеология как система убеждений необходима для мобилизации людей, но, скорее, важен не ее доктринальный смысл, а убедительность нарратива, способность вызвать эмоциональную реакцию – в первую очередь негативную, гнев, страх, злость. Тогда мобилизующая сила идеологии может оказаться эффективной, действенной или по крайней мере результативной на какой-то период времени.

Только в конце XX века учёные пришли к пониманию того, что терроризм – исключительно сложный феномен, не поддающийся простому объяснению, в котором множество факторов (ситуационных, идеологических, личностных, мотивационных, мобилизационных и др.) играют роль и зависят от контекста условий и среды, в которой «вырастает» идея терроризма. На сегодняшний день в наших знаниях о терроризме есть пробелы, и мы все еще далеки от разгадки, «кто, как и почему приходит к терроризму». Но уже сейчас, оглядываясь назад, можно констатировать, что знания, накопленные за прошедшее столетие, позволили выйти на качественно новый уровень понимания феномена терроризма.

Всплеск интереса к изучению радикализации возник после 11 сентября 2001 года. Террористические акты 9/11 вызвали академический ажиотаж – волну научных публикаций, в которых исследователи искали ответ на ключевой вопрос: что является коренными причинами терроризма. Именно в этот момент времени возникает гипотеза о радикализации как предикторе терроризма. Исследователи интересовались вопросами радикализации на протяжении всего периода изучения терроризма, т. е. более ста лет, только сам термин «радикализация» активно не применялся в этот период. Чаще всего применялся термин «радикализм» (появившийся в конце XVIII века в политической философии), как проявление радикальных идей, мнений, форм поведения и действий, «буквально как бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности» [6]. Кроме того, радикализм часто путали или смешивали с экстремизмом. Такое понимание сильно ограничивало объяснение самого феномена терроризма и его коренных причин. Поэтому неудивительно, что

ученые во всем мире, больше ста лет искавшие ответы на ключевые вопросы, кто, как и почему приходит к терроризму, несмотря на достигнутый прогресс в изучении этого феномена и процветающую область исследований, испытали шок и даже разочарование после событий 9/11. Многие эксперты по терроризму, предсказывавшие умеренное снижение террористического насилия, были ошеломлены. Казалось бы, они так близки были к разгадке. И вот в этот момент времени на волне академических и общественных дискуссий возникает объяснительная концепция радикализации: процесс, в ходе которого человек вовлекается в политическое насилие, и терроризм становится конечной точкой в этом процессе.

Радикализация первоначально использовалась как «политическая конструкция в антитеррористической политике ЕС, поскольку зародилась в полицейских и разведывательных кругах после терактов 11 сентября и отражена во внутренних антитеррористических документах ЕС» [79]. С этого момента изучение радикализации займет центральное место в научных исследованиях терроризма, прочно закрепившись «в сердце» глобальной борьбы с терроризмом. Жаркие дискуссии о радикализации сотрясали академическое сообщество все первое десятилетие. Одни ученые видели радикализацию как чисто умозрительную, ускользающую от понимания смысла конструкцию, не имеющую перспективы, и даже «миф». Другие считали радикализацию «Святым Граалем в борьбе с терроризмом» [79] и прогнозировали значительное расширение горизонта возможностей в понимании того, кто, как и почему приходит к терроризму. Только к концу второго десятилетия дискуссии стали утихать, вопрос о существовании радикализации как самостоятельного феномена был снят с повестки, существенное значение приобрела проблема теоретико-методологической проработки радикализации в более широком контексте, не ограничиваясь изучением только насильственного экстремизма и терроризма. Это было связано с тем, что к тому времени в научно-исследовательском поле сложилось два противоположных подхода: релятивистский (отрицающий идею о том, что радикализация вызывает терроризм) и контекстуальный, или метаподход (радикализацию необходимо изучать в широком контексте насильственных случаев, не ограничиваясь только изучением насильственного экстремизма и терроризма) [31, 59].

Множество монокаузальных объяснений радикализации, неопределенность и даже двусмысленность в определениях привели к тому, что исследователи буквально разделились на три антагонистических лагеря: одни понимают под радикализацией процесс, в ходе которого субъект становится предрасположенным к применению идейно-мотивированного насилия (терроризм, насильственный экстремизм); другие рассматривают радикализацию

как процесс, в ходе которого субъект принимает радикальную или экстремистскую идеологию (насильственные и ненасильственные формы экстремизма); третьи – и то, и другое вместе. В качестве примеров этих позиций приведем ключевые определения понятия «радикализация»: «процесс вовлечения в терроризм или участия в экстремистских действиях» [33], «процесс формирования экстремальных убеждений или совершения экстремальных действий» [56]; «процесс эскалации от ненасильственных мнений к насильственным действиям, в котором происходит трансформация в убеждениях, установках и поведении в сторону экстремизма, требующего насилия и самопожертвования» [59]; «радикализация относится к экстремизму так же, как скорость связана с позицией, т. е. радикализация – это (положительное) изменение степени экстремизма, выраженного отдельным лицом или группой» [88]; радикализация как процесс принятия экстремальных убеждений, в котором фокус «на террористическом поведении как конечной точке в процессе “пути”»; «активная радикализация – это процесс, в ходе которого отдельные люди или группы становятся идеологически приверженными насилию, т. е. начинают исповедовать систему убеждений, которая узаконивает или даже требует насильственных действий против оппонента» [89]. Алекс Шмид подчеркивал «многослойность» понимания: «радикализация, как и терроризм, часто означает разные вещи для разных людей, иногда также исходя из различных политических интересов» [11]. Напомним, что для достижения консенсуса в академическом определении терроризма потребовалось более ста лет.

Обобщая описанные позиции, выделим то, что является связующим, – это целостное понимание радикализации как процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным. При этом рассматриваются различные варианты в качестве оснований нерадикального – ненасильственные формы выражения мнений, идей, поведения, и радикального – радикальных идей, мнений, насильственных форм поведения и действий. Существенным аспектом процесса перехода от нерадикальных форм к радикальным является принятие идеи насилия как способа достижения цели, которая может быть политической, религиозной, идеологической, террористической и даже личной.

Концепция радикализации не лишена проблем с точки зрения масштабов понимания самого процесса на микро-, мезо- и макроуровне соответственно, и понимания того, кто в этом процессе играет доминирующую роль: индивиды или группы. Некоторые ученые полагают, что пути к экстремизму или насилию настолько индивидуальны, что поиск причинных факторов радикализации если не контрпродуктивен, то по крайней мере является пустой тратой времени. Другие ученые утверждают, что люди вовлекаются в процесс радикализации благодаря социальным связям, дружбе и/или родственным связям.

Социологи и психологи уже в первое десятилетие исследований радикализации признали, что крайне трудно собрать достоверные данные о процессе радикализации [10, 56, 59, 90, 91]. Большая часть трудностей заключается в том, что в обществе может быть много радикализированных людей, которые на самом деле не совершали и даже не переходили к планированию насильственного инцидента (или совершению террористического акта как крайней точки радикализации), но имеют радикальные убеждения и могут находиться в процессе радикализации. Но поскольку большинство эмпирических исследований в основе содержат выборку только тех, кто уже радикализирован, встал на путь насилия, постольку результаты исследований подтверждают предположение о том, что насилие характеризует конечную точку радикализации. Исключение из выборки исследования тех, кто частично радикализирован, тех, кто дистанцировался от радикальной среды (навсегда или временно) или все еще находится в процессе, но еще не проявил себя в насильственных инцидентах или поддержке насильственного экстремизма, терроризма; такое исключение сильно ограничивает возможность прийти к пониманию самого процесса и, соответственно, к разработке мер по предотвращению дальнейшей радикализации.

1.3. Радикализация в цифровую эпоху: преодоление дихотомии онлайн/офлайн и новые исследовательские парадигмы

Во втором десятилетии XXI века в изучении радикализации выделилось отдельное направление – исследования онлайн-радикализации. В онлайн-среде процесс радикализации приобретает такие черты, как стремительность, всеохватность, вездесущность, а использование социальных медиа для распространения, продвижения идеологии терроризма и насильственного экстремизма среди пользователей резко возросло. Сложность изучения онлайн-радикализации заключается в том, что необходимы инструменты и технологии с использованием методов AI и Web Mining, разработанные под конкретные исследовательские задачи. Эта проблема привела к появлению широкого спектра междисциплинарных исследований с использованием разнообразных методологий из различных дисциплин и автоматизацией наиболее трудоемких процессов – сбора, анализа и обработки данных. Фактически к концу второго десятилетия это направление заняло лидирующие позиции и интенсивность научных дискуссий вновь возросла.

Выявление тех, кто находится в процессе онлайн-радикализации, является еще более трудной для решения задачей, поскольку: 1) понятие «онлайн-радикализация» еще более расплывчато, чем понятие «радикализация», и согласованного определения также не существует; 2) Интернет

не является причиной радикализации, это инструмент, с помощью которого осуществляется быстрое воздействие на широкую аудиторию; соответственно, массовый, вирусный, масштабируемый эффект позволяет радикализировать в короткие сроки пользователей Интернета, но что первично, микро- или мезоуровень, остается под вопросом; 3) под сомнение ставится вопрос разделения онлайн- и офлайн-пространства: «дихотомия является неоправданной, потому что приводит к узкому пониманию роли коммуникационных технологий в процессе радикализации» [92–94].

Онлайн- и офлайн-пространства онтологически неразделимы, «дихотомия является неоправданной, потому что приводит к узкому пониманию роли коммуникационных технологий в процессе радикализации» [92–94]. Появилось даже отдельное направление исследований, в котором «радикализация понимается как процесс, который разворачивается в онлайн- и офлайн- одновременно в гибридном пространстве» [94]. Приверженцы этого подхода используют меткое выражение «Onlife» [95], придуманное философом Лучано Флориди, и его производную «Onlife Spaces» [94].

Что касается консенсуса в определении онлайн-радикализации, приведём определение, которое чаще всего применяют исследователи именно этого направления. Онлайн-радикализация рассматривается «как процесс, в ходе которого люди подвергаются влиянию экстремистских убеждений и взглядов, имитируют и усваивают их посредством Интернета, в частности социальных сетей, и других форм онлайн-коммуникации» [96].

Ключевые концептуальные и методологические вызовы:

1. **Расплывчатость определения.** Понятие «онлайн-радикализация» еще менее консенсусно, чем «радикализация», что затрудняет операционализацию и сравнительный анализ.

2. **Инструментальный характер Интернета.** Интернет не является *причиной* радикализации, а выступает мощным *инструментом* для быстрого, вирусного воздействия на широкую аудиторию, способным ускорять и масштабировать процесс. При этом вопрос приоритетности уровня воздействия (микро, мезо) остается дискуссионным.

3. **Проблема онлайн/офлайн-дихотомии.** Всё чаще подвергается сомнению сама обоснованность жесткого разделения онлайн- и офлайн-пространств в контексте радикализации.

Попытки осмыслить механизмы радикализации в цифровой среде первоначально привели к появлению упрощенных теоретических конструкций («рой» и «рыбаки»), возникших в рамках все еще разделяемой онлайн/офлайн-дихотомии и оказавшихся контекстуально ограниченными.

Общепринятой теории радикализации не существует. Исторически сложилось так, что первопричина насильственной радикализации, приводящей к терроризму, является предметом дискуссий, мнения разделяются между

двумя доминирующими теориями. Первая – теория «роя» (swarm theory, self-radicalization [97]), согласно которой радикализация людей происходит свободно в социальных сетях в результате саморадикализации, процесс организуется «сверху вниз». Вторая – теория «рыбаков» (fishermen theory [98, 99]), согласно которой террористические сети приводят к насильственной радикализации и, как следствие, к терроризму, имеет схему радикализации «снизу вверх», т. е. происходит в небольших социальных группах, как «побочный продукт» самоорганизации людей [99]. Этот процесс еще получил метафорическое название «джихад без лидера», потому что происходит свободный процесс, т. е. акторы приспосабливаются к внутренним условиям без организации «сверху вниз».

Большинство теорий насильственной радикализации попадают в один из этих двух лагерей, потому что дебаты представляют собой классический социологический разрыв «между структурой и агентностью или важностью организаций в противовес индивидуальной социализации» [99]. Причина дебатов, разгоревшихся между исследователями из двух лагерей, довольно банальна. Большинство исследователей (и тех, и других) продвигали свои позиции, опираясь на данные анализа случаев террористических инцидентов, связанных с исламским терроризмом. Но когда внимание уделяется только одной насильственной идеологии – чрезмерный вес такого «перекоса» становится очевиден при анализе других групп риска, потому что не дает понимания истоков радикализации (например, ультраправых, ультралевых или одиночек).

В одной из работ обсуждаются дебаты о «рое» и «рыбаках» – авторы проводят масштабное исследование 4600 террористических инцидентов с классификацией профилей по идеологии насилия и способу радикализации. В результате они приходят к выводу, что обе теории не дают нового знания для понимания терроризма в рамках этих профилей, отличающегося от того, что уже было ранее известно, посредством выявления факторов риска радикализации [100]. Можно сказать, что механизмы радикализации предположительно имеют более глубокую структуру процесса, в которой эти механизмы являются, скорее, эмерджентными свойствами процесса, чем его причинами.

В результате дебатов между приверженцами «роя» и «рыбаков» появилось новое предположение – гипотеза заражения терроризмом (the terror contagion hypothesis) [101]. Суть гипотезы заключается в том, что насильственная радикализация связана с социальным заражением, т. е. насильственная идеология и методы террористической деятельности передаются через «культурные сценарии», которые в свою очередь формируются после совершенных террористических инцидентов. Теории радикализации «роя» и «рыбаков» в этой гипотезе являются не причиной процесса, а ее «побочным

продуктом», т. е. «рой» и «рыбаки» – это всего лишь некоторые из многих потенциальных проявлений, возникающих в результате заражения терроризмом внутри процесса радикализации, а насильственная радикализация представляет собой «социальную заразу». Она распространяется путем объединения насильственной идеологии и «культурных сценариев» осуществления массового насилия. Кроме того, при определенных условиях эта социальная зараза может стать самовоспроизводящейся, самоподдерживающейся [101].

Позиция исследователей, которые предлагают рассматривать радикализацию как неразрывный процесс онлайн и офлайн одновременно, на сегодняшний день является, скорее, теоретической экспликацией, чем реально реализуемым концептом. Изучение процесса радикализации в таком контексте на настоящий момент крайне затруднительно, потому что требуется: 1) методологическая строгость (количественная/качественная); 2) эмпирическая строгость (выборка, сбор первичных данных); 3) разработка, расширение (и адаптация уже имеющихся) методов и инструментов поиска, обработки и анализа больших данных; 4) преодоление крайне сложного барьера – доступ к «популяции исследуемых».

За прошедшие двадцать лет сложились направления исследований, микро-, мезо- и макроуровня изучения радикализации:

1. Анализ поведенческих и социально-психологических атрибутов радикализации [33, 87, 102]. Наиболее перспективным в этом направлении исследований является социокогнитивный подход, в котором радикализация определяется постепенной и непрерывной трансформацией представлений, целей, убеждений и источников мотивации [103].

2. Исследование факторов риска радикализации и сам процесс распространения радикальных идей [55, 59, 98, 104–106]. Внимание исследователей сосредоточено на изучении динамики межгруппового конфликта, механизмах радикализации и факторах риска радикализации микро-, макро- и мезоуровня.

3. Процесс радикализации как совокупность поведенческих, психологических, социальных, идеологических, мобилизационных и других компонентов. По мнению исследователей, радикализация зависит от контекста, в котором она происходит, и насильственного контента, который потребляется пользователями социальных медиа [107–116]. Характерными чертами процесса активной радикализации являются «наличие нарратива, поддерживающего насилие и прямые или косвенные социальные взаимодействия, в ходе которых формируется легитимирующая насилие интерпретация реальности» [89]. В этом направлении можно выделить многоуровневый подход, который в силу своей методологической сложности, необходимости применения автоматизированных инструментов и сервисов, а также баз данных (например, PIRUS [117]) еще не получил значительного распространения, но является перспективным.

За незначительный промежуток времени учёные из разных областей знания создали новую междисциплинарную область, в которую интегрированы социологи, психологи, лингвисты, философы, криминологи, математики, специалисты data science и др. В исследованиях терроризма, по нашему мнению, концепция радикализации носит прикладной и даже инструментальный характер, поскольку сосредоточена на диагностике процесса с помощью методологий, методов и инструментов различных областей науки.

Исследования онлайн-радикализации, возникшие как ответ на новые вызовы цифровой эпохи, прошли значительную эволюцию: от первоначального восприятия Интернета как инструмента распространения экстремистского контента до концептуального осознания онтологической неразделимости онлайн- и офлайн- пространств в рамках гибридных Onlife Spaces. Это преодоление искусственной дихотомии стало ключевым методологическим прорывом, хотя его практическая реализация в исследованиях сталкивается со значительными сложностями. Критика доминировавших ранее упрощенных моделей («рой» и «рыбаки»), основанных на ограниченном эмпирическом материале, и появление альтернативных концепций (гипотеза террористического заражения) свидетельствуют о развитии теоретического понимания. Современные исследовательские направления, интегрирующие усилия социологов, психологов, лингвистов, специалистов по данным и др., демонстрируют переход к комплексным, многоуровневым подходам. Однако прогресс в этой области остается тесно связанным с решением методологических задач: разработкой строгих инструментов для работы с Big Data, обеспечением доступа к релевантным данным и созданием адекватных междисциплинарных методологических рамок, способных уловить сложность радикализации в гибридной цифровой среде. Концепция радикализации, особенно в ее онлайн-аспекте, носит выраженный прикладной характер, фокусируясь на диагностике процесса и выявлении точек для профилактического вмешательства.

1.4. Конкурирующие концепции и модели радикализации

Понимание радикализации как социально-психологического феномена сформировалось в рамках множества конкурирующих концепций. В настоящем параграфе рассматриваются ключевые модели, предложенные для объяснения механизмов, этапов и факторов этого процесса. Особое внимание уделяется эволюции теоретических подходов: от ранних эвристических схем к комплексным, многоуровневым объяснениям перехода от радикальных убеждений к насильственным действиям и фундаментальному различию между формированием радикальных убеждений и их трансформацией в насильственные действия.

Профессор психологии в Школе информации Университета южной Флориды (University of South Florida) Рэнди Борум (Randy Borum) в своем аналитическом обзоре теорий в области социальных наук, которые послужили базой для формирования концепции радикализации, отмечал: «Радикализация – это процесс развития экстремистских идеологий и убеждений, который необходимо отличать от действий – процесса осуществления насильственных экстремистских, террористических действий» [33]. По его мнению, процесс радикализации следует рассматривать как совокупность различных процессов. Перспективными теориями, которые способствуют углубленному изучению процесса радикализации и являются базовыми для концепции радикализации, он считает теорию социального действия, теорию конверсии С. Московичи и теории в области социальной психологии. Определяя ключевые аспекты теорий, доктор Борум подчеркивает причинно-следственную связь между ними и перспективные направления исследований в изучении феномена радикализации. Теория социального действия позволяет выявить различия в процессах совершения действий, уровне участия и управлении процессом, подчеркивая, что идеологическое влияние может служить предиктором индивидуальной радикализации, но также выступать демаркационной линией между группами. Теории социальной психологии способствуют пониманию механизмов социального взаимодействия, влияния конфликта и когнитивных факторов, которые ведут к насилию. Теория конверсии интегрирует изучение условий, ситуационных факторов, причин и личностных мотиваций, предоставляя платформу для исследований. Однако ни одна из существующих социальных теорий не дает исчерпывающего объяснения феномена радикализации. Концептуальные модели, основанные на этих теориях и эмпирических данных, позволяют изучать процесс, отслеживать его динамику, выявлять закономерности и тенденции, формируя основу для общей концепции радикализации [33].

Начиная с первой самой ранней эвристической попытки систематизации и понимания процессов террористической радикализации в модели Рэнди Борума, за прошедшее десятилетие некоторые модели претерпели серьезные изменения, устарели или не выдержали эмпирической проверки и заменены на новые более сложные модели. Модель Борума является примером попытки найти универсальные компоненты радикализации. Четырехступенчатая модель представляет собой пошаговый процесс радикализации, где каждый последующий шаг связан с предыдущим [118]. Начинается процесс с того, что человек или группа людей признают для себя какое-либо событие неправильным. Это, по мнению Борума, следует считать предрадикализацией. Следующий шаг – признание данного события несправедливым. Далее приписывание вины за это событие отдельному человеку или группе

и признание за ними ответственности за предполагаемую несправедливость. Последний шаг – демонизация «другого», т. е. создание образа врага. Линейный процесс радикализации – ключевая гипотеза на тот момент времени не только в работе Борума. Эта гипотеза в дальнейшем была опровергнута.

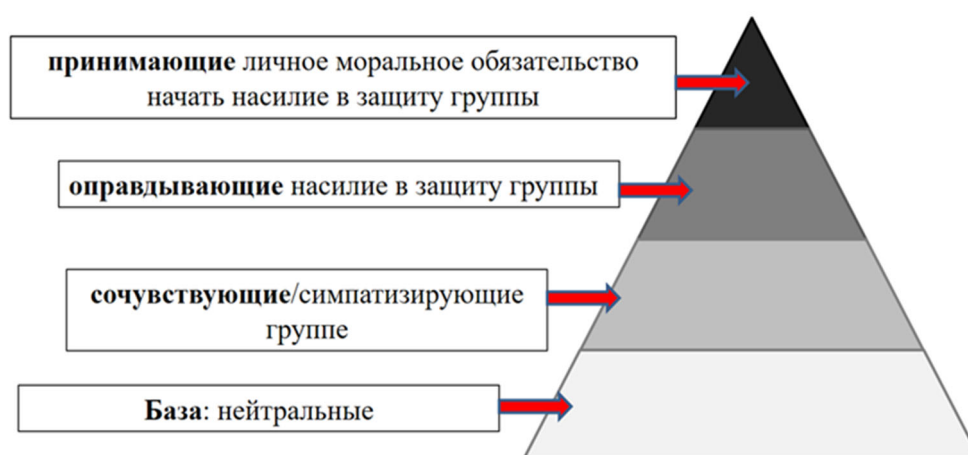
Значительный вклад в концептуализацию механизмов радикализации внесли Кларк МакКоули и София Москаленко (2008). Они предложили модель, в которой обосновали двенадцать механизмов политической радикализации на индивидуальном, групповом и массовом уровнях. Каждый из механизмов, по мнению авторов, требует отдельного внимания и создания концептуальных моделей. Общим для десяти механизмов радикализации является то, что они обладают реактивным качеством и проявляются в контексте групповой идентификации и реакции на предполагаемую угрозу для группы. Реактивный механизм радикализации проистекает в большей степени из динамики межгруппового конфликта. Общим для двух других механизмов является то, что они автономны и связаны с проявлением изменчивости, искажений в индивидуальной психологии. Разнообразие и сила механизмов, проявляющихся по-разному на индивидуальном, групповом и массовом уровне, указывают на необходимость понимания и функционального разделения процесса радикализации. В своей работе они высказали критику текущим исследованиям радикализации, которые, по их мнению, слишком сосредоточены на отдельных участниках в ущерб изучению динамики межгруппового конфликта [59].

Позднее МакКоули и Москаленко [63] представили двухпирамидальную модель политической радикализации: пирамиду радикализации мнений (от индифферентности до принятия личного морального обязательства участия в насильственной деятельности, рис. 1) и пирамиду радикализации действий (от индифферентности до участия в терроризме, рис. 2). Эта модель метафорически изображает переход от идей к действиям как пирамидальную лестницу. Авторы подчеркивают, что процесс радикализации не является линейным и не является «конвейером», где радикальные убеждения неизбежно влекут радикальные действия, указывая на слабую корреляцию между ними [59, 63].

Юридическое определение насильственных экстремистов сформулировано Министерством национальной безопасности США: это «лица, которые поддерживают или совершают идеологически мотивированное насилие для достижения дальнейших политических целей» [119]. МакКоули и Москаленко подчеркивают, что данное определение не способствует отделению радикализации мнений от радикализации действий, поскольку радикальных мнений недостаточно для запуска процесса производства радикальных действий, и настаивают на том, что процесс радикализации должен изучаться на двух уровнях. Предупреждая об опасности сосредоточения

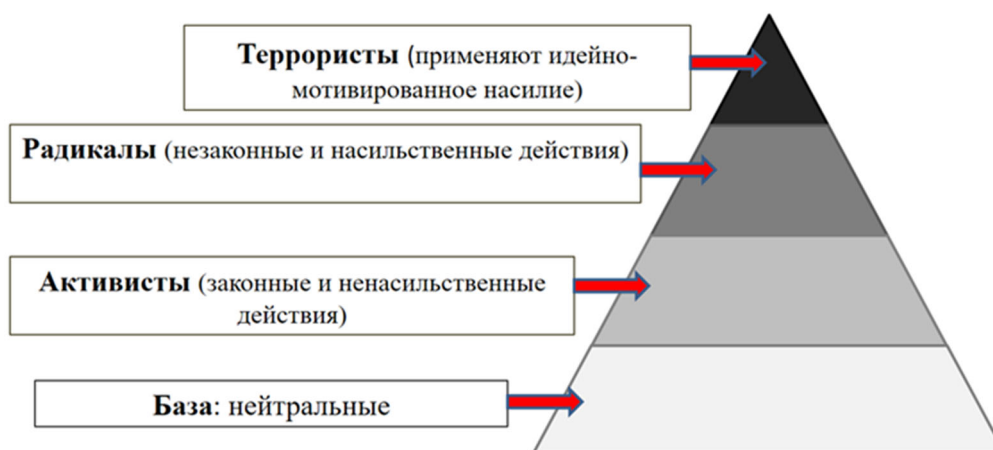
внимания только на определенном процессе, авторы подчеркивают, что такой подход дает только одно измерение и не способствует глубинному пониманию процесса радикализации. «Процесс радикализации не является «конвейерной лентой», в которой радикальные убеждения вдохновляют радикальные действия. Исследования показывают, что связь довольно слабая. Плохие идеи не похожи на нюхательную соль, вдохнув которую человек обязательно произведет радикальные действия» [120].

Радикализация мнений

*Рис. 1. Модель радикализации мнений
(по описанию в работе McCauley–Moskalenko, 2017)*

Радикализация действий

*Рис. 2. Модель радикализации действий
(по описанию в работе McCauley–Moskalenko, 2017)*

Разделение процессов радикализации мнений и действий [63] (McCauley & Moskalenko, 2017) открывает новые перспективы для исследований на массовом, групповом и индивидуальном уровнях. Радикализация нелинейна, зависит от внешних и внутренних факторов. Радикальные убеждения не являются надежным предиктором перехода к действиям, так как большинство их носителей (даже оправдывающих насилие) не занимаются терроризмом. Пути и механизмы радикализации вариативны у разных людей, в разное время, в разных контекстах [63] (McCauley & Moskalenko, 2017). Каждый этап радикализации может рассматриваться как один из возможных факторов принятия идей насильственного экстремизма или участия в терроризме, но не как единственный фактор. Пирамида радикализации действий позволяет теоретически осмыслить переход к насилию, по-разному проявляющийся в группах с одинаковыми целями. Авторы аргументированно доказывают, что радикализация является не линейным процессом, а, скорее, циклическим/поэтапным; нет прямой связи между радикальными убеждениями и радикальными действиями, соответственно, нельзя рассматривать первое как предиктор перехода к совершению насилия; процесс радикализации на индивидуальном, групповом, массовом уровне зависит от влияния как внешних, так и внутренних факторов.

Аналогичную метафору в виде лестницы процесса радикализации, но с акцентом на индивидуальную радикализацию, ранее предложил Фатхали Могхаддам [91]. Его «лестница терроризма» состоит из шести этапов: 1) восприятие несправедливости и относительной депривации; 2) поиск вариантов; 3) гнев на виновников; 4) моральное оправдание терроризма; 5) присоединение к террористической группе; 6) дегуманизация врага для легитимации насилия. Ключевым маркером перехода от мнения к действию Могхаддам считает переход с третьего этапа (оправдание) на четвертый (присоединение). Центральную роль в его модели играют представления о несправедливости, относительная депривация и мораль, объясняющие, почему лишь немногие индивиды достигают верхних этапов при схожих стартовых условиях. Модель детализирует процесс: первый этаж «населен» теми, кто страдает от депривации; на втором оказываются те, кто ощущает блокировку социальной мобильности; третий этаж характеризуется отрывом от общества и моральной приверженностью террористическим убеждениям; на четвертом формируется дуалистическое мировоззрение («с нами или против нас») и начинается включение в структуры террористических организаций; верхние этажи связаны с вербовкой и совершением терактов.

Лестница к терроризму

Fathali Moghaddam (2005 г.)

Рис. 3. Модель «Лестница к терроризму»
(по описанию в работе Moghaddam, 2005)

Важное направление исследований связано с пониманием психологии насильственных экстремистов и террористов. Концептуальные основы заложены Рэнди Борумом [118] и развиты Джоном Хорганом [121] и Максвеллом Тейлором [122]. Авторы сосредоточились на психосоциальных механизмах, выдвигая тезис о том, что «радикализация и участие в терроризме – это постепенный, поэтапный процесс, который не может быть объяснен через обращение к теориям о психопатологическом состоянии» [118, 121, 122]. Новизна подхода Тейлора и Хоргана в том, что авторы рассматривают радикализацию как постепенный, поэтапный процесс, в котором каждый из трех этапов должен быть глубоко исследован. Начиная с первого этапа – определяющее событие к изучению личных факторов до анализа социального, политического и/или организационного контекста. Такой подход, по мнению авторов, приведет не только к лучшему пониманию психологии террористов, но также к разработке более практичных и эффективных контртеррористических инициатив. Исследователи подчеркивают, что для понимания психологии террористов необходимо изучать контекст принятия решений, индивидуальный выбор и осознание последствий участия в насилии, причем личностные механизмы признаются наиболее значимыми. Личностные механизмы определяются как наиболее значимые и другими исследователями этого направления. Например, Арье Круглянский (Arie Kruglanski) подчеркивает, что поиск значимости и смысла жизни является решающим фактором в индивидуальном процессе радикализации [102, 123].

Эндрю Силке [124] опубликовал критический обзор и результаты оценки качества психологических исследований доказательств радикализации джихадистов, указав на недостаток первичных исследований и чрезмерное доверие газетным сообщениям и вторичным материалам в текущих психологических исследованиях. Подтверждая идею постепенности радикализации, он систематизировал взаимосвязанные факторы, выявленные в биографиях террористов: 1) возраст и пол; 2) образование, карьера и брак; 3) социальная идентичность; 4) маргинализация и дискриминация; 5) события-катализаторы и воспринимаемая несправедливость; 6) статус и личные награды; 7) возможность и вербовка. Силке подчеркнул, что радикализация происходит в малых группах единомышленников, постепенно приверженных радикальному делу, и призвал психологов фокусироваться на динамике малых групп и психологических процессах, а не на психопатологии или криминальных аспектах.

Первая концептуальная модель террористической радикализации одиночек создана на основе результатов эмпирического исследования Марка Хэмма и Рамона Спаай [125] и служит дополнением других исследований террористов-одиночек в США и Европе. В своем исследовании, с применением метода case-study, авторы собрали базу данных 98 случаев терроризма одиночек в США с 1940 по 2013 г. Весь процесс радикализации террористов-одиночек, по мнению авторов, состоит из шести стадий: 1) персональный или политический повод для недовольства; 2) близость с сочувствующей или экстремистской группой; 3) активизация (стимул/движущая сила); 4) трансляция умысла; 5) инициирующее событие; 6) терроризм. Разработанная ими модель стала основой для исследований террористов-одиночек по всему миру.

Интерес представляет идея, высказанная Эдвином Баккер и Беатрис де Грааф [126], о том, что «одиночки по определению своеобразны [idiosyncratic], они демонстрируют разнообразный фон с широким спектром идеологий и мотиваций, вряд ли их история выдает что-либо в смысле шаблонов или повторяющихся методов, стоящих за атакой... особенно трудно отличить тех, кто реально намеревается совершить нападения, от тех кто просто выражает радикальные убеждения или пустые угрозы (мистификации)» [126].

До недавнего времени гипотеза о социальном отшельничестве одиночек казалось совершенно очевидной. Считалось, что инциденты одиночек сложнее всего предотвратить, потому что они не имеют контактов с группами или любыми другими радикализированными лицами, следовательно, их действия полностью изолированы, и, соответственно, меньше возможностей утечки информации и больше возможности для сохранения оперативной безопасности. Хотя очевидно, что группы используют

социальные сети в целях радикализации неофитов, степень радикализации одиночек в онлайн-среде гораздо менее определена. Но результаты изучения социальных связей одиночек в онлайн-среде опровергли данную гипотезу. В данном контексте следует отметить концептуальную модель Дэвида Хоффмана [127]. Он обобщил данные тематических исследований радикализации террористов-одиночек Марка Хэмма и Рамона Спаай [128], Пола Гилла, Джона Хоргана и Пейджа Декерта [129], Барта Виллема Шурмана, Эдвина Баккера, Пола Гилла и Ноэми Бухана [130]. Ключевой вывод автора заключается в том, что мотивы, методы и идеология террористов-одиночек находятся под влиянием более широкой социально-политической среды и отношений, которые они формируют в онлайн-среде. Дэвид Хоффман создал пул эмпирических данных по двум крупным случаям террористов-одиночек из Глобальной базы данных о терроризме (GTD) и Канадской базы данных об инцидентах (CIDB). Сосредоточив внимание на изучении поведенческих, операционных и социальных аспектах, он создает типологию социальных связей террористов-одиночек в онлайн-среде до совершения инцидента. Типология включает следующие виды социальных связей: 1) широкая сеть, 2) идеологическая сеть, 3) сигнальная сеть, 4) сеть поддержки. Эта модель стала основополагающей для исследований онлайн-радикализации одиночек и дала толчок развитию нового направления – социальная топология онлайн-радикализации.

Теоретическая модель Джейми Бартлетта и Карла Миллера [131] отличается тем, что авторы выделили четыре часто упускаемых элемента процесса радикализации, потенциально объясняющих переход к насилию: 1) эмоциональное стремление действовать против несправедливости; 2) чувства трепета, волнения и хладнокровия; 3) статус и внутренний кодекс чести; 4) давление сверстников. В статье, посвященной доморощенному терроризму, Бартлетт и Миллер сообщают о результатах двухлетнего полевого исследования в Великобритании, Канаде, Дании, Франции и Нидерландах. Исследование состоит из двух частей. В первой части авторы постарались восполнить пробелы в текущих исследованиях, где отсутствуют измерения в контрольных группах. Бартлетт и Миллер провели сравнительный анализ «разрешительных факторов» применения насилия в тех группах радикалов, которые становятся террористами, и радикалов, которые не становятся террористами. Во второй части статьи авторы сообщают результаты исследования процесса радикализации и проводят различие между типами радикализации тех, кто переходит к насилию, и теми, кто этого не делает.

Психологи Майкл Кинг и Дональд Тейлор [132], анализируя пять теоретических моделей радикализации доморощенных джихадистов, выделили их общие черты и расхождения в моделях. Общие элементы, важные для про-

цесса радикализации, которые проявляются в каждой модели, по мнению авторов, – это: 1) относительная депривация; 2) борьба за идентичность; 3) определенные личностные характеристики. Особый акцент в своих выводах авторы сделали на роли экстремистских организаций в разжигании радикализации и роли индивидуальных особенностей в процессе радикализации. Среди расхождений они отметили разное представление о процессе радикализации: внезапный/спонтанный процесс против линейной прогрессии. Они предложили направления будущих исследований, такие как изучение аффективных реакций на групповую депривацию, процесса управления идентичностями, релевантных личностных характеристик.

Эмпирические исследования [128, 131, 132] существенно обогатили теоретические модели, выявив конкретные факторы риска (события-катализаторы, маргинализация, возможности) и уточнив динамику процесса (особенно в контексте доморощенного терроризма и терроризма одиночек). С опорой на эмпирические данные авторы выявили методологические проблемы (недостаток первичных данных, сложность создания контрольных групп) и обосновали направления для будущих исследований (аффективные реакции, управление идентичностью, специфика малых групп).

Отдельного внимания заслуживают идеи Лоренцо Боси и Донателлы делла Порты [53], которые символизируют парадигмальный сдвиг: отказ от доминирующего психолого-индивидуалистического подхода (поиск коренных причин) в пользу процессуально-реляционной модели. Стоит отметить, что Лоренцо Боси и Донателлы делла Порты – авторитетные исследователи, признанные эксперты в области изучения социальных движений.

Суть подхода Лоренцо Боси и Донателлы делла Порты в том, что авторы противопоставляют процессуально-реляционную модель радикализации доминирующим психологическим и культурно-редукционистским трактовкам, отвергают распространенное отождествление «радикальных» идей с неизбежным насилием, которое стало доминировать после 11 сентября 2001 года. Они критикуют подход к пониманию процесса радикализации, который позволяет оправдывать государственные стратегии массового наблюдения и безопасности, фокусирующиеся на «экстремистских» идеях как прокси для будущего насилия и особо подчеркивают, что радикальные идеи сами по себе не обязательно ведут к насилию.

В энциклопедической статье авторы подводят итоги многолетних исследований, выражают принципиальную методологическую позицию и обосновывают основные идеи своей концепции.

Ключевая идея Лоренцо Боси и Донателлы делла Порты заключается в следующем: радикализация как переход к насилию – это не результат «плохих идей» или «плохих людей», а сложный, многоуровневый, реляционный

и контекстуально обусловленный процесс, возникающий из динамики взаимодействий акторов в рамках более широких политических и социальных конфликтов. Подход на основе изучения и понимания социальных движений предлагает мощные инструменты для анализа процесса радикализации, выходя за рамки упрощенных и часто репрессивных трактовок. Ключевой вопрос исследователей: *как и когда* происходит этот сдвиг.

Авторы отвергают сведение радикализации к «коренным причинам» (бедность, идеология) или индивидуальным девиациям и настаивают на анализе динамических процессов, а не статических факторов. Политическое насилие они интерпретируют как компонент репертуара борьбы, возникающий в контексте эскалации конфликтов между акторами (движения, контрдвижения, государство), закрытия институциональных возможностей, неизбирательных репрессий. Авторы настаивают на интерактивной природе насилия, подчёркивают взаимную провокацию акторов, проявляющуюся в столкновениях. В процессуально-реляционной модели Боси и делла Порта через причинно-следственную связь описывается ключевой механизм взаимной эскалации между социальными движениями и государством.

- **Государственные репрессии → радикализация движений.**

Неизбирательные репрессии как триггер: репрессии, направленные не только на радикальных активистов, но и на мирных участников, симпатизирующих движению. Эффект: стирание дифференциации (легитимные активисты приравниваются к «террористам» → маргинализация умеренных фракций). Кристаллизация врага: государство воспринимается как нелегитимный насильник → укрепление радикальной идентичности. Это ключевой элемент реляционного подхода: радикализация – продукт взаимодействия, а не одностороннего действия акторов.

Тезис опровергает миф о «превентивном эффекте» силового подавления. Как отмечает Лоренцо Боси, «государство, пытаясь уничтожить радикалов, часто создаёт условия для их рекрутирования» [133]. Условием эффективности механизма, при котором репрессии должны привести к радикализации, является наличие плотных активистских сетей, где отсутствуют альтернативные каналы влияния (институциональная закрытость), имеются культурные коды, оправдывающие сопротивление (например, традиции вооружённой борьбы).

- **Насилие движений → ужесточение контроля.**

Здесь авторы описывают ключевой механизм эскалации между социальными движениями и государством и обозначают причинно-следственную связь. Действия движений: применение вооружённых методов (теракты, атаки на институты, силовые столкновения). Реакция государ-

ства: интерпретация насилия как экзистенциальной угрозы → оправдание усиления репрессивного аппарата. Насилие движений – не следствие, а триггер новых репрессий. Движения могут преднамеренно провоцировать госрепрессии для мобилизации поддержки.

Тезис демонстрирует интерактивную природу радикализации в рамках теории конфликта. Ключевой вклад авторов – доказательство, что насилие не возникает в вакууме, а конституируется через «динамику взаимного обуславливания тактик акторов, где эскалация одной стороны реструктурирует стратегические возможности другой» [133]. Подтверждение реляционного подхода: государство не пассивный «адресат требований», а активный участник конфликта, чьи действия формируют траекторию радикализации.

- **Конфликты с контрдвижениями → спирали мести.**

Данный тезис описывает ключевой механизм горизонтальной эскалации насилия между соперничающими коллективными акторами. Контрдвижения – это группы, противостоящие целям исходного движения (например, антифеминисты vs феминистам, неонацисты vs антифа). Характер взаимодействия проявляется в прямых столкновениях (уличные бои, нападения), символической вражде (дегуманизация оппонента в дискурсе). Ключевые стадии процесса включают активацию коллективной идентичности (противник конструируется как «абсолютное зло»), эмоциональную мобилизацию (гнев и жажда возмездия становятся групповой нормой), нормализацию насилия (месть легитимируется как моральный долг). Функции механизма в процессе радикализации заключаются в следующем: ускорение организационной эскалации (конфликты с контрдвижениями стимулируют создание боевых структур); сдвиг тактического репертуара (от демонстраций к вооружённым столкновениям); идеологическое закрепление (насилие фреймируется как «защита сообщества»). Ключевая идея авторов в том, что конфликты с контрдвижениями создают самоподдерживающиеся системы насилия, где месть становится структурным фактором радикализации. Это отличает модель Боси и делла Порта от теорий и моделей, где государственное насилие – исключительно первопричина радикализации.

Авторы особое внимание уделяют изучению и обоснованию многоуровневой динамики процесса радикализации.

Микроуровень. Индивидуальный переход к насилию обусловлен не изоляцией, а социальными связями (сети активистов): *идеологической* (укорененность в семейных/локальных традициях сопротивления; насилие воспринимается как обязательство в рамках преемственности борьбы), *инструментальной* (восприятие «закрытия политических возможностей»; убеждение, что ненасильственные методы больше неэффек-

тивны; насилие видится как единственный оставшийся эффективный инструмент), *солидаристской* (быстрое вовлечение (особенно молодежи) на фоне сильных эмоций (гнев, месть) из солидарности с сообществом, подвергающимся жестоким репрессиям) [134].

Мезоуровень. Организационная радикализация – результат внутри-движенческой конкуренции (расколы, сплочивание вокруг «воинственных фракций») и взаимодействия с контрдвижениями [135].

Макроуровень. Структурные условия (политические кризисы, репрессивные режимы) создают контекст для эскалации [81].

Научная новизна подхода Лоренцо Боси и Донателлы делла Порта заключается в том, что они произвели кардинальный сдвиг в изучении процесса радикализации – от изучения причин к анализу процессов и механизмов эскалации; синтезировали исследования левых, этно-националистических и религиозных движений; теоретизировали «переходы» к насилию через концепты политических возможностей и репертуарных сдвигов; доказали роль государственных практик (например, неизбирательных репрессий) как катализатора радикализации.

Ключевые отличия процессуально-реляционной модели радикализации от конкурирующих моделей:

- акцентируют коллективную природу радикализации;
- связывают насилие со стратегическим выбором акторов в меняющемся контексте;
- интегрируют теорию социальных движений и политического процесса в процесс радикализации.

Главная заслуга авторов, в том, что выработан подход к пониманию процесса радикализации, основанный на теории и практике изучения социальных движений. Авторы отказались от рассмотрения политического насилия как исключительного явления или результата врожденных «коренных причин» или «психологических черт».

Обобщённый анализ конкурирующих концепций и моделей радикализации позволил выделить следующие ключевые тезисы и выявленные проблемы концептуализации этого сложного феномена.

Методологические ограничения и дефицит эмпирики. Существенной проблемой остается недостаток систематических, репрезентативных и методологически строгих эмпирических исследований. Это приводит к преобладанию умозрительных конструкций и ограничивает возможности валидации и сравнения существующих моделей. Многие концепции остаются гипотетическими из-за труднодоступности изучаемых объектов и ретроспективного характера большей части данных.

Риск редукционизма и универсализации. Фокус на разработке универсальных профилей или линейных траекторий радикализации неизбежно упрощает реальность. Такой подход игнорирует вариативность путей, контекстуальную специфику и уникальные комбинации факторов, особенно наглядно проявляющиеся в случаях терроризма одиночек (lone actors), где стандартные групповые динамики могут отсутствовать. Это искажает понимание многообразия механизмов вовлечения.

Дисциплинарный дисбаланс в объяснении. Преобладание психологических и социально-психологических объяснений в существующих моделях зачастую преуменьшает роль социологических факторов макро- (политические системы, экономические кризисы, государственная политика), мезо- (сообщества, институты, сети) и микроуровня (семья, ближайшее окружение). Комплексное понимание радикализации требует интеграции анализа структурных условий и социальных процессов, создающих почву для экстремизма, терроризма, с индивидуальными и групповыми психологическими механизмами.

Смещённость источников данных и «синдром выжившего». Подавляющее большинство исследовательских данных основано на анализе случаев «успешных» террористических атак или осужденных лиц. Систематическое игнорирование «неудачных сюжетов» (раскрытых заговоров, лиц, отступивших от насилия, групп, не перешедших к действиям, несмотря на радикальные убеждения) создает серьезную методологическую проблему – «синдром выжившего». Изучение подобных случаев критически важно для выявления не только факторов риска, но и проактивных (защитных) факторов, что является ключом к разработке эффективных стратегий профилактики и дерадикализации.

Сущностные характеристики процесса радикализации. Несмотря на различия в подходах, анализ конкурирующих концепций и моделей позволяет выделить ряд консенсусных сущностных характеристик феномена.

Процессуальность. Радикализация понимается как процесс – постепенное развитие и эскалация экстремистских убеждений и практик, часто зарождающийся в рамках более широких социальных процессов.

Дихотомия когнитивного и поведенческого. Принципиально важным достижением является концептуальное разделение радикализации мнений (когнитивной радикализации) – процесса принятия экстремистской идеологии и оправдания насилия – и радикализации действий (поведенческой радикализации) – процесса реального вовлечения в планирование или совершение насильственных актов. Большинство моделей признают слабую корреляцию и нелинейность перехода между ними.

Контекстуальная относительность и релятивность. Понятие «радикальности», движущие силы, траектории и сам порог перехода к насилию глубоко контекстуальны. Они определяются конкретными историческими, политическими, социальными и культурными условиями, а также перспективой наблюдателя (государство, общество, сама группа). Универсальные критерии радикальности неприменимы.

Таким образом, современная исследовательская парадигма радикализации характеризуется переходом от поиска простых, универсальных моделей к признанию ее как сложного, нелинейного, многоуровневого и контекстно-обусловленного процесса. Основной акцент сместился с объяснения, почему люди становятся радикалами, на более сложный вопрос: почему и при каких условиях некоторые носители радикальных убеждений переходят к насилию, а другие – нет. Это понимание имеет решающее значение для разработки эффективных, научно обоснованных стратегий профилактики и противодействия радикализации.

1.5. Эволюция научного дискурса о радикализации: результаты наукометрического анализа российских и англоязычных публикаций

Теоретическое поле изучения радикализации характеризуется множественностью конкурирующих концепций и моделей. Закономерно возникает вопрос о том, как эти различные теоретические рамки находят отражение в реальной исследовательской практике и формируют траектории развития научного дискурса. Для выявления доминирующих трендов, тематических сдвигов и сравнительных особенностей развития научного знания о радикализации в разных национальных контекстах обратимся к инструментарию наукометрического анализа. В данном параграфе представлены результаты такого анализа, прослеживающего эволюцию изучения радикализации в последнее десятилетие через сопоставление ключевых тенденций, отраженных в массивах российских и англоязычных публикаций за период 2014–2023 гг. [136].

Для реализации цели наукометрического анализа – оценки современного состояния, выявления тенденций, динамики изучения радикализации, а также возможностей и ограничений развития данного научного направления в России по сравнению с зарубежным полем – были изначально сформулированы и учтены два ключевых ограничения.

Во-первых, временной период анализа был ограничен 2014–2023 гг., что обусловлено пиковой продуктивностью и многогранностью исследований радикализации в этот период на международном уровне, а также фактом зарождения данного направления в российской науке именно в

эти годы. Для верификации последнего утверждения дополнительно были собраны данные по российским публикациям за 2000–2013 гг., что подтвердило гипотезу об отсутствии значимых исследований радикализации в России в первом десятилетии XXI века.

Во-вторых, прямое количественное сравнение российских и зарубежных публикаций было признано методологически некорректным ввиду несопоставимых объемов публикационных массивов (это связано с более ранним стартом исследований за рубежом) и различий в источниках данных. Данные по зарубежным публикациям были агрегированы из трех крупных издательских платформ (Elsevier, Wiley, Springer) вследствие ограниченного доступа российских исследователей к аналитическим системам SciVal и Clarivate и функциональным возможностям загрузки, тогда как российские данные получены исключительно из eLIBRARY. Эти объективные ограничения не повлияли на качество анализа, выполненного отдельно для каждого поля. Для оценки российских исследований были отобраны журнальные статьи за 2014–2023 гг., проиндексированные в eLIBRARY, содержащие термин «радикализация» в названии, аннотации или ключевых словах и имеющие полный текст. Материалы конференций, монографии, диссертации, отчеты и патенты были исключены из выборки. Распределение отобранных работ по годам представлено на рис. 4.

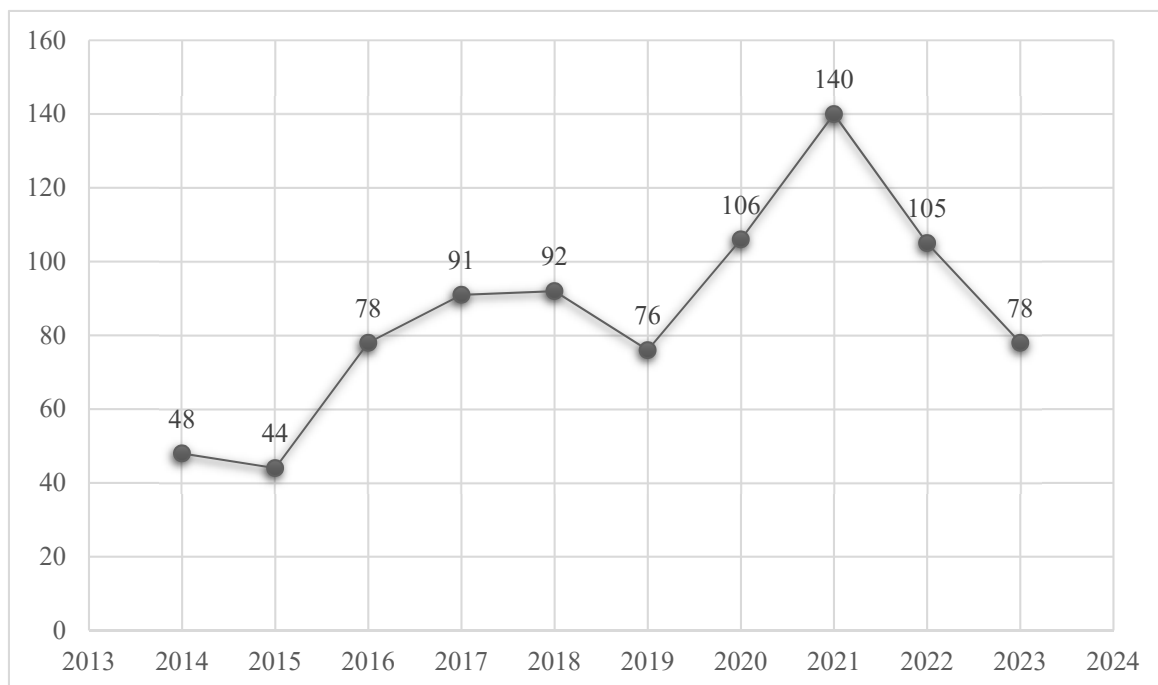

Рис. 4. Количество публикаций с ключевым словом «радикализация», размещенных на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Для оценки тенденций и динамики изучения радикализации в международной научной периодике были отобраны публикации за аналогичный период 2014–2023 гг., в которых термин radicalization встречался в названии, аннотации или перечне ключевых слов. Нерелевантные публикации из таких категорий, например, как Biochemistry, Genetics and Molecular Biology, Physics and Astronomy, были исключены. С учётом ограничения доступа к аналитическим системам SciVal и Clarivate был выполнен поиск публикаций в рамках систем трёх крупнейших научных издательств: Elsevier, Wiley и Springer. Таким образом, результаты поиска распределились следующим образом: Elsevier – 121 публикация, Wiley – 239, Springer – 1490.

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в российской научной периодике

В рамках количественного анализа с помощью встроенных сервисов портала eLIBRARY были выделены тематические рубрики публикаций, а также ключевые слова. Подробное описание распределения публикаций по тематическим рубрикам приведено в табл. 1. Цвет заливки ячеек в таблице иллюстрирует «популярность» соответствующей тематической рубрики в пределах года публикации (максимальному значению соответствует зелёный цвет, минимальному – красный).

Таблица 1

Количественное распределение анализируемых публикаций по тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Политика и политические науки	17	15	24	27	30	23	35	45	27	24	267
Государство и право. Юридические науки	6	8	15	28	13	16	27	37	14	19	183
История. Исторические науки	12	10	18	18	22	9	13	22	23	7	154
Социология	3	5	7	5	7	10	10	16	13	6	82
Философия	3	1	3	6	3	1	1	2	3	4	27
Психология		1	2	1	2	8	7	5	7	5	38
Народное образование. Педагогика		1	1	1	3	1	2	3	5	2	19
Религия. Атеизм	2		1	2	4			1	5	1	16
Экономика. Экономические науки	1		2		3	1	3	1	2	1	14

Окончание табл. 1

Тематические рубрики публикаций	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Языкознание		1		1			2	4	1	1	10
Комплексное изучение отдельных стран и регионов	1	1		1	2	3	3		1		12
Медицина и здравоохранение	1		1		1		1				4
Общественные науки в целом	2		1			2	1	1	1		8
Литература. Литературоведение. Устное народное творчество			1		1					1	3
Культура. Культурология			1		1	1					3
Автоматика. Вычислительная техника									2		2
Демография							1	1			2
Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук и отраслей народного хозяйства		1						1			2
Организация и управление				1				1			2
Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации									1		1
Информатика			1								1
Комплексные проблемы общественных наук						1					1
<i>Общее кол-во публикаций</i>	<i>48</i>	<i>44</i>	<i>78</i>	<i>91</i>	<i>92</i>	<i>76</i>	<i>106</i>	<i>140</i>	<i>105</i>	<i>71</i>	851

Отметим, что у 7 публикаций 2023 года на момент анализа отсутствовало указание тематических рубрик, чем объясняется расхождение соответствующих значений между рис. 4 и табл. 1. Распределение публикаций по первым 10 наиболее популярным тематикам приведено на рис. 5, на рис. 6 и 7 – распределения по изданиям и аффилиациям авторов соответственно. Для оценки контекста, в котором рассматривается процесс радикализации, были проанализированы ключевые слова публикаций. Для рассмотрения были отобраны топ-30 ключевых слов для каждого из рассматриваемых годов публикаций. Из рассмотрения исключены такие

ключевые слова, как «радикализация» и «радикализм», поскольку они отражают лишь соответствие публикации изначальному поисковому запросу.

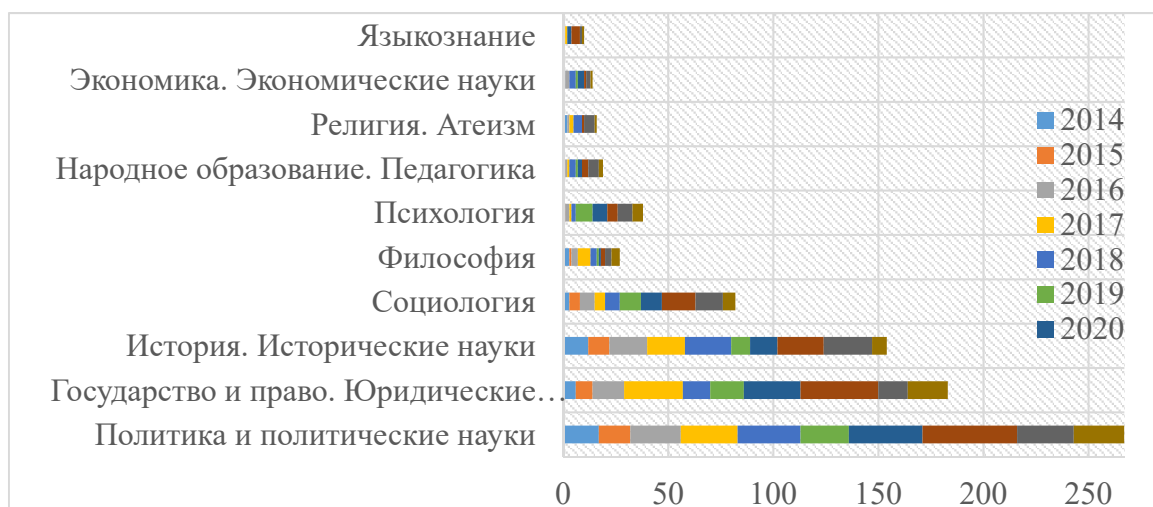
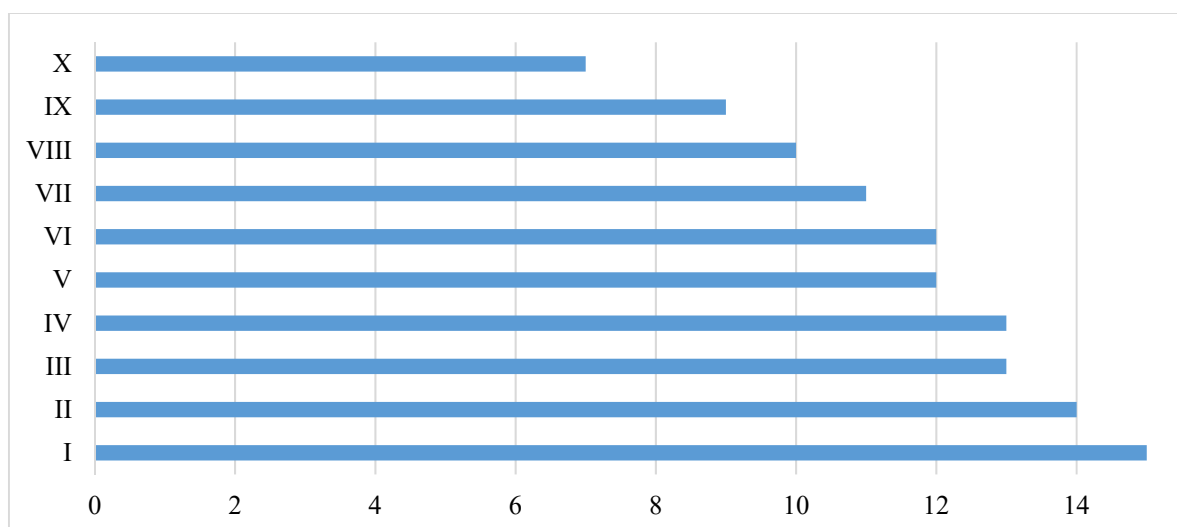

Рис. 5. Распределение рассматриваемых публикаций по 10 наиболее популярным тематическим рубрикам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

- I. Власть.
- II. Россия и мусульманский мир.
- III. Пробелы в российском законодательстве.
- IV. Исламоведение.
- V. Теории и проблемы политических исследований.
- VI. Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право.
- VII. Актуальные проблемы Европы.
- VIII. Постсоветские исследования.
- IX. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета.
- X. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК.

Рис. 6. Распределение рассматриваемых публикаций по журналам на портале eLIBRARY, 2014–2023 гг.

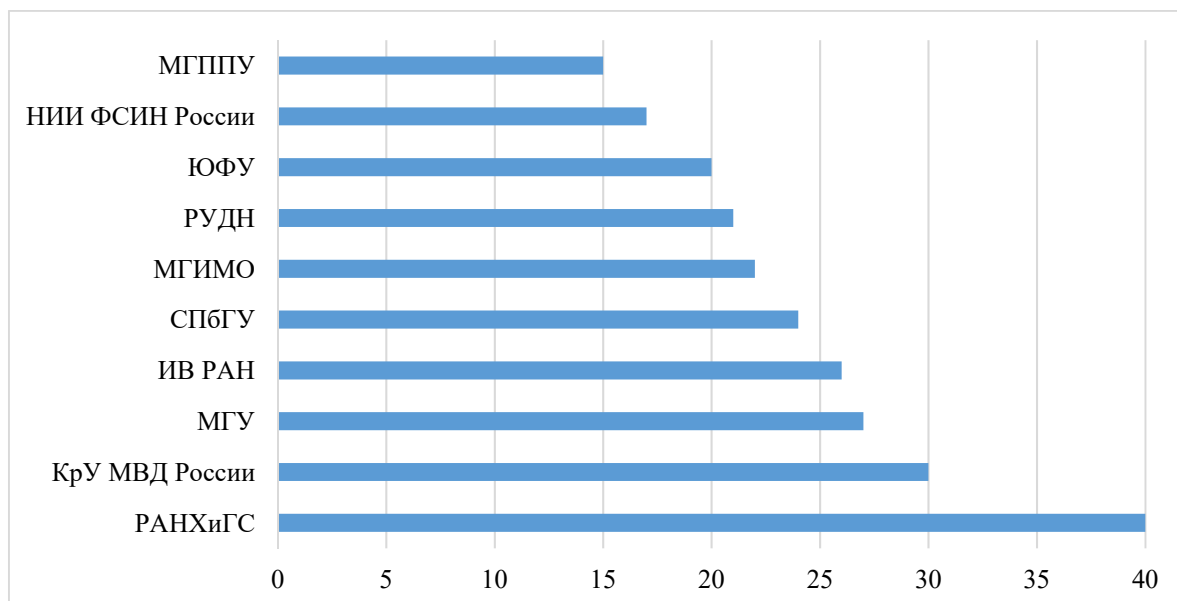

Рис. 7. Распределение рассматриваемых публикаций по организациям (аффилиации авторов)

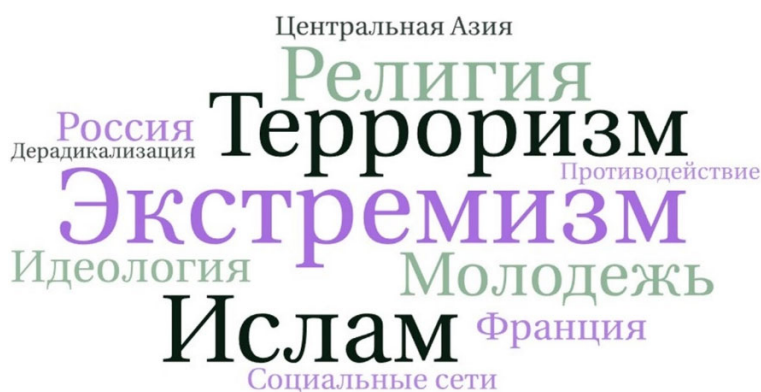
Если в топ-30 попадались одни и те же ключевые слова и выражения на русском и английском языках, то отбиралось только наибольшее из значений, чтобы исключить возможность необоснованного «завышения» веса ключевого слова (поскольку в большинстве публикаций содержатся два списка ключевых слов: на русском и английском языках). Значения же близких по смыслу ключевых слов и выражений объединялись. Например, термин «экстремизм» в итоговой выборке ключевых слов включает в себя также «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», а «ислам» включает также «исламский мир», «исланизм», «радикализация ислама», «исламский радикализм».

В табл. 2 приведена детализация частоты включения соответствующих ключевых слов в публикациях, вышедших с 2014 по 2023 г., соответствующее облако ключевых слов приведено на рис. 8. Для анализа значения термина «радикализация», которое используется в российском исследовательском поле, были отобраны топ-3 наиболее цитируемых публикаций в каждом из годов рассматриваемого диапазона. Следует отметить ограничения выбранного подхода, а именно: не все целевые публикации 2023 года проиндексированы на момент выполнения наукометрического анализа (26 января 2024 г.). Также в силу пока ещё малого количества цитирований работ 2023 года, по сравнению с предшествующими ему годами, топ-3 публикаций по цитируемости может не отражать реальную востребованность результатов.

Таблица 2

*Частота включения ключевых слов в публикациях 2014–2023 гг.
на портале eLIBRARY*

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Экстремизм	201	26
Терроризм	160	21
Ислам	145	19
Молодёжь	56	7
Религия	45	6
Социальные сети	28	4
Идеология	26	3
Центральная Азия	24	3
Противодействие	22	3
Франция	22	3
Дерадикализация	20	3
Россия	20	3

*Рис. 8. Облако ключевых слов
в публикациях 2014–2023 гг., размещённых на портале eLIBRARY*

В ходе анализа российских научных публикаций была выявлена устойчивая концептуальная связь термина «радикализация» с понятиями «экстремизм», «терроризм» и «ислам», сохраняющаяся на протяжении всего исследуемого периода (2014–2023 гг.). Тематически исследования сфокусированы преимущественно на политических, юридических и исторических аспектах феномена, тогда как социологический, философский и психологический аспекты остаются слабо разработанными.

Анализ наиболее цитируемых работ свидетельствует о следующих тенденциях.

Терминологическая неопределенность. В подавляющем большинстве публикаций термин «радикализация» используется как самодостаточный без операционализации либо как синоним «терроризма» или «экстремизма».

Предметная концентрация. Значительная часть исследований посвящена описанию и изучению процессов исламской радикализации и радикализации молодежи.

Лакуны в изучении цифрового контекста. Связь радикализации с социальными медиа и Интернетом проанализирована лишь в четырех работах.

Ограниченное понимание процесса. Несмотря на косвенное указание на стадии/этапы процесса (через сравнительные степени «самое радикальное» или «более радикальное»), лишь в шестой части работ радикализация рассматривается как процесс без безусловной негативной коннотации. Междисциплинарный аспект изучения радикализации явно выделяется только в трёх работах.

Дефицит концептуализации. Менее четверти публикаций содержат определения радикализации, причем их содержание существенно различается:

- *Институциональная трактовка:* «организованная и целенаправленная деятельность политизированных групп молодежи» [137].
- *Социально-психологическая трактовка:* «усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам и резкая критическая направленность по отношению к существующим институтам» [138].
- *Процессуальная трактовка:* «переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям» [139]; трактовка, близкая к принятию «индивидуумом экстремистских политических, социальных или религиозных идеалов и их продвижение насильственными методами» [140].

Результаты проведённого анализа работ позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в России исследования радикализации ещё не получили активного распространения, **находятся на начальном этапе развития направления.** Исследования носят фрагментарный характер, отличаются ограниченной эмпирической базой, зачастую страдают избыточным пересказом – в ущерб аналитической составляющей, отсутствуют сформированные теоретические конструкты для авторских концепций. Лишь в единичных публикациях закладываются основы для такой работы. Отчасти это обусловлено проблемами доступа к данным.

Во-вторых, для исследований характерно **ограниченное рассмотрение процессуальности.** Фокус на радикализации исключительно как на финальной стадии процесса, ведущего к религиозному экстремизму и

терроризму (в соответствии с моделью McCauley–Moskalenko), при игнорировании этапов процесса радикализации мнений и действий, а также комплексных компонентов процесса.

В-третьих, **методологический дисбаланс**. Преобладает модель «сверху вниз» (целевое воздействие вербовщиков, онлайн-сообществ и пр.), коррелирующая с теориями «роя» и саморадикализации. Альтернативный подход «снизу вверх» (совокупность личностных, культурных, ситуативных факторов), связанный с теорией «рыбаков», встречается реже и преимущественно в рамках тематических направлений «социология» и «психология». Ни один из подходов не содержит явных ссылок на указанные теории.

В-четвертых, **недостаточное внимание к профилактике**. Низкая доля работ, посвящённых профилактике радикализации и, соответственно, экстремизма и терроризма. Минимальная представленность исследований по профилактике радикализации обусловлена недостаточной включённостью российских исследователей в международный дискурс, дефицитом эмпирических исследований и теоретических оснований для разработки и оценки превентивных стратегий.

Наукометрический анализ современного состояния исследований радикализации в зарубежном научно-исследовательском поле

В табл. 3 и 4 приведены данные о распределении по тематическим категориям целевых публикаций, вышедших в журналах и книгах издательств Elsevier и Springer соответственно. Особенности поисковой системы издательства Wiley не позволили сформировать аналогичную таблицу по результатам поиска. Следует учесть, что одна публикация может одновременно относиться к нескольким тематическим категориям, поэтому суммарные значения не совпадают с общим числом отобранных работ.

Таблица 3

*Количественное распределение анализируемых публикаций
2014–2023 гг. по тематическим рубрикам издательства Elsevier*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Medicine and Dentistry	67
Psychology	64
Social Sciences	59
Computer Science	18
Economics, Econometrics and Finance	17
Arts and Humanities	12
Environmental Science	10
Neuroscience	8

Таблица 4

*Количественное распределение анализируемых публикаций
2014–2023 гг. по тематическим рубрикам издательства Springer*

Тематическая рубрика	Количество публикаций
Political Science	289
Social Sciences, general	210
Sociology, general	208
Criminology and Criminal Justice, general	143
Political Science and International Relations, general	135
Anthropology	88
Religious Studies, general	82
Ethics	71
Political Philosophy	71
Philosophy, general	69
Science, Humanities and Social Sciences, multidisciplinary	69
Methodology of the Social Sciences	63
Comparative Politics	62
Personality and Social Psychology	61
International Relations	59
Sociology of Religion	59
Artificial Intelligence	53
Political Theory	52
Philosophy of Science	50
Theories of Law, Philosophy of Law, Legal History	46

Системные функции поисковых систем Elsevier и Wiley позволили выделить также и ключевые слова в рассматриваемых публикациях. В табл. 5 и 6 приведены наиболее часто встречающиеся ключевые слова, количество их упоминаний и соответствующая доля в общем количестве. Близкие по смыслу ключевые слова были объединены в один термин. На рис. 9 и 10 приведены соответствующие облака ключевых слов рассматриваемых публикаций.

Таблица 5

*Частота включения ключевых слов
в публикациях 2014–2023 гг. издательства Elsevier*

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Terrorism	46	22
Extremism	25	12
Adolescence	19	9
Violence	19	9
Identity	16	8

Окончание табл. 5

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Islam	14	7
Psychopathology	9	4
Jihad	9	4
Online	9	4
Security	6	3
Religion	5	2
Sociophysics	4	2
Machine Learning	4	2
Social Media	4	2
Personality	4	2
Propaganda	4	2
Post	3	1
Al-Qaeda	3	1
Conversion	3	1
Polarization	3	1
Prison	3	1

Таблица 6

*Частота включения ключевых слов
в публикациях 2014–2023 гг. издательства Wiley*

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
	50	21
Extremism	40	17
Violence	26	11
Social Media	20	8
Identity	9	4
Youth	9	4
Counter Terrorism	8	3
Jihad	8	3
Prison	8	3
SocialMovements	7	3
ForensicScience	6	3
Islam	6	3
Mobilization	6	3
Deradicalization	5	2
Online Radicalization	5	2
Prevention	5	2
Racism	5	2
Colonialism	4	2

Окончание табл. 6

Ключевое слово или выражение	Количество	Доля в общем числе ключевых слов, %
Muslim	4	2
Ideology	3	1
Individuation	3	1
United States	3	1

Рис. 9. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг. издательства Elsevier

Рис. 10. Облако ключевых слов анализируемых публикаций 2014–2023 гг. издательства Wiley

В ключевых словах анализируемых статей издательств Elsevier и Wiley на первых двух местах находятся Terrorism и Extremism. Основным же заметным отличием является наличие Social Media среди топ-5 ключевых слов издательства Wiley.

Анализ публикаций в международной научной периодике выявил доминирование политических наук, социологии и психологии в тематической структуре исследований радикализации. Ранжирование по частоте ключевых слов в порядке убывания представлено следующим рядом: терроризм, экстремизм, насилие, подростки, молодёжь, идентичность, социальные медиа, ислам.

Сравнение с результатами анализа российских публикаций позволило выделить следующие закономерности:

Общий концептуальный фокус. В российском и англоязычном поле радикализация преимущественно ассоциируется с насильственным экстремизмом и терроризмом.

Сходство в целевых группах. Выявлена устойчивая связь понятия «радикализация» с категорией «молодёжь» (Youth, Adolescence), характерная как для международных, так и для российских работ.

Асимметрия исследовательского внимания. Тематическая связь радикализации с исламом выражена значительно сильнее в российском научном поле, чем в англоязычных публикациях.

Тренды в методологии. В англоязычных публикациях отмечается растущий интерес к онлайн-радикализации с применением методов машинного обучения, рассматриваемых как ключевой инструмент для анализа данного феномена [141]. В российской исследовательской практике методы Data Science применяются эпизодически, причем работы характеризуются недостаточной методологической проработкой вопросов качества данных.

Концептуальные различия. Наличие в англоязычных публикациях ключевых концептов (Identity, Sociophysics, Personality, Social Movements) при их отсутствии в российских исследованиях указывает на существенные расхождения в теоретических подходах к интерпретации природы радикализации. Указанные диспропорции коррелируют с общим отставанием российских исследований в данной области, оцениваемым минимум в десятилетие.

Изучение радикализации сформировалось как прикладное направление исследований терроризма, обладающее значительным потенциалом для диагностики механизмов вовлечения в террористическую деятельность. Международное научное сообщество интегрировало понятие «радикализация» в свой тезаурус, хотя консенсус относительно его опреде-

ления ещё не достигнут. В российской исследовательской практике термин используется, однако его концептуальная интерпретация встречается крайне редко. Российские исследования радикализации, сфокусированные на понимании процесса как предиктора терроризма, начали развиваться лишь во втором десятилетии XXI века и в настоящее время находятся на начальной стадии, характеризующейся этапом экспликации понятия, накопления эмпирических данных и попыток создания концептуальных схем.

Значительное отставание отечественных исследований от международного уровня обусловлено комплексом взаимосвязанных причин.

Во-первых, наблюдается критическая ограниченность знакомства российских исследователей с зарубежными работами, что напрямую коррелирует с дефицитом дефиниций радикализации в публикациях и слабостью развития оригинальных гипотез и концепций.

Во-вторых, существуют объективные сложности в изучении объекта: ограниченная применимость традиционных методов (опросы, интервью) и трудоёмкость альтернативных подходов (создание баз данных из открытых источников, кейс-стади), требующих междисциплинарных коллабораций. Глобальная проблема доступа к релевантным данным, включая контент социальных медиа, усугубляется вопросами безопасности и исследовательской этики.

В-третьих, методологическая база остается фрагментарной; отсутствуют универсальные и апробированные методы, хотя потенциал для адаптации зарубежных методик с последующей разработкой собственных представляется значительным.

В-четвертых, кадровый дефицит обусловлен специфичностью темы и междисциплинарным характером исследований, требующим компетенций в области Data Science. Отсутствие специализированных журналов, конференций и системного финансирования препятствует консолидации научного сообщества и устойчивому развитию направления.

Таким образом, преодоление отставания требует системных усилий по интеграции в международный дискурс, развитию междисциплинарной инфраструктуры и формированию критически важных компетенций в области анализа алгоритмически опосредованных процессов. В условиях, когда цифровая среда становится ключевым пространством конструирования радикальных нарративов и сетевой мобилизации, игнорирование инструментов Data Science, методов вычислительной лингвистики и ML-аналитики неизбежно приводит к эпистемологическому разрыву между традиционными подходами и динамикой современных

угроз. Формирование специализированных научных коллективов, способных работать с большими данными социальных медиа, алгоритмами рекомендательных систем и методами прогнозной аналитики, является не просто задачей развития данного направления исследований, а условием национальной безопасности в эпоху, где радикализация генерируется и масштабируется искусственными интеллектуальными агентами. Без этого Россия рискует утратить не только исследовательскую, но и операционную способность противостоять новому поколению угроз, чья сложность определяется именно их алгоритмической природой.

Анализ, представленный в главе 1, демонстрирует значительную эволюцию в понимании феномена радикализации – от первоначальных концептуальных идей к формированию более комплексного представления о нем как о сложном процессе. Установлено, что ключевой вызов на концептуальном уровне (1.1) заключается в терминологической неоднозначности и методологическом эклектизме, обусловленных междисциплинарным характером исследований, различиями между академическим, правовым и операциональным дискурсами, а также политизированностью самого понятия. «Родословная» концепции (1.2) раскрывает ее тесную связь с историческим контекстом и практическими задачами противодействия терроризму, показывая, как фокус смещался от внешних угроз к внутренним процессам, что способствовало выделению радикализации как самостоятельного объекта изучения. Исследование радикализации в цифровую эпоху (1.3) подтверждает необходимость преодоления искусственной дихотомии «онлайн/офлайн», подчеркивая их глубокую взаимосвязь и взаимовлияние. Цифровая среда выступает не просто инструментом, а новой социальной реальностью, в которой трансформируются механизмы распространения идеологий, формирования идентичности, групповой динамики и мобилизации действий, что требует развития новых исследовательских парадигм. Систематизация конкурирующих концепций и моделей (1.4) выявила ключевой концептуальный прогресс – разделение когнитивной (радикализация мнений) и поведенческой (радикализация действий) составляющих процесса, а также эволюцию от ранних линейных и эвристических схем к современным нелинейным, многоуровневым и контекстно зависимым моделям, признающим вариативность траекторий и слабую корреляцию между радикальными убеждениями и насилием. Наукометрический анализ (1.5) эволюции научного дискурса как в российской, так и в англоязычной литературе количественно подтвердил наблюдаемые сдвиги и сохраняющиеся лакуны.

Таким образом, подчеркнём, что современное понимание радикализации характеризуется следующими основными чертами:

1. Признание ее как сложного, многофакторного, нелинейного и контекстуально обусловленного социально-психологического процесса.
2. Фундаментальное разграничение между принятием экстремистской идеологии (когнитивная радикализация) и переходом к насильственным действиям (поведенческая радикализация).
3. Интеграция цифровой среды как органичного и трансформирующего элемента этого процесса.
4. Осознание методологических ограничений (недостаток эмпирики, смещенность данных, дисциплинарные перекосы) и необходимости их преодоления.
5. Формирование более зрелого концептуального аппарата, способного учитывать вариативность траекторий на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Сформированный в главе 1 концептуальный фундамент понимания радикализации как сложного процесса, неотъемлемо связанного с цифровой средой, служит отправной точкой для главы 2. В ней фокус смещается в сторону критического анализа специфических методологических вызовов и инновационных цифровых инструментов исследования данного феномена в эпоху Big Data.

Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ BIG DATA: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

2.1. Методологический ландшафт: новые возможности и старые границы цифровых методов

При изучении перспективных исследовательских методов, которые используются или рассматриваются для использования в социальных науках, важно помнить, что не существует универсальных методов, с помощью которых можно решить любую исследовательскую задачу. В каждом методе существуют как возможности, так и ограничения. За всю историю развития социологических методов исследования разгорались дискуссии между сторонниками количественных и качественных методов, которые в итоге привели к консенсусу в понимании того, что одни методы не заменяют другие, фактически являются дополнением в практике проведения социологических исследований. На сегодняшний день дискуссии вновь разгораются между сторонниками новых исследовательских методов, техник анализа данных из области Big Data, Data Science и сторонниками традиционных социологических методов.

Возможность, которая открылась для ученых в области социальных наук в эпоху алгоритмов, – это активно использовать методологический аппарат Data Science как набор технологий и методов для получения разнообразных данных и решения практических задач для проведения аналитических операций с объектами сетевой природы и моделирования процессов.

В XXI веке мы находимся на пороге переломного момента. Облачные вычисления, большие данные, интернет вещей и искусственный интеллект сошлись, чтобы управлять сетевыми эффектами и создавать экспоненциальные изменения [142]. Так описывает современную исследовательскую парадигму Томас Зибель, основатель крупнейшей компании по разработке программных платформ и приложений для искусственного интеллекта. Невозможно не принимать во внимание колоссальный объем доступной для анализа информации, которую предоставляют социальные сети. При этом также нельзя полагаться только на них, как на источник первичных данных, поскольку имеются значительные ограничения. Таким образом, эпоха больших данных и искусственного интеллекта (в контексте анализа данных социальных сетей – Social Mining) диктует новые требования не только к domain experts (эксперты в предметной области), но и к data scientists (аналитики данных), и к professional services providers (поставщики профессиональных услуг, которые обеспечивают облачные хранилища, цифровые платформы, прикладное программное обеспечение и пр.). Они уже не могут находиться только в узко

очерченных рамках своей профессиональной области. Для эффективной реализации междисциплинарных проектов требуются базовые знания предметной области.

Кажется, что мир постоянно удивляется прогрессу в области информационных технологий. Еще совсем недавно исследователи и создатели технологических платформ начали изучать онлайн-контент с помощью автоматизированных процедур классификации. За довольно короткое время были усовершенствованы или адаптированы уже имеющиеся методы и технологии автоматизации эргатических систем к решению практических задач в предметной области исследования онлайн-радикализации. Но это только малая часть прогресса. Настоящим прорывом можно назвать топологическое моделирование трудноформализуемых объектов, каковым является радикализация, с применением, наряду с Web Mining и AI, методов и технологий сетевой топологии.

Фактически мы находимся на этапе понимания и признания новых возможностей и ограничений computational social science (вычислительная социальная наука), которая представляет собой соединение методологий социальных и вычислительных наук с применением всего многообразия доступных информационных технологий и изобретательностью ученых в области data science. Адаптация современных информационных технологий для целей социологии обеспечивает цифровую трансформацию традиционных методов социологического анализа к расширенным возможностям создания и использования технологии и методов Web Mining (интеллектуальный анализ данных) и AI (искусственного интеллекта) для решения социологических задач в короткие сроки и на большом объеме данных.

Автоматизация исследований онлайн-радикализации относится к числу актуальных задач современной социологии. С одной стороны, доступность интернет-данных, в том числе данных социальных сетей, предоставляет уникальные возможности с точки зрения полноты охвата исследуемых явлений и процессов. С другой стороны, несмотря на возросшую доступность инструментов Data Science, эффективность их использования зависит в равной степени как от соответствующих навыков, так и от компетентности в прикладной предметной области.

Ограничения, которые возникают в результате соединения методологий социальных и вычислительных наук, связаны с технологией обработки больших объемов данных и применением интеллектуального анализа данных.

Интерес исследователей к интеллектуальному анализу деструктивного контента социальных медиа, включая задачи сбора, обработки и интерпретации содержания интернет-ресурсов с целью прогнозирования процесса радикализации, предупреждения инцидентов экстремистской и

террористической направленности, в последнее десятилетие демонстрирует устойчивый рост.

Но критически важно быть реалистами и понимать, что «серебряной пули» не существует и не может быть создано с помощью безусловно перспективных методов и техник Big Data, Data Science. История повторяется. Computational social science не заменяет традиционные социологические методы исследования, фактически является дополнением в практике проведения социологических исследований.

Во всем мире исследователи мечтают о программном обеспечении, которое может снять с них часть бремени по поиску деструктивного контента, анализу процесса радикализации, поиску маркеров экстремистской, террористической активности в сообществах социальных сетей и поможет избежать ошибок, которые допускает человек, ведущий поиск в «ручном режиме». То есть процесс автоматизации социологических исследований с использованием данных социальных сетей ведет к масштабным, стремительным изменениям в части получения нового знания и решения задач в короткие сроки и на большом объеме данных.

Анализируя опыт применения перспективных исследовательских методов за последнее десятилетие, отметим, что несмотря на значительный рост практического использования методов computational social science, только часть из них уверенно заняли лидирующие позиции и фактически сформировался пул базовых исследовательских трендов.

Топ-3 основных исследовательских трендов выглядит следующим образом:

1. *Аналитические методы исследования в интернет-сообществах:*
 - анализ текста;
 - анализ изображений и видеоданных;
 - анализ социальных медиа;
 - анализ Big Data.
2. *Качественные методы исследования пользователей Интернета:*
 - методы сбора и анализа данных с мобильных устройств;
 - интервью с использованием веб-камеры;
 - мобильная этнография.
3. *Методы прикладных нейронаук:*
 - айтрекинг;
 - анализ мимики;
 - биометрия;
 - фиксация и интерпретация эмоций по выражению лица.

Развитие автоматизации исследовательских процессов привело к усилению функциональной специализации участников, занимающихся

анализом групп, сообществ и пользователей в социальных сетях. Их деятельность все более концентрируется на решении узкоспециализированных задач в ущерб общим исследовательским целям. Наиболее релевантными ролями в этом контексте стали: **специалисты в предметной области (domain experts)**, **аналитики данных (data scientists)** и **поставщики профессиональных услуг (professional services providers)**. Различия в технологических потребностях этих ролей закономерно ведут к углублению специализации, когда каждая роль максимизирует использование критически важных для нее инструментов, минимизируя внимание к другим функциональным возможностям. Это создает парадоксальную ситуацию: несмотря на рост технологических затрат для всех типов решений (особенно заметный в сегменте аналитиков данных, демонстрирующем наибольшую динамику и уникальный профиль автоматизации), приоритетность любого отдельного решения для комплексных исследовательских задач может снижаться.

В числе формирующихся трендов «следующего поколения» отмечается растущий интерес к методам изучения бессознательных мотивов поведения. Интерес к этим методам в исследованиях насильственного экстремизма, терроризма и радикализации обозначился во втором десятилетии XXI века, однако их интеграция в *автоматизированные* исследовательские процессы активизировалась лишь в последние годы. Данная тенденция обусловлена ограниченностью существующих концептуальных рамок, таких как концепция саморадикализации [97] (*self-radicalization*) или теория групповой радикализации (*fishermen theory*) в объяснении ключевых аспектов феномена: идентификации восприимчивых индивидов и групп и реконструкции динамики процесса радикализации. Методы анализа бессознательных мотивов рассматриваются как перспективный путь для преодоления этих концептуальных лакун.

Перспективным направлением в рамках методологического поворота является разработка индексов радикализации, фокусирующихся на трех ключевых аспектах: 1) факторах риска экстремистской и террористической радикализации; 2) онлайн-картировании экстремистского ландшафта [143]; 3) оценке риска или уязвимости последствий городского терроризма – индекс уязвимости [144]. Данные подходы позволяют экспертам прогнозировать индивидуальную склонность к вовлечению в террористическую деятельность. Ключевое значение здесь имеет идентификация *предполагаемых факторов радикализации* – переменных, теоретически обоснованных и эмпирически верифицированных как коррелирующие с процессом радикализации. Их отбор осуществляется через установление статистически значимых взаимосвязей между теоретическими конструктами и эмпирическими данными, удовлетворяющими строгим критериям классификации.

Принципиальное методологическое различие заключается в дихотомии факторов риска и индикаторов радикализации:

- **Фактор риска** – прогностическая характеристика, с помощью которой маркируется, что именно может сделать человека более восприимчивым к вербовке воинствующими экстремистскими или террористическими организациями и движениями и может быть спрогнозировано для того, чтобы минимизировать риск посредством профилактики.

- **Индикатор радикализации** – наблюдаемый поведенческий маркер (отображающий изменения параметра контролируемого процесса или состояния объекта и определяющий его пороговое значение), сигнализирующий о переходе индивида к принятию насильственной идеологии и требующий оперативного вмешательства (например, публичные угрозы в соцсетях).

Несмотря на частую терминологическую подмену, эти концепты относятся к разным стадиям процесса: факторы риска действуют на этапе уязвимости, индикаторы – на этапе активной радикализации. Эффективность профилактики обусловлена воздействием на факторы риска и созданием проактивных буферов, тогда как индикаторы служат триггерами для сдерживающих мер.

Важное методологическое ограничение: наличие факторов риска не детерминирует переход к насилию. Как показывают исследования, значительная часть лиц, демонстрирующих такие факторы, формирует околоэкстремистскую среду – пространство восприимчивости к радикальным нарративам без актуализации насильственных действий. Подавляющее большинство представителей этой среды никогда не переходит к поддержке или практике экстремизма, что ставит под сомнение редукционистские модели прогнозирования и требует осторожности при разработке превентивных стратегий.

Околоэкстремистская среда представляет собой социальное пространство, как физическое, так и виртуальное (чаще гибридное), в котором разворачиваются траектории вхождения в радикальные убеждения, их развития и потенциального выхода из них. Изучение причин отказа от насильственного экстремизма является многогранным и многомерным процессом, включающим комплекс взаимосвязанных факторов: разочарование в движении, моральное выгорание, смену жизненных приоритетов, снижение вовлеченности, физическое дистанцирование от группы и иные аспекты, критически важные для разработки эффективных стратегий профилактики. В этой среде происходит эмоциональное, моральное и социальное заражение, аккумулируются и находят выражение недовольство, гнев и обиды, связанные с восприятием несправедливости. Она служит площадкой для критики и оспаривания доминирующих

нарративов и убеждений, а также для установления значимых связей между индивидами со схожими взглядами.

Важно подчеркнуть, что это пространство не сводится лишь к «месту встречи» с радикальными акторами или агентами экстремистских организаций. Зачастую это сложная и многомерная социальная ткань, где могут не только стимулироваться процессы радикализации, но и существовать сдерживающие факторы. К последним относятся агенты, предлагающие альтернативные, ненасильственные формы активизма, и контент, способствующий осознанию индивидом недопустимых «красных линий». Среда характеризуется нестабильностью и динамичностью, постоянно трансформируясь под влиянием меняющихся социальных связей и отношений акторов. В ней сосуществуют как уже индоктринированные лица, так и те, кто подвергается их влиянию, причем их траектории «входа», «выхода», временного дистанцирования или повторного включения в процесс могут существенно различаться. Процесс радикализации здесь нелинеен: он может внезапно ускоряться, замедляться или полностью останавливаться.

Основные исследовательские вопросы, связанные с изучением околоэкстремистской среды [145]:

1. **Природа связи между идеологией и насилием.** Всегда ли применение насилия свидетельствует о полной индоктринации? Обязательно ли идентификация с экстремистской идеологией приводит к насильственным действиям?

2. **Динамика радикализации.** Представляет ли процесс радикализации устойчивую, поэтапную траекторию, или это нелинейный, динамичный путь, характеризующийся поворотными моментами и сдвигами в развитии?

3. **Механизмы сопротивления радикализации.** Как протекает процесс сопротивления радикализации среди лиц, подвергающихся ее влиянию или даже участвующих в ней? Какие ключевые факторы (внутренние и внешние) способствуют неприятию, осознанию неприемлемости насилия как средства достижения целей?

4. **Факторный анализ.** Какие факторы риска радикализации преобладают в экстремистских сообществах? Как различные факторы риска и защиты (внутренние – такие как эмпатия, самоконтроль, ценностные ориентации, толерантность; внешние – образование, поддерживающее окружение, возможности для диалога) взаимодействуют друг с другом во времени? Возможно ли идентифицировать различные траектории радикализации с разными исходами?

Насильственный экстремизм и терроризм представляют собой устойчивую реальность современного мира, перспективы исчезновения

которой в обозримом будущем отсутствуют. Однако индивидуальные траектории радикализации демонстрируют значительную вариативность, уникальность и изменчивость. Частота и влияние конкретных факторов риска существенно различаются в зависимости от возраста индивида, временного контекста и специфики ситуации. На современном этапе исследований критическую важность приобретает изучение процесса радикализации в его динамике. Это требует учета происходящих трансформаций самого объекта исследования, включая эволюцию физических, психологических и поведенческих характеристик субъектов, а также динамику групповой идеологической поляризации. При этом фокус анализа должен расширяться за пределы изучения исключительно сторонников насильственного экстремизма и терроризма, совершивших насильственные акты, и включать исследование околоэкстремистских кругов, формирующихся в гибридной (онлайн/офлайн) среде.

В стремлении концептуализировать и раскрыть природу этой глобальной угрозы исследователи подчеркивают необходимость четкого методологического различения факторов риска радикализации и ее индикаторов при разработке инструментов анализа данного динамичного процесса. Требуется преодоление детерминистских подходов, характерных для многих существующих исследований радикализации. Перспективным направлением представляется смещение фокуса на измерение реляционной (связанной с сетевыми взаимодействиями и групповой динамикой) и эмоциональной динамики, присущей изменчивой околоэкстремистской среде.

Указанные методологические сложности различения факторов риска и индикаторов радикализации, а также динамическая природа околоэкстремистской среды требуют адаптации исследовательских подходов. Попытки преодолеть эти концептуальные ограничения и операционализировать изучение динамики радикализации в гибридной среде приводят к разнообразию методологических направлений в современных исследованиях.

В ответ на эти вызовы современные работы в области исследований онлайн-радикализации фокусируются на решении конкретных прикладных задач, которые условно можно разделить на следующие категории.

Первая категория охватывает обнаружение целевых сообществ, противоправного и деструктивного контента, включая фейковые новости, язык вражды и материалы, распространяемые экстремистскими и террористическими организациями.

Вторая категория посвящена анализу и интерпретации данных социальных медиа: статистическому исследованию распространения деструктивного контента и анализу сетевой топологии для выявления наиболее влиятельных узлов.

Третья категория сосредоточена на формировании баз данных и знаний, описывающих значимые характеристики деструктивного контента и сообществ, а также на формализации механизмов радикализации. Это создает основу для алгоритмизации задач противодействия распространению деструктивного контента и изучения онлайн-радикализации.

Выбор социальной сети Twitter в качестве источника данных в ряде исследований обусловлен прежде всего доступностью её API и распространенностью в англоязычной среде. В других работах используются источники с более сложным доступом к данным, такие как Facebook [146], Instagram [147] и иные платформы.

Методологии исследований по способам работы с контентом подразделяются на три обобщенные группы:

1. Векторизация текстов направлена на трансформацию неструктурированной или слабоструктурированной текстовой информации в числовое представление, пригодное для сравнения. Это позволяет решать задачи оценки семантического сходства текстов, выявления обсуждаемых тем, а также поиска терминов и именованных сущностей, значимых для конкретных идеологических платформ. Наиболее распространенной статистической мерой значимости слов является TF-IDF, ценящаяся за простоту реализации и высокую интерпретируемость результатов. К альтернативным методам относятся word2vec и мешок слов (bag of words). Основные сложности связаны с формированием репрезентативных выборок текстов для анализа, а при использовании машинного обучения – с созданием обучающих и тестовых наборов.

2. Анализ тональности текстов применяется для выявления индикаторов деструктивного контента, в частности проявлений языка вражды. Используются как готовые решения (LIWC, HateSonar), так и авторские модели на базе BiLSTM, LDA и BCNN. Фундаментальная сложность анализа тональности заключается в многоэтапности задачи (идентификация мнения, определение его объекта и аспекта, оценка эмоциональной окраски), которая усугубляется такими факторами, как наличие множественных объектов в одном сообщении, небуквальный смысл (ирония, сарказм), использование жаргона и сленга.

3. Применение специализированных словарей, несмотря на известные ограничения прямого поиска по ключевым словам (высокая размерность выдачи, значительная доля ложных срабатываний), сохраняет потенциальную эффективность, особенно в комбинации с другими методами. Под словарями понимаются формализованные наборы знаний о значимых для идеологических платформ и сообществ элементах: ключевых словах (именованные сущности: места, личности, события, даты),

терминах (включая жаргон и сленг) и тегах, явно маркирующих целевой контент. Выделяются два основных подхода к составлению словарей:

- *Экспертный подход*. Словари формируются специалистами в предметной области по чётким правилам и с применением инструментария для создания, оценки качества и актуализации.
- *Подход wisdom of the crowds (мудрость толпы)*. Основан на анализе сообщений, маркированных пользовательскими тегами, в предположении о коллективной точности. Это позволяет статистически оценивать распространение контента, реакцию на него и формировать обучающие выборки, сопряженные с задачами оценки репрезентативности и ошибки выборки.

Таким образом, анализ современных методов автоматизации поиска деструктивного контента и построения исследовательских систем на основе данных социальных сетей не выявил универсального, наиболее эффективного подхода. Существенные ограничения, такие как проблемы масштабируемости, неопределенности, парадокс больших данных и сопутствующие им сложности, при отсутствии адекватных компенсирующих механизмов, существенно снижают качество результатов и повышают трудоемкость разработки соответствующих программных решений.

Методологический поворот в социальных науках, движимый цифровой трансформацией, открыл новые возможности для изучения насильственного экстремизма, терроризма и радикализации, одновременно обнажив фундаментальные ограничения. Интеграция методов Data Science (Big Data, AI, Web Mining, сетевая топология) позволила осуществлять автоматизированный анализ гигантских массивов сетевых данных и моделировать динамику ранее трудноформализуемых процессов радикализации в гибридной (онлайн/офлайн) среде. Однако эти технологии не заменяют, а лишь дополняют традиционные социологические методы, требуя междисциплинарной кооперации. Ключевым методологическим достижением стало четкое разграничение факторов риска (прогностические характеристики уязвимости) и индикаторов радикализации (наблюдаемые маркеры активной фазы), критически важное для разработки стратегий. При этом эмпирически подтверждено, что наличие факторов риска не детерминирует переход к насилию, что находит отражение в сложной динамике околоэкстремистской среды – пространстве восприимчивости к радикальным нарративам, где траектории входа, выхода и дистанцирования нелинейны, а сдерживающие факторы (альтернативный активизм, осознание «красных линий») играют значимую роль. Современные исследовательские практики сосредоточены на решении задач обнаружения деструктивного контента и сообществ, анализе сетевой динамики и формализации механизмов радикализации, используя методы векторизации текстов, анализа тональности и специализированных

словарей. Тем не менее эти подходы сталкиваются с серьезными ограничениями: парадокс больших данных, проблемы репрезентативности, семантическая неоднозначность (ирония, сленг), высокая доля ложных срабатываний, что исключает существование универсального технологического решения и подчеркивает необходимость методологического плюрализма.

Таким образом, ключевой вывод заключается в том, что необходим диалектический подход. Алгоритмы и методы Data Science не просто изменили инструментарий изучения радикализации – они фундаментально трансформировали сам объект исследования. «Эпоха алгоритмов» породила новую реальность, где радикализация все чаще разворачивается в гибридных пространствах, управляемых сетевыми эффектами и опосредованными алгоритмическими платформами. Одновременно эти же технологии становятся основным средством ее познания, формируя новые исследовательские парадигмы (Computational Social Science) и ставя перед наукой беспрецедентные методологические вызовы. Понимание того, как технологии изменяют процесс радикализации и его изучение, становится ключом не только для адекватной диагностики угрозы, но и для разработки эффективных, этически обоснованных стратегий противодействия в цифровую эпоху.

2.2. Миражи Big Data: ограничения интеллектуального анализа социальных медиа для изучения радикализации

Как было показано в предыдущем параграфе, цифровые методы открывают беспрецедентные возможности для исследования радикализации, позволяя анализировать масштабные онлайн-взаимодействия и выявлять ранее скрытые закономерности. Однако эйфория от потенциала Big Data зачастую затмевает фундаментальные методологические вызовы и эпистемологические ограничения, присущие работе с данными социальных медиа. Настоящий параграф посвящен критическому анализу этих ограничений – «миражей Big Data», – которые не просто являются техническими сложностями, но ставят под сомнение саму возможность получения валидного и надежного знания о процессах радикализации исключительно на основе анализа цифровых следов. Понимание этих границ – необходимое условие для осмысленного применения инструментов, рассмотренных в параграфе 2.1, и планирования методологически корректных исследований.

Исследования радикализации, опирающиеся на данные социальных сетей, сталкиваются с комплексом взаимосвязанных ограничений, выходящих за рамки чисто технических трудностей обработки больших объемов

информации. Эти ограничения имеют фундаментальный, эпистемологический характер, затрагивая саму возможность получения достоверного знания о сложных социальных процессах. Помимо очевидных вызовов, связанных с объемом данных, которые напрямую влияют на разработку методик выявления взаимосвязей онлайн-сообществ, оценки значимости узлов социального графа и влияния пользователей, выделяются следующие ключевые ограничения:

1. Парадокс больших данных (Big Data Paradox) [148]. Несмотря на кажущееся изобилие доступных данных, для решения конкретных исследовательских задач в области радикализации их может критически не хватать. Этот парадокс ярко проявляется при анализе профилей отдельных пользователей или малых, закрытых онлайн-сообществ, вовлеченных в радикализацию, которые сознательно минимизируют свой наблюдаемый «цифровой след» или используют закрытые платформы/каналы. *Для исследований радикализации это означает риск систематической недооценки именно тех субъектов и групп, которые наиболее активно вовлечены в процесс.* Частично проблему может смягчить интеграция данных из дополнительных источников (если доступна), но это не отменяет самого парадокса.

2. Проблема доступа к данным (Obtaining Sufficient Samples) [148]. Доступ к данным социальных медиа осуществляется преимущественно через программные интерфейсы приложений (API), жестко регламентированные владельцами платформ. Ограничения включают: лимиты на объем данных, извлекаемых за единицу времени (rate limits), недоступность критически важных полей (например, полных лент новостей, некоторых метаданных, данных приватных профилей), изменение условий доступа без предупреждения и коммерциализацию данных. *В контексте радикализации это приводит к получению неполных данных.* Радикальные сообщества или контент могут быть недоступны через API. Нерепрезентативность выборки: доступные данные смещены в сторону открытых, активных, но не обязательно наиболее релевантных профилей/групп. Проблема воспроизводимости: исследование невозможно точно повторить из-за происходящих изменений в API или недоступности данных. Юридические риски: изучение чувствительных данных, связанных с радикализацией и экстремизмом, где пересекаются вопросы приватности, безопасности и законодательства о персональных данных (национальные и международные законодательные акты).

3. Заблуждение об удалении шума (Noise Removal Fallacy) [148]. Социальные медиа генерируют колоссальный объем «шума» – данных, нерелевантных для конкретной исследовательской задачи (например, бытовые разговоры, спам, юмор, не связанный с радикальным контентом).

Хотя *фильтрация шума необходима для повышения эффективности анализа, она сопряжена с серьезными проблемами*, такими как: сложность определения шума (что считать шумом при изучении радикализации? бытовой разговор, содержащий маркеры радикальных идей? иронию или троллинг?); отсутствие систематизированных знаний о предметной области или сложностью их формализации для алгоритмов, что затрудняет создание точных фильтров; риск потери сигнала (слишком агрессивная или неточная фильтрация может произвольно исключить слабые, но значимые сигналы ранней радикализации или маргинальных дискурсов); усиление парадокса Big Data (удаление данных усугубляет проблему нехватки релевантной информации).

4. Дилемма оценки (Evaluation Dilemma) [148]. Валидация моделей анализа данных, например для выявления радикального контента или влиятельных акторов, традиционно требует размеченных данных (ground truth) для проверки их предсказательной силы. Однако в исследованиях радикализации на основе *исключительно* публичных данных социальных медиа эта разметка зачастую невозможна по нескольким причинам: недоступна верификация (истинные намерения пользователя, реальная степень его радикализации или членство в офлайн-группах обычно невозможно проверить по его онлайн-активности); отсутствуют эталоны (нет надежных внешних источников «истины» для сравнения); субъективность (даже ручная разметка исследователями подвержена высокой степени субъективности при интерпретации сложных и закодированных нарративов радикализации). *Следовательно, эффективность и точность алгоритмов, применяемых для изучения радикализации в социальных медиа, часто остается принципиально недоказуемой.*

5. Гетерогенность отношений (Heterogeneity) [149]. Социальные связи в сети многомерны и контекстуальны. Один пользователь может быть связан с другим как друг, коллега, единомышленник по политическим взглядам, участник радикальной группы или оппонент. Наблюдаемые данные (лайки, репосты, подписки, упоминания) фиксируют факт взаимодействия, но не раскрывают его истинную природу, мотивацию или контекст. *При изучении радикализации это приводит к ошибкам, таким как:* ложные выводы (интерпретация любой связи как свидетельства радикализации или принадлежности к сообществу ошибочна); неразличимость мотивов (невозможно по данным отличить, например, исследователя радикальных групп от их реального участника, критика от сторонника). В таких случаях особое значение приобретает необходимость мультимодальности, т. е. требуются дополнительные источники данных (контент-анализ, этнография, экспертные интервью) для интерпретации природы связей.

6. Динамическая эволюция сети (Evolution) [149]. Онлайн-сети, включая сообщества, вовлеченные в радикализацию, находятся в постоянном изменении, появляются и исчезают пользователи и сообщества, формируются и разрываются связи, меняется интенсивность и характер взаимодействий. *Для исследования радикализации это означает:* моментальное устаревание снимков (статичный анализ snapshot сети дает картину, которая может утратить актуальность уже в момент публикации); сложность отслеживания динамики (выявление *процессов* радикализации – вербовки, консолидации групп, распространения идей – требует дорогостоящих и сложных в реализации лонгитюдных исследований с непрерывным или регулярным сбором данных); ресурсоемкость (хранение и обработка временных рядов сетевых данных требуют значительных вычислительных ресурсов и сложных методик).

7. Скрытое влияние коллективных взаимодействий (Collective Intelligence/Spiral of Silence) [149]. Открыто наблюдаемые реакции на контент (лайки, репосты, позитивные комментарии, количество подписчиков) создают видимость общественного консенсуса или массовой поддержки определенных идей, в том числе радикальных. Это может оказывать скрытое нормативное давление на других пользователей, например создаётся эффект спирали молчания – пользователи, чье мнение отличается от кажущегося доминирующим (особенно если оно радикально), могут воздержаться от выражения своей позиции, *не оставляя цифрового следа несогласия*. Скрытая легитимация. Контент, окруженный множеством позитивных сигналов (даже если они искусственно накручены или исходят от небольшой, но активной группы), воспринимается как более легитимный и обоснованный, влияя на восприятие молчаливого большинства. *Этот механизм влияния на радикализацию (формирование воспринимаемой нормы, подавление инакомыслия) принципиально не фиксируется методами анализа наблюдаемых взаимодействий и реакций.*

С учетом вышеизложенных ограничений становится очевидной необходимость четкого разграничения понятий:

- **Реальная Сеть (Offline/Actual Network).** Совокупность людей и их *фактических* взаимоотношений и убеждений (включая вовлеченность в радикализацию), существующая независимо от их онлайн-репрезентации.

- **Наблюдаемая Сеть (Observed Network).** Часть Реальной Сети, представленная (отраженная) в данных социальных медиа. Она не является полной или точной копией Реальной Сети из-за самоцензуры пользователей, стратегического поведения, ограничений платформ и фундаментальных эпистемологических ограничений, описанных выше (Парадокс Big Data, Гетерогенность, Скрытое влияние).

- **Доступная для анализа Сеть (Accessible/Processable Network).** Подмножество Наблюдаемой Сети, данные о котором могут быть *фактически* получены исследователем через API или иные средства и автоматически обработаны. Доступ к данным ограничен на нескольких уровнях.

Пользовательский – настройки приватности профиля.

Платформенный – политика и технические ограничения API, пользовательские соглашения, коммерческие барьеры.

Правовой – законодательство о защите персональных данных, национальные законы о безопасности и противодействии экстремизму, регулирующие сбор и обработку данных.

Этический – ограничения, накладываемые исследовательской этикой при работе с чувствительными данными.

Таким образом, исследования радикализации, основанные на анализе социальных медиа, работают не с Реальной Сетью и даже не с полной Наблюдаемой Сетью, а лишь с ее фрагментом – Доступной для анализа Сетью. Этот фрагмент подвержен систематическим искажениям и ограничениям, описанным в данном параграфе.

Анализ ограничений интеллектуального анализа социальных медиа для изучения радикализации выявляет не просто технические сложности, а фундаментальные эпистемологические барьеры. Парадокс Big Data, проблемы доступа, иллюзия удаления шума, дилемма валидации, гетерогенность отношений, динамическая природа сетей и скрытое влияние коллективных взаимодействий – все эти факторы в совокупности формируют принципиальный разрыв между наблюдаемыми цифровыми следами и сложной социальной реальностью процессов радикализации. Ключевое следствие этого разрыва – необходимость строгого концептуального различения Реальной Сети, Наблюдаемой Сети и Доступной для анализа Сети. Исследователи радикализации, опирающиеся исключительно на данные социальных медиа, работают лишь с фрагментом доступных данных, который к тому же подвержен систематическим искажениям.

Понимание этих «миражей Big Data» имеет критическое значение для исследователей в области изучения радикализации по нескольким причинам.

Во-первых, **предостерегает от технологического детерминизма и некритичного доверия к данным.** Данные социальных медиа – не нейтральное «зеркало» реальности, а сложная, искаженная и ограниченная репрезентация.

Во-вторых, **требует от исследователей проявления методологического скептицизма и осторожности в интерпретациях.** Результаты анализа должны рассматриваться как *индикаторы возможных процессов*, а не как их неоспоримые доказательства. Необходима явная рефлексия ограничений в каждом исследовании.

В-третьих, **обосновывает необходимость мультимедийных подходов.** Преодоление ограничений требует **триангуляции** – сочетания анализа данных социальных медиа с качественными методами (этнография, глубинные интервью, дискурс-анализ), экспертной оценкой и, где возможно, данными из других источников (офлайн-исследования, данные правоохранительных органов – с соблюдением этики и закона).

В-четвёртых, **подчеркивает важность этических и правовых аспектов.** Работа с данными о радикализации сопряжена с повышенными рисками, требующими строгого соблюдения норм исследовательской этики и законодательства.

Игнорирование этих ограничений не только снижает научную ценность исследований радикализации, но и может привести к ошибочным выводам с серьезными практическими последствиями. Осознание границ возможностей Big Data является не признаком слабости метода, а необходимым условием для его ответственного и эффективного применения в изучении одного из самых сложных социальных феноменов современности. Эти методологические соображения служат основой для критического рассмотрения конкретных инструментов анализа, которым посвящены следующие параграфы.

2.3. Сетевые ловушки: технологии выявления и анализа структуры онлайн-сообществ радикализации

Предыдущий параграф обнажил фундаментальные эпистемологические ограничения и «мираж Big Data», присущие анализу социальных медиа в процессе изучения радикализации. Мы отметили, что исследователи чаще всего работают лишь с фрагментом Доступной для анализа Сети, подверженной систематическим искажениям. Тем не менее понимание структуры онлайн-взаимодействий остается критически важным для выявления сообществ и механизмов распространения радикальных идей. Настоящий параграф фокусируется на сетевых технологиях – методах выявления и анализа структуры онлайн-сообществ радикализации. Однако, как будет показано, эти мощные инструменты сами по себе несут в себе методологические «ловушки», обусловленные как их собственными предпосылками (прежде всего, гипотезой гомофилии), так и теми самыми ограничениями, описанными в параграфе 2.2, особенно проблемой гетерогенности связей и статичностью данных. Этот параграф исследует потенциал и подводные камни сетевого анализа для картирования «цифровых экосистем радикализации».

Анализ сетевых взаимодействий в социальных медиа для изучения радикализации опирается на два ключевых, взаимосвязанных феномена,

лежащих в основе большинства аналитических гипотез и методов: *гомофилию* и *совместное цитирование* [150].

Гомофилия – это принцип, согласно которому связи между пользователями с большей вероятностью формируются между теми, кто обладает сходными характеристиками (убеждения, ценности, демографические признаки, социальный статус, образование и т. д.). В контексте радикализации это проявляется как тяготение индивидов с радикальными взглядами к взаимодействию друг с другом – формированию изолированных сообществ и «эхокамер».

Совместное цитирование (Co-citation) – это феномен, при котором схожие пользователи демонстрируют схожее поведение, выражающееся, например, в ссылках на одни и те же или идеологически близкие источники информации, использование общих хештегов, мемов или нарративов. Для радикальных сообществ это часто означает циркуляцию внутри-групповых источников и маркеров идентичности.

Обобщая, можно сказать, что вне зависимости от конкретной прикладной задачи, цели исследователи исходят из гипотезы: похожие люди (или сообщества) взаимодействуют друг с другом и действуют похожим образом. Эта гипотеза, хотя и эмпирически наблюдаемая во многих контекстах, становится методологической «ловушкой» при изучении радикализации, по нескольким причинам:

1. Упрощает мотивацию. Игнорируются сложные причины установления связей (стратегическое поведение, троллинг, наблюдение за оппонентами).

2. Рискует стать самоисполняющимся пророчеством. Алгоритмы, основанные на гомофилии, могут усиливать изоляцию и радикализацию, рекомендуя все более экстремальный контент похожим пользователям.

3. Может не учитывать стратегическую мимирию. Радикальные акторы могут сознательно маскироваться под «нормальные» сообщества или использовать популярные, но нейтральные хештеги.

Несмотря на эти «ловушки», гипотеза гомофилии лежит в основе решения широкого круга задач, релевантных изучению радикализации. Таким образом, задача оценки взаимосвязей отдельных онлайн-сообществ или их кластеров сводится к реализации наиболее эффективных с учетом имеющихся ограничений инструментов оценки степени их сходства (или сходства их пользователей-подписчиков). Основные **прикладные задачи** при этом могут быть сгруппированы следующим образом:

1. **Предсказание связей** (Link Prediction) [151]. Выявление скрытых или вероятных будущих связей между пользователями или сообществами. Применительно к исследованию радикализации это означает про-

гнозирование формирования альянсов между радикальными группами, выявление потенциальных «мостов» между радикальными и мейнстримными сообществами, моделирование путей распространения радикального контента (информационная диффузия). Ловушка: высокий риск ложноположительных результатов из-за гетерогенности связей (см. п. 2.2); предсказанные связи могут не нести радикального содержания или намерения.

2. Выявление сообществ (Community Detection) [151–154]. Обнаружение групп пользователей, тесно связанных между собой на основе взаимодействий или сходства. Применительно к исследованию радикализации это означает идентификацию скрытых или зарождающихся радикальных сообществ, картирование их структуры (ядро, периферия), выявление перекрывающихся сообществ (*bridge-and-hijack tactics*). Ловушка: алгоритмы могут объединять в «сообщества» пользователей с разными мотивами (радикалы, исследователи, журналисты, контрактивисты); границы сообществ часто размыты и динамичны; выявленные группы могут не обладать единой идеологией или целью. *Ключевая задача радикализации* – формирование сообществ на основе направленных действий по созданию таких радикальных сообществ в рамках сети или её фрагмента для последующего упрощения процессов взаимодействий.

3. Целевой анализ и рекрутинг (Online Marketing Analogy) [152, 155]. Выявление аудитории, восприимчивой к определенным идеям или нарративам. Применительно к исследованию радикализации это означает поиск групп пользователей, уязвимых для вербовки в радикальные идеологии («таргетированная уязвимость»), анализ эффективности радикальных нарративов и мемов, моделирование кампаний по противодействию радикальной пропаганде. Ловушка: этические границы использования маркетинговых техник для изучения/контроля радикализации; риск стигматизации целых групп; сложность различения уязвимости и активной поддержки.

4. Профилирование пользователей (User Profiling) [155]. Создание комплексных моделей пользователей на основе их атрибутов и поведения. В обобщенном виде задача сводится к формированию профиля пользователя, состоящего из множества меток различных систем классификации, как иерархических, так и фасетных. С одной стороны, пользователь рассматривается через сходство с иными пользователями, а с другой стороны, сложные сочетания различных меток могут формировать сравнительно точное описание разнонаправленных и разносторонних интересов, позволяя перейти на уровень персонализированных предложений и прогнозов. С определенной точки зрения, если конечной целью является моделирование действий пользователя в различных ситуациях, указанная задача может быть частным случаем задач анализа поведения

и анализа социальных взаимодействий. Применительно к исследованию радикализации это означает оценку степени радикализации индивида, выявление ключевых акторов (лидеры, распространители, «мосты»), прогнозирование индивидуальных траекторий радикализации. Ловушка: риск вторжения в приватность; «профили» часто редукционистски упрощают сложные убеждения; высокая вероятность ошибок и предвзятости алгоритмов, ведущих к ложным обвинениям (algorithmic bias).

5. Анализ поведения и взаимодействий (Behavior & Interaction Analysis) [151]. Понимание природы связей и прогнозирование поведения пользователей в Сети. Этот тип задач объединяет все вышеперечисленные, поскольку допускает применение с последующим объединением соответствующих подходов, методов и инструментария. Цели могут быть описательными и уточняющими, например определение характера конкретной установившейся между пользователями связи, а также предсказательными, например моделирование поведения в различных обстоятельствах. Применительно к исследованию радикализации это означает определение типа связи между пользователями (идеологический союзник, оппонент, распространитель), моделирование реакции сообщества на события/пропаганду, выявление скоординированных кампаний. Ловушка: крайняя сложность достоверной интерпретации мотивации и смысла взаимодействий исключительно на основе сетевых данных (см. гетерогенность в п. 2.2); поведение в Сети может не коррелировать с офлайн-действиями.

***Подходы к оценке взаимосвязей онлайн-сообществ радикализации:
методология и ловушки***

Как отмечалось выше, задача поиска взаимосвязей между сообществами (например, для выявления сети распространения радикальных идей) сводится к оценке их сходства.

Социальная сеть моделируется как граф $G = (V, E)$, где V – вершины (сообщества или пользователи), E – ребра (связи). Задача: найти пары похожих вершин (v_i, v_j) на основе их атрибутов и/или связей.

Типы сходства и их применение/ограничения в изучении радикализации:

1. Структурное сходство [156]. Основано на паттернах связей (подписки, членство в группах, репосты, упоминания, совместное комментирование). *Применяется для выявления сообществ на основе плотности связей, моделирования диффузии. Ловушки:* не различает природу связи (поддержка, критика, наблюдение? (см. гетерогенность – п. 2.2). Радикальные группы могут сознательно минимизировать *наблюдаемые* связи (security culture).

2. Поведенческое сходство (частный случай структурного) [157]. Основано на схожих *действиях* (лайки одних и тех же постов, синхронная активность, паттерны реакций). Поведенческое сходство выражается в схожем поведении (реакциях) пользователей, может наблюдаться как:

- публикация сообщения пользователя u1 на странице пользователя u2;
- отмеченная пользователем u1 реакция (например, лайк) на контент (в посте или комментарии), размещенный пользователем u2;
- совместное комментирование несколькими пользователями одного и того же контента;
- размещение (репост) на своей странице пользователем u1 контента, опубликованного другим пользователем;
- совместное вступление различных пользователей в одни и те же онлайн-группы или сообщества.

Применяется для выявления скоординированных групп, ботов, кластеров единомышленников. *Ловушки*: схожее поведение не равно схожие убеждения (например, массовый лайк сенсационного, но не радикального поста). Легко имитируется ботами.

3. Контентное сходство [158, 159]. Вычисляется на основе атрибутов узлов. Основано на сходстве атрибутов или продуцируемого контента:

- *Демографическое* – сходство по возрасту, локации и т. д. Мало релевантно для идеологической радикализации, может использоваться для таргетинга уязвимых групп.

- *Тематическое* – сходство по ключевым словам, хештегам, названиям обсуждаемых тем. *Применяется для* кластеризации сообществ по темам, отслеживания нарративов. *Ловушки*: зависит от выбора словаря; не улавливает контекст и тон (ирония, сарказм); радикальные группы могут использовать эвфемизмы и кодовые слова.

- *Семантическое* – сходство по смыслу и контексту (использование embedding-моделей: Word2Vec, Doc2Vec, BERT). *Применяется для* выявления идеологически близких сообществ, даже при использовании разной терминологии; анализа эволюции нарративов. *Ловушки*: требует больших объемов данных для обучения; качество зависит от обучающего корпуса (риск усиления bias); сложность интерпретации результатов; ресурсоемкость.

Обобщим подходы, которые применяют исследователи для оценки сходства узлов и последующего формирования социального графа взаимосвязей:

1. Извлечение доступных для анализа данных о пользователях и онлайн-сообществах.

2. Выбор или адаптация существующих методов оценки сходства.

3. Вычисление значений сходства между парами пользователей или онлайн-сообществ (выявление взаимосвязей).
4. Определения порога значимых связей и отсечение всех значений, находящихся ниже пороговых.
5. Формирование итогового социального графа [152–155, 157].

Методологический конвейер: этапы анализа и скрытые подводные камни

Учитывая ограничения Доступной для анализа Сети (п. 2.2), оценка взаимосвязей между сообществами (особенно выявление связей между радикальными и номинально нерадикальными сообществами) часто фокусируется на сходстве подписчиков (аудитории) и сходстве контента (тематика, семантика), минуя сложные (и часто недоступные) атрибуты отдельных пользователей.

Ниже описан обобщенный подход к оценке взаимосвязей онлайн-сообществ и обозначены границы его применения.

Формирование экспертной выборки сообществ. Включение релевантных сообществ и сообществ с выявленными признаками радикализации (оправдание, поддержка и продвижение идей, пропаганда насилия, экстремистские символы, призывы к насильственным действиям). Ловушка: субъективность экспертной оценки; сложность выявления латентно-радикальных сообществ.

Построение графа по «общим подписчикам». Связь между сообществами А и В тем сильнее, чем больше пользователей подписаны на оба. Применяется для моделирования потенциальных путей диффузии контента между аудиториями. Ловушка: общая подписка не равно интерес к радикальному контенту или согласие с ним. Может отражать лишь общие интересы аудитории.

Оценка тематического сходства (TF-IDF + Косинусное расстояние). Векторизация текстов сообществ (описания, посты), расчет сходства. Применяется для кластеризации по темам, выявления общих ключевых слов. Ловушка: не улавливает семантику, контекст, тональность. Чувствителен к стоп-словам и частотности.

Оценка семантического сходства (Doc2Vec/BERT + Косинусное расстояние). Векторизация, отражающая смысловую близость текстов. Применяется для выявления сообществ с близкой идеологией, даже при разной лексике; прогноза возможного сближения сообществ. Ловушка: требует качественных данных для обучения; «черный ящик»; может давать контринтуитивные результаты.

Сравнение и интерпретация топологий. Анализ графов, построенных разными методами. Ловушка: риск переинтерпретации корреляции (сходства) как причинности или прямой идеологической связи. Необходимость экспертной валидации.

Интерпретация графов и «Ловушка Ассортативности»

Анализ статичного (snapshot) графа позволяет измерить **ассортативность** сети – тенденцию схожих сообществ (или пользователей) быть связанными. Однако *высокая ассортативность в срезе радикальных сообществ может быть следствием трех принципиально разных сил, не различимых в статике:*

1. **Влияние (Influence).** Сообщества становятся более похожими после установления связи (например, радикальная группа А влияет на группу Б, делая ее более радикальной).

2. **Гомофилия (Homophily).** Изначально схожие сообщества (по идеологии) с большей вероятностью устанавливают связи друг с другом.

3. **Внешнее воздействие (Confounding/External Drive).** Сообщества становятся более похожими *независимо* от их связей под влиянием внешнего фактора (например, общий кризис, медийное событие, действия властей).

Различение этих сил критически важно для разработки мер противодействия.

Влияние требует разрыва конкретных каналов влияния или работы с реципиентом.

Гомофилия требует снижения вероятности установления связей (например, ограничение рекомендательных алгоритмов) или изменения характеристик сообществ.

Внешнее воздействие требует работы с самим внешним фактором (информационная политика, решение социальных проблем).

Однако без анализа временных рядов данных (лонгитюдных snapshot) и применения специальных каузальных методов определить доминирующую силу невозможно. Это и есть ключевая «**ловушка ассортативности**» в сетевом анализе радикализации – статичная картина не позволяет понять *динамику* процесса и выбрать адекватную стратегию вмешательства. Наблюдаемая структура в один момент времени для всех трех случаев может выглядеть идентично.

Сетевые технологии предоставляют мощный арсенал для картирования структуры онлайн-взаимодействий и выявления потенциальных сообществ радикализации, опираясь на гипотезы гомофилии и сходства поведения. Методы структурного, поведенческого и контентного (тематического и семантического) анализа позволяют строить графы связей между сообществами и пользователями, решая задачи выявления сообществ, прогнозирования связей, анализа диффузии и профилирования.

Однако применение этих методов к исследованию радикализации сопряжено с рядом фундаментальных «**сетевых ловушек**».

Ловушка Гомофилии. Гипотеза сходства как основы связей упрощает мотивацию, игнорирует гетерогенность связей (критика, наблюдение) и может усиливать изоляцию через алгоритмы.

Ловушка Статичности. Анализ snapshots сети не позволяет различить ключевые динамические силы (Влияние, Гомофилия, Внешнее воздействие), ответственные за наблюдаемую ассортативность радикальных сообществ, что критично для выбора мер противодействия.

Ловушка Интерпретации. Данные о связях (подписки, общие подписчики, сходство контента) сами по себе не раскрывают *идеологическую природу* или *интенциональность* связи. Высок риск ложных ассоциаций и переинтерпретации корреляции как идеологического родства.

Ловушка Доступа и Контекста. Ограничения *Доступной для анализа Сети* (п. 2.2) напрямую влияют на полноту и качество сетевых моделей. Семантический анализ требует больших данных и несет риски algorithmic bias.

Этическая Ловушка. Профилирование и таргетированный анализ несут риски стигматизации, вторжения в приватность и алгоритмической дискриминации.

Для преодоления этих ловушек исследователи рекомендуют применять следующие методы и подходы.

Метод триангуляции. Сочетание сетевого анализа с качественными методами (дискурс-анализ, этнография, экспертные интервью) для валидации и интерпретации связей, понимания мотивации и контекста.

Лонгитюдный подход. Сбор данных во времени для анализа динамики сетей, различения сил, стоящих за ассортативностью, и выявления процессов радикализации.

Критическая рефлексия. Постоянное осознание ограничений данных, предпосылок алгоритмов (особенно гипотезы гомофилии) и этических дилемм.

Создание и совершенствование специализированных онтологий и моделей. Создание инструментов, лучше учитывающих специфику языка, кодов и стратегий радикальных сообществ.

Сетевой анализ – незаменимый инструмент для навигации в сложной цифровой экосистеме радикализации, но его результаты следует рассматривать как *предположительные «карты»*, а не окончательные истины. Без преодоления присущих ему методологических ловушек и интеграции с другими подходами он рискует воспроизвести или даже усилить искажения, присущие «Доступной для анализа Сети». Понимание этих ограничений подводит нас к следующему критическому аспекту – роли лидеров мнений и агентов влияния (п. 2.4), чье воздействие также опосредовано сетевой структурой и подвержено схожим ловушкам наблюдения и интерпретации.

2.4. Цифровые агенты влияния: переосмысление роли лидеров мнений в экосистемах радикализации

Сетевой анализ, рассмотренный в предыдущем параграфе, позволяет выявлять структуру онлайн-сообществ радикализации, но остается слеп к механизмам влияния внутри этих сетей. Ключевыми акторами, формирующими идеологический ландшафт и динамику радикализации, выступают лидеры мнений (ЛОМы) и инфлюэнсеры. Однако цифровая среда радикально трансформировала их природу, функции и масштаб воздействия. Настоящий параграф критически переосмысливает роль этих «цифровых агентов влияния» в экосистемах радикализации, преодолевая ограничения классической модели Лазарсфельда–Катца и анализируя методологические вызовы их идентификации в условиях алгоритмической сложности современного медиапространства. Понимание этой трансформации критически важно, поскольку именно ЛОМы часто выступают катализаторами и «модераторами» распространения, тиражирования радикальных нарративов внутри выявленных сетевых структур.

Эволюция концепции: от Лазарсфельда к цифровой сложности

Классическая концепция лидеров общественного мнения (ЛОМ), разработанная Полом Лазарсфельдом и Элайху Кацем 1950-х, позиционировала их как социальных посредников между СМИ и аудиторией, обладающих авторитетом, компетенцией и разветвленными социальными связями [160]. Их влияние считалось преимущественно горизонтальным (среди «статусно равных»).

Первоначальный смысл, который в понятие ЛОМ вложили Лазарсфельд и Катц, заключался в том, что лидер мнений – это персона, которая в глазах своих последователей обладает высоким социальным статусом и лучшей информированностью, тем самым оказывает влияние на общественное мнение через интерпретацию содержания и смысла сообщений средств массовой коммуникации.

Лидеры мнения существуют на всех уровнях общества и во всех демографических группах, но обладают определенными личностными и социальными качествами, которые можно рассматривать, по мнению Лазарсфельда и Катца, как обязательные атрибуты: 1) персональные качества (активность, уверенность, вовлеченность); 2) компетенции – область вопросов, в которых ЛОМ хорошо осведомлен; 3) социальная позиция и стремление ее распространять; 4) разветвленная сеть социальных контактов. Важная эмпирическая находка ученых – это то, что лидеры мнений оказывают большее влияние в горизонтальном направлении, чем в вертикальном, т. е. они больше влияют на людей, равных по статусу, подобных себе, а не на тех, кто стоит ниже или выше по общественной лестнице.

В дальнейшем эта эмпирическая находка привела к экспансии трактовок ЛОМ, потому что с появлением социальных сетей и с экспоненциальным ростом блогеров базовая трактовка понятия перестала отвечать новым реалиям. В эпоху неограниченного влияния социальных сетей, многомерных потоков информации, многообразия каналов распространения влияние происходит как в горизонтальном, вертикальном, так и в смешанном формате. Добавим к этому, что вокруг лидера мнений могут концентрироваться люди, многие из которых сами в той или иной степени обладают подобными качествами и, в свою очередь, в процессе своих коммуникаций способны влиять на свое окружение. Кроме того, сама двухуровневая типология, основанная на локальных и глобальных темах, тоже перестала отражать разновидности лидеров мнений.

Чаще всего наблюдаются попытки дать обобщенную формулировку этого понятия. Однако не сформулированы четкие критерии, позволяющие различать ЛОМов и инфлюэнсеров. Нет единого понимания того, кто является ЛОМом в цифровой среде. Это говорит о сложности и многозначности феномена, который невозможно свести к единому универсальному определению.

В обобщенном виде социологи определяют лидера мнений как социального актора, выступающего в качестве посредника между средствами коммуникации и собственной группой, который оказывает существенное влияние на мнение других людей. Особо подчеркивается его активная роль в выборе, интерпретации, распространении передаваемой информации, а также способность своим авторитетом воздействовать на мнение окружающих. Содержание понятия зависит от выбора методологии исследования, а оценку его влияния чаще всего производят через количественные показатели аудитории (причем преимущественно математическими методами) и взаимодействия с ней.

Рядом с ЛОМами сосуществуют «узкопрофильные» лидеры, круг интересов которых ограничивается модой, музыкой, путешествиями, видеоиграми и т. п. Их невозможно сравнивать с ЛОМами. Зачастую исследователи называют данную категорию «лидеры интереса», «лидеры публичного интереса», «цифровые блогеры», «фешен-лидеры» и др. Они транслируют образцы поведения и речь, оказывая воздействие на всю коммуникативно-поведенческую сферу жизни общества в узкотематическом сегменте. Особенно на молодежь. Производимый ими контент не отягощен глубокими социально-смысловыми конструкциями, ближе к жанру fun (забава, шутка). Они транслируют образцы поведения, речи, эмоциональных реакций, а иногда и асоциальных форм поведения, но, не касаются вопросов политики, идеологии, культуры, экономики и социальных про-

блем. Фактически «лидеры интереса»: 1) воздействуют на поведенческую активность участников «коммуникативного множества»; традиционно-нормативную этическую систему общества, раздвигая границы дозволенного; 2) проявляют признаки децентрализации, ризомность, хаотичность, бессистемность; 3) механизм влияния основан на законах психологии толпы; 4) неустойчивы в своем мнении – «флюгеры», легко меняют свою позицию; 5) высокая ротация – быстро теряют авторитет и «уходят из зоны влияния».

В истории появления «инфлюэнсеров» есть интересная деталь: первоначально понятие применялось как тождественное понятию «рекомендации знаменитостей» (celebrity endorsement – SE). SE – это люди, независимые и экстравагантные, формирующие отношение аудитории к событиям, явлениям, моде, предметам быта, развлечениям и т. п. через блоги, твиты социальных сетей. Они создают привлекательный для пользователей контент и имеют возможность продвигать в социальных сетях то, что считают важным, или то, что приносит им доход.

Разграничение понятий ЛОМЫ vs Инфлюэнсеры

Классическая концепция лидеров общественного мнения (ЛОМ), восходящая к Лазарсфельду и Катцу, определяла их как социальных посредников, обладающих авторитетом, экспертными знаниями и способностью интерпретировать медиасообщения для формирования установок в стабильных группах. Их влияние базировалось на социальном статусе и компетентности в значимых темах (политика, экономика, идеология). Однако цифровая революция разрушила эту модель, возник феномен инфлюэнсеров – цифровых агентов влияния, чей статус порождается не традиционными социальными иерархиями, а платформенной видимостью, эмоциональной вовлеченностью аудитории и алгоритмическим продвижением.

ЛОМЫ в цифровой среде – это современные наследники лазарсфельдовской традиции, фокусирующиеся на **смыслообразующем влиянии**. Они специализируются на интерпретации сложных идей (политика, религия, социальные конфликты), формируют идеологическую повестку, опираются на аргументацию и стремятся к изменению глубинных установок аудитории. Их отличительные черты:

- **космополитизм** – вовлеченность в глобальные/национальные дискурсы;
- **идеологическая устойчивость** – долгосрочное следование ценностям;
- **механизм влияния** – авторитет через экспертность и рациональную коммуникацию.

Цель ЛОМов – трансляция мировоззрения, мобилизация вокруг идей (например, идеологи радикальных групп, политические стримеры,

авторы аналитических Telegram-каналов, посвящённых обсуждению социальной несправедливости).

Инфлюэнсеры – продукт цифровой эпохи, фокус которых лежит в сфере **поведенческих паттернов и эмоционального вовлечения**. Их контент (мода, гейминг, бьюти, лайфстайл) редко затрагивает сложные идеологии, но воздействует на нормы, эстетику и повседневные практики, особенно молодежи. Их ключевые характеристики:

- **тематическая специализация** – узкая фокусировка на конкретной области интересов («вертикаль»);
- **тренд-зависимость** – высокая ротация, зависимость от платформенных алгоритмов;
- **механизм влияния** – эмоциональная заразительность, психология толпы, fun-контент.

Цель инфлюэнсеров – вовлечение, развлечение, коммерция (прямая/скрытая реклама). Например, блогеры-косметологи, стримеры, тревел-авторы.

Ключевое различие ЛОМ vs Инфлюэнсер для исследований радикализации заключается в следующем (табл. 7).

Таблица 7

Практическая дифференциация ЛОМ vs Инфлюэнсер

Критерий	ЛОМы	Инфлюэнсеры	Релевантность радикализации
Основной фокус	Идеология, ценности, политика, социальные проблемы	Образ жизни, мода, развлечения, хобби, fun-контент	ЛОМы формируют идеологический вектор
Масштаб влияния	Чаще космополитический (глобальные/национальные темы)	Чаще локальный или нишевый (тематический)	ЛОМы с широким идеологическим охватом
Механизм влияния	Авторитет, аргументация, интерпретация сложных тем	Эмоции, тренды, образцы поведения	ЛОМы через нарративы, интерпретации
Стабильность	Относительно высокая, основана на долгосрочном доверии, идеях	Низкая, высокая ротация, зависимость от популярности, трендов	Устойчивость ЛОМов важна в процессе радикализации
Типичные черты	Активность, компетентность, в теме, стремление распространять	Экстравагантность, коммерция	
Примеры	Идеологи радикальных групп	Бьюти-блогеры, геймеры, тревел-авторы и др.	
Риск радикализации	Прямой. Пропаганда идеологии, формирование нарративов	Косвенный. Нормализация асоциального поведения, создание среды восприимчивости	

ЛОМы выступают **прямыми драйверами радикализации**, конструируя и распространяя идеологические нарративы, оправдывающие насилие или экстремизм.

Инфлюэнсеры, как правило, не продвигают радикальные идеи целенаправленно, но могут **косвенно способствовать** ей через *нормализацию* асоциальных практик (агрессия, эскапизм, отрицание институтов), *создание среды восприимчивости* у аудитории (эмоциональная неустойчивость, поиск идентичности), *непреднамеренное «размывание границ»* допустимого в публичном дискурсе.

Это разграничение критически важно для методологии. Таргетирование мер противодействия требует точной идентификации *идеологических ЛОМов* как первичных источников радикальных смыслов, в то время как влияние инфлюэнсеров требует мониторинга на предмет косвенных рисков и кооптации для позитивных альтернатив.

В процессе радикализации ключевыми акторами являются ЛОМы, задающие идеологический вектор. Однако инфлюэнсеры могут невольно создавать питательную среду или использоваться для «мягкой» нормализации радикальных идей.

Методы выявления ЛОМов: потенциал и «ловушки» в контексте радикализации

Выявление ЛОМов в соцсетях – активно развивающаяся область (Opinion-leader mining). Основные методы и их ограничения мы объединили в три группы: 1) сетевые топологические методы; 2) методы с учетом негативного влияния (trust-based); 3) контентно-сетевые гибридные методы. Остановимся более подробно на каждой группе.

Сетевые-топологические методы

Эти методы рассматривают социальную платформу как граф (сеть), где пользователи – узлы (вершины), а их взаимодействия (подписки, лайки, репосты, упоминания) – ребра (связи). Их цель – выявить ЛОМов на основе структурного положения в сети, исходя из гипотезы «влиятельные пользователи занимают центральные позиции в сетевой структуре». Они не анализируют содержание контента, фокусируясь исключительно на паттернах связей.

Примеры моделей: PageRank [160–162], HITS [160], TwitterRank [163]. Принцип – выявление узлов с максимальным количеством связей или структурной значимостью. Классика – центральность [164] – оценка степени, близости, промежуточности по графу. Модели служат первым фильтром/этапом для отбора кандидатов в ЛОМы из огромного массива пользователей, основой для более сложных гибридных или контентных методов (как в OLFinder или RaC), которые добавляют анализ смысла,

инструментом визуализации структуры сообщества вокруг выявленных иным путем идеологических ЛОМов.

Преимущества для изучения радикализации: 1) вычислительная эффективность (относительно быстрые алгоритмы, работают с огромными сетями (миллионы узлов); 2) объективность (формальная), основана на наблюдаемых данных, а не на субъективной оценке контента; 3) наглядность (позволяют визуализировать структуру сообществ и положение ЛОМов); 4) хороши для «популярности» (эффективно находят пользователей с широкой аудиторией и высокой видимостью).

Ограничения для исследований радикализации: 1) не различают *тип* влияния (идеологический vs развлекательный); риск ложного позиционирования инфлюэнсеров как ЛОМов; 2) игнорируют семантику контента (радикальный ЛОМ с малым числом связей (но высокой вовлеченностью ниши) может быть пропущен; 3) уязвимы к накруткам связей и ботов; 4) не учитывают *направленность* влияния (позитивное/негативное, радикальное).

Сетевые топологические методы – мощный и быстрый инструмент для первичной идентификации потенциально влиятельных акторов по их позиции в структуре онлайн-взаимодействий. Они незаменимы для картирования масштабных сетей и поиска пользователей с широкой формальной аудиторией. Использование *исключительно* топологических методов для выявления ЛОМов в процессе радикализации чревато серьезными ошибками интерпретации и является классической «сетевой ловушкой». Их сила – в анализе структуры, но не в анализе смысла влияния.

Методы с учетом негативного влияния (Trust-based)

Эти методы возникли как ответ на ключевое ограничение классических сетевых подходов (PageRank, центральность). Они игнорируют враждебность, конфликт и поляризацию. Их цель – выявить ЛОМов, чье влияние основано не только на позитивных связях (поддержка, согласие), но и на способности провоцировать споры, управлять конфликтами и формировать оппозиционные лагеря. Это критически важно для изучения радикализации, где поляризация и антагонизм – ключевые двигатели процесса. Модели созданы для ранжирования узлов сети с отрицательными ссылками. Учитывают «антисвязи» (недоверие, конфликт).

Примеры моделей: Simple Page Rank (Sim-PR) [165], Virtual PageRank (Vir-PR) [166], PageTrust (PT) [167].

Эти модели основаны на анализе характеристик пользователей, таких как количество постов, репостов, твитов, ретвитов, количество подписчиков. Однако такие модели и методы, с помощью которых они реализуются, могут страдать от проблемы перекрытия информации из-за игнорирования сетевой структуры. Проблема перекрытия информации

означает, что обнаруженные ЛОМы могут иметь много общих последователей, следовательно, их влияние может затрагивать только небольшой круг людей. Например, в качестве лидеров мнений они могли распространять информацию только среди подмножества пользователей (т. е. их общих друзей). Анализ сетевой структуры обычно занимает много времени, особенно для крупных сетей. В работе с огромной социальной сетью производительность обычно резко падает. Тем не менее и временная сложность, и пространственная сложность очень важны. Поскольку социальная сеть обычно развивается со временем, находится в постоянном динамическом изменении (предположим, нам требуется неделя или месяц, чтобы обнаружить лидеров мнений), то полученные результаты могут устареть.

Потенциал исследования радикализации мы видим в следующем: позволяет выявлять поляризованных, конфликтных лидеров, что релевантно для радикальных сообществ. *Преимущества для исследователей:* 1) улавливают конфликтную динамику (прямо работают с антагонизмом – ядром радикализации); 2) выявляют провокаторов и «антигероев» (находят ЛОМов, чья сила именно в способности генерировать враждебность); 3) картируют идеологические фронты (показывают границы между враждебными кластерами через паттерны связей); 4) выявляют устойчивых к манипуляциям (сложнее искусственно накрутить «негативное влияние» (дизлайки, репосты) и тех, кто создает фейковые позитивные связи.

Ограничения для исследований радикализации: сложность автоматического и точного определения тональности связей/контента, особенно при использовании эвфемизмов и кодов радикалами; высокая вычислительная сложность для больших сетей.

Методы Trust-based – незаменимый инструмент для изучения ЛОМов в конфликтных и поляризованных средах, таких как радикализация. Они уникальны способностью формализовать негативное влияние и враждебность как ключевые факторы сетевой динамики. Однако их применение требует тщательной проработки правил маркировки связей (лучше с привлечением экспертов), мощных вычислительных ресурсов, критической интерпретации результатов в сочетании с качественным анализом контента и контекста (гибридные подходы), понимания, что они фиксируют потенциал поляризации и конфликта, но не обязательно их реализацию в офлайн-насилии. Их сила – в выявлении «горячих точек» радикального дискурса.

Контентно-сетевые гибридные методы

Эти методы позволяют преодолевать ключевое ограничение «чистых» сетевых или контентных подходов, таких как разрыв между структурой связей и смыслом коммуникации. Их цель – выявить идеологически значимых лидеров мнений (ЛОМов), чье влияние основано не только

на формальной позиции в сети (много подписчиков/связей), но и на содержательной роли в формировании нарративов, особенно в контексте радикализации. Они отвечают на вопрос: *кто не просто популярен, а кто реально задает смысловую повестку в тематическом поле?*

Примеры моделей:

- Построение «подписанных сетей» плюс анализ тональности комментариев плюс TrustRank [168]. Суть метода в том, что сначала строится пользовательская сеть с положительными и отрицательными ссылками (авторы ее называют «подписанной сетью») с помощью четырех шагов: 1) построение сети с явными и неявными ссылками; 2) маркировка признаков явных ссылок; 3) вывод признака неявных ссылок, позволяющий преобразовать подписанную сеть в подписанного пользователя сети. Затем разрабатывается новая модель на основе PageTrust, которая названа TrustRank, для выявления лидеров мнений из подписанной сети. TrustRank основан на идее, что недоверие (отрицательные) ссылки могут усилить возможность выхода из сети. По сравнению с другими методами, этот отличается тем, что учитываются как положительные, так и отрицательные мнения. Кроме того, отрицательная ссылка имеет два значения: «отрицательное» и «слабопозитивное». Смысл отрицательного – «уход» и «остановка», то есть фактически это окончание распространения онлайн-комментариев. Слабопозитивный маркер означает сохранение и продолжение онлайн-комментирования. Например, это можно метафорически выразить словами «враг моего врага есть мой друг». Sentiment Analysis (анализ настроений в онлайн-комментариях), который лежит в основе метода, включает следующие шаги: 1) комментарий разбивается на несколько предложений; 2) извлекаются шесть искусственных признаков и используется общий метод классификации, выбранный для определения направленности тональности предложения; 3) анализируется настроение поста (определяется в соответствии со знаком большого числа направленности предложения (все функции имеют бинарную оценку, 1 или 0, в зависимости от того, появляются они или нет). Датасет положительных и отрицательных слов, как указывают авторы, собран вручную и формализован в соответствии со словарем китайских слов.

- OLFinder – выявление ЛОМов в тематических доменах на основе компетентности (контент) и популярности (сеть) [169]. Предлагаемый алгоритм сначала извлекает горячие темы обсуждения в домене социальной сети, затем рассчитывается компетентность и рейтинг популярности для каждого пользователя в заданном домене на основе количества внутренних ссылок пользователей. Далее на основе линейной комбинации оценок компетентности и популярности вычисляется взвешенное влияние пользователя.

- Алгоритм RaC – кластеризация (K-means) для поиска кандидатов плюс ранжирование по активности и влиянию [170]. Алгоритм кластеризации RaC для поиска лидеров мнений в социальных сетях с перспективой

поэтапной кластеризации включает следующие шаги: 1) уменьшение масштаба вычислений (применяется алгоритм К-средних по топологической информации для нахождения множества кандидатов в лидеры мнений; 2) ранжирование пользовательских рейтингов кандидатов в лидеры мнений, как по их активности, так и по влиянию. Далее аккумулируется влияние последователей, взвешенное по степени внимания при оценке влияния пользователей. Для проверки валидности алгоритма авторы используют в экспериментах новый индикатор: С-значение и моделирование на основе линейной пороговой модели для оценки производительности алгоритма RaC.

Потенциал для исследований радикализации: наиболее перспективны, так как объединяют структуру и смысл, позволяют искать ЛОМов в конкретных тематиках (идеология, социальные конфликты). Ключевые преимущества для исследований: 1) фокус на смысл (позволяют отличить идеологического радикального лидера от просто популярного блогера; 2) учет тематики (выявляют ЛОМов в конкретных радикальных нишах, например неонацизм, религиозный экстремизм); 3) устойчивость к маскировке (лучше выявляют ЛОМов, использующих эвфемизмы или скрытые сети, через семантический анализ); 4) выявление «ключевых голосов» (находят не только центральных, но и смыслообразующих акторов, даже с меньшей формальной популярностью).

Ограничения для исследований радикализации: зависимость от качества анализа тональности (проблема иронии, сарказма, культурного контекста); требуют больших размеченных датасетов для обучения моделей (особенно для редких языков/ниш); сложность учета динамики (ЛОМы меняют тактики, платформы, аккаунты); эпистемологическая проблема (п. 2.2) – невозможность верификации истинных намерений и степени радикализации по цифровым следам.

Контентно-сетевые гибридные методы – наиболее перспективный путь для исследования ЛОМов в процессе радикализации, так как они напрямую работают с единством структуры и смысла, лежащим в основе реального идеологического влияния. Однако они остаются сложным инструментом, требующим критической интерпретации и дополнения качественными методами.

Технологический стек автоматизации выявления лидеров онлайн-сообществ

Обобщенная структурно-функциональная схема макета системы анализа и автоматизированного выявления лидеров онлайн-сообществ (рис. 11) включает три сервера: геоинформационный, приложений и баз данных. К составным частям макета относятся:

1. Подсистема сбора данных – обеспечивает формирование параметризованных запросов через программный интерфейс приложений (API) для извлечения исходных данных социальной сети.

2. Подсистема предварительной обработки – используется для преобразования «сырых» неструктурированных данных социальной сети в табличные формы для последующего размещения в хранилище данных.

3. Хранилище данных – обеспечивает хранение извлеченной и структурированной информации социальной сети для последующей обработки.

4. База знаний – содержит структурированную информацию, определяющую признаки лидеров онлайн-сообществ, включая значения весовых коэффициентов для оценки степени влияния размещенного контента.

5. Подсистема анализа данных – обеспечивает проведение процедуры обработки данных для выявления учетных записей пользователей онлайн-сообществ, попадающих под признаки лидеров онлайн-сообществ, включая: анализ степени влияния на базе социального графа онлайн-сообщества; оценку наличия собственной группы, обеспечивающей увеличение ценности активности «лидера»; вычисление значений влияния размещенного контента.

6. Подсистема визуализации – обеспечивает отображение результатов работы подсистемы анализа в виде таблиц, графиков и интерактивных карт с привязкой к пространственным данным, реализуемым через программное обеспечение геоинформационного сервера.

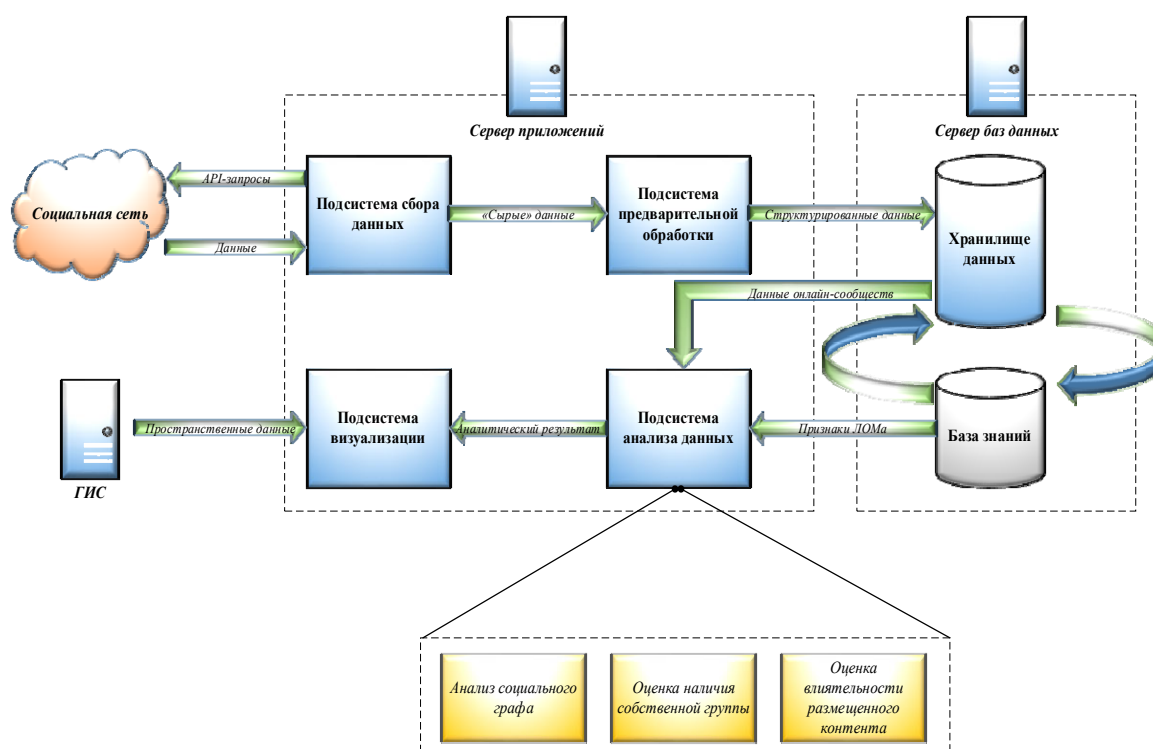

Рис. 11. Структурно-функциональная схема макета системы анализа и автоматизированного выявления лидеров онлайн-сообществ

Критические вызовы в исследовании ЛОМов радикализации

Проблема доступа. Ограничения API-платформ мешают построить полную картину влияния.

«Шум» и мимикрия. Радикальные ЛОМы сознательно маскируют контент, используют эвфемизмы, ведут «двойную жизнь».

Динамичность. Короткий жизненный цикл аккаунтов, миграция между платформами (платформенный мультипликатор).

Качественная пропасть. Количественные метрики (охват, вовлеченность) не отражают глубину идеологического воздействия и реальной радикализации аудитории.

Этические риски. Автоматическое профилирование ЛОМов несет риски стигматизации, цензуры и подавления легитимного инакомыслия.

Переосмысление роли лидеров мнений в цифровую эпоху позволяет выявлять их центральное значение как катализаторов и распространителей радикальных нарративов внутри сетевых экосистем:

1. **Трансформация влияния.** Классическая модель ЛОМов (Лазарсфельд–Катц) устарела. Цифровая среда породила разнородных агентов влияния (ЛОМы и инфлюэнсеры) с многомерным и алгоритмически усиленным воздействием. Для радикализации критически важны **идеологические ЛОМы**, формирующие ценностно-смысловую повестку.

2. **Методологический лабиринт.** Существующие методы выявления ЛОМов (сетевые, трстовые, гибридные) обладают существенными ограничениями в контексте радикализации, такими как: неадекватность чистых сетевых метрик (игнорирование семантики), сложность анализа тональности радикального контента (эвфемизмы, коды), невозможность достоверной верификации влияния и намерений, проблемы доступа к данным и динамичности акторов.

3. **Необходимость триангуляции.** Эффективное изучение ЛОМов радикализации требует комбинации методов, лонгитюдных исследований, отслеживания динамики активности, миграции и эволюции нарративов ЛОМов, разработки специализированных инструментов, чётких этических рамок.

4. **Значение для противодействия.** Понимание структуры и механизмов влияния цифровых ЛОМов является основой для разработки точечных мер противодействия радикализации – от аргументированного нивелирования их нарративов до ограничения их алгоритмического продвижения цифровыми платформами. Однако слепая автоматизация этого процесса, как будет показано в следующем параграфе, несет новые риски.

2.5. Алгоритмы как исследователи: автоматизация анализа дискурса и контента в социальных медиа

Предыдущий параграф раскрыл роль цифровых агентов влияния – лидеров мнений (ЛОМов) и инфлюэнсеров – как катализаторов радикализации в сетевых экосистемах. Однако их воздействие реализуется через конкретный контент – нарративы, символы, эмоциональные триггеры, формирующие общественно-политическую повестку. В настоящем параграфе мы переходим к анализу технологий автоматизации, позволяющих алгоритмам выступать в роли «исследователей», обрабатывающих колоссальные объемы дискурса для выявления трендов радикализации, моделирования информационной диффузии и картирования идеологических ландшафтов. Этот переход критичен. Если параграф 2.4 сфокусирован на агентах влияния, то параграф 2.5 – на изучении инструментов, превращающих контент агентов влияния в структурированные данные и связанные с этим методологические и эпистемологические риски.

Автоматизированный анализ общественно-политической повестки (ОПП) жизненно необходим для оперативного реагирования на угрозы, вызовы в цифровой среде и радикализацию, прогнозирования социальных трендов (включая деструктивные), противодействия дезинформации и фейкам. Однако онлайн-дискурс – лишь частичное, часто искаженное отражение реальности. Онлайн-сообщества оказывают непосредственное влияние на жизнь человека, динамика взаимоотношений в Сети оказывает влияние на поведение вне её. При этом Сеть является частичным и, зачастую, искаженным отражением вне сетевого взаимодействия. Вследствие этого всегда актуальными остаются вопросы о степени доверия к результатам автоматического (автоматизированного) анализа данных социальных медиа.

Ключевой парадокс заключается в том, что, несмотря на эти фундаментальные ограничения данных социальных медиа (подробно рассмотренные в параграфе 2.2 – «миражи Big Data»), их уникальный масштаб, охват и глубина проникновения в ткань современного социума делают их незаменимыми для принятия обоснованных решений в сфере безопасности и управления рисками радикализации. Этот парадокс – необходимость действовать на основе данных, чья репрезентативность и достоверность принципиально ограничены, – находит свое яркое отражение в реальном состоянии исследовательского поля.

«Цифры говорят»: Тревожная диспропорция в исследовательских подходах

За период с 2015 по 2024 год включительно было опубликовано около 1800 статей в журналах и материалах конференций, в названии, аннотации или ключевых словах которых встречались термины «повестка» или «общественно-политическая повестка» (*источник данных: elibrary.ru*). Только

Устойчивое Развитие

Инициативное Бюджетирование

Цифровая Экономика

Интернет

Большие Данные

Искусственный Интеллект

Пандемия

Терроризм

Цифровизация

Нефинансовая отчетность

Экономика

Цифровая трансформация

Софинансирование

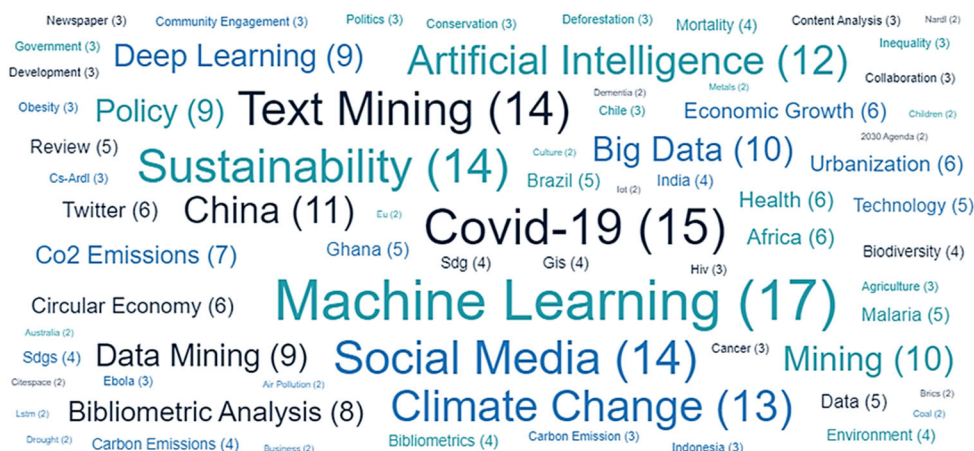
Регион

Социальные Сети

Местное самоуправление

Экология

За аналогичный период (2015–2024 гг.) в международной базе *lens.org* представлено более 2900 публикаций, в которых одновременно встречаются термины «data mining» и «agenda», из которых 954 работы отнесены к тематическому направлению «Computer Science». Облако ключевых слов, указанных публикаций, приведено на рис. 13.

Анализ русскоязычных и англоязычных научных публикаций (2015–2024 гг.) выявил тревожную диспропорцию:

- Это указывает на критическое отставание российской науки в разработке инструментов для анализа цифровой радикализации.

Информационная диффузия и реальность радикализации

Анализ дискурса неразрывно связан с изучением социального влияния в цифровой среде – процесса, при котором агенты (ЛОМы, инфлюэнсеры, сообщества) целенаправленно или непреднамеренно изменяют убеждения, установки или поведение аудитории. Ключевая особенность онлайн-влияния – его воздействие часто происходит латентно, без осознания объектом самого факта манипуляции, а достигнутый эффект может радикально расходиться с изначальными намерениями коммуникатора.

Классическим способом моделирования процесса влияния является поиск значимых узлов в соответствующих сетевых структурах (социальных графах). Можно выделить несколько основных типов прикладных задач, решаемых на базе оценок значимости узлов социального графа:

1. **Максимизация влияния.** Как правило, задача сводится к поиску k -узлов в рамках рассматриваемой сети, которые могут оказать влияние, достаточное для целевого изменения всей сети. Может быть представлена как частный случай параметрической оптимизации, т. е. вычисление оптимальных значений ряда параметров при известной (заданной) структуре объекта – социального графа. *Применение (с фокусом на радикализацию):* поиск минимального набора ЛОМов/сообществ, воздействие на которые максимально ослабит радикальную сеть (оптимизация контрнарративов).

2. **Мониторинг общественного мнения и выявление актуальных проблем (тем).** Смысл задачи сводится к нахождению такого конечного множества узлов сети, результаты анализа мнений которых будут репрезентативны для всей сети в целом. Таким образом, может быть снижена общая вычислительная сложность задачи мониторинга общественного мнения за счет сокращения количества анализируемых объектов. Однако, с учетом такого ограничения, как эволюция сети (см. раздел «Ограничения анализа данных социальных медиа»), необходимо на постоянной основе отслеживать возможные изменения сети, потенциально способные повлиять на репрезентативность. *Применение (с фокусом на радикализацию):* мониторинг угроз (выявление зарождающихся радикальных тем и маркеров эскалации, например рост токсичности + частота упоминаний оружия).

3. **Информационная диффузия.** Этот широкий блок задач включает такие подзадачи, как «анализ распространения знаний», «распространение информации», «борьба с распространением фейков» и аналогичные им. В общем виде эти задачи сводятся к моделированию распространения информации. Можно выделить четыре основные типа моделей информационной диффузии: стадное поведение, информационный каскад, диффузию

инноваций и эпидемиологическую [148] (рис. 14). *Применение (с фокусом на радикализацию)*: борьба с дезинформацией (автоматическое обнаружение и сдерживание фейковых нарративов, оправдывающих насилие), автоматизация оценки значимости узлов по их роли в радикальной экосистеме.

4. Анализ устойчивости сети. Задача сводится к выявлению узлов, исключение которых может привести к распаду сети. Соответственно, в зависимости от прикладной цели могут быть предприняты меры для профилактики распада и повышения устойчивости, включая внедрение новых узлов и формирование новых связей. Или же, наоборот, могут быть установлены узлы (или их связи), которые необходимо исключить из сети для нарушения процессов информационного обмена, или частичного либо полного её распада. *Применение (с фокусом на радикализацию)*: автоматизация оценки значимости узлов по их роли в радикальной экосистеме.

Рис. 14. Типы моделей информационной диффузии в зависимости от наблюдаемости сети и доступности информации

В процессе информационной диффузии, вне зависимости от типа используемых моделей, выделяют три основных субъекта: отправителя, получателя и коммуникационный канал. Базовой подзадачей при этом является определение вероятности, что получатель «примет» информацию (знание, убеждение) от отправителя и использует её при принятии решения и (или) распространит её дальше. Значение вероятности затем используется, например, в линейных пороговых моделях (LTM – linear threshold model) в качестве значения «порога». Вероятность же может быть представлена как функция, учитывающая значимость узлов (отправителя и получателя) в рамках рассматриваемой сети или её фрагмента. Задачу «интервенции», т. е. вмешательства в процесс информационной диффузии с целью её предотвращения, замедления или прекращения, при этом можно рассматривать как частный случай задачи анализа устойчивости сети.

Подходы к определению значимости узлов социального графа

Задача определения значимости узлов социального графа сводится в общем виде к решению задачи классификации, т. е. сопоставлению каждого из узлов графа с одной или несколькими «метками» класса. Метки могут принимать следующие значения:

- *двоичное*: если допускается только одно из двух возможных значений; также возможна ситуация, при которой лишь одно конкретное значение присваивается метке, а отсутствие значения автоматически трактуется как противоположное;
- *числовое*: если значение метки можно представить в виде числа (возраст, количество репостов, рейтинг); возможно как ограничение диапазона допустимых значений, так и присвоение отдельных подкатегорий для диапазонов (например, узел со значением возраста от 18 до 35 лет может быть помечен как «молодой»);
- *категориальное*: если значение метки ограничивается конечным набором определенных категорий (например, метка «интересы» может включать значения «кино», «чтение» и т. д.);
- *текстовое*: если значение метки задается пользователем в виде произвольного текста.

В зависимости от доступных наблюдаемых данных, постановки задачи, а также актуальных ограничений анализа, значимость узла социального графа может быть представлена метками любых типов.

Очевидными подходами к решению задачи классификации узлов социального графа являются: экспертный (т. е. ручное присвоение значений меток), автоматический, автоматизированный (сочетание предыдущих двух).

Из-за объема анализируемых данных, а также непрекращающейся эволюции наблюдаемой сети экспертный способ малоэффективен. Также

можно выделить несколько подходов к автоматизации процесса классификации узлов:

- на основе собственных данных графа, т. е. его топологии, характеристик узлов и связей (если таковые присутствуют и характеризуются достаточной степенью доверия к ним);
- с применением методов машинного обучения (при наличии соответствующих выборок данных) [150].

Для оценки значимости узла на основе собственных данных графа используются несколько базовых метрик, к которым относятся: степень вершины, степень близости, степень посредничества, степень влиятельности (включая производные от неё PageRank и Katz centrality [171]⁶).

Степень вершины – значение, отражающее важность узла на основе простого количества связей, которыми тот обладает. Иначе говоря, наиболее значимым будет узел, напрямую связанный с большим количеством прочих узлов. Практически значение степени вершины показывает, каким количеством «однопрыжковых» связей обладает каждый узел. Эта мера используется для поиска популярных людей, которые могут быстро связаться с наиболее широкой сетью. Степень вершины является простейшей мерой значимости узла, при наличии достаточной дополнительной информации. При этом полезно отдельно рассмотреть меры in-degree (количество входящих связей) и out-degree (количество исходящих связей).

Степень близости – значение, отражающее значимость узла на основе его «близости» к прочим узлам сети (графа). Значение степени близости вычисляется путем выявления кратчайших путей между всеми узлами графа с последующим присвоением каждому узлу оценки, основанной на сумме кратчайших путей. Нормализованное значение степени близости узла рассчитывается как средняя длина кратчайшего пути между ним и всеми другими узлами. Иначе говоря, наиболее значимым считается узел, располагающийся «ближе» всех ко всем узлам графа. Значение меры используется для поиска узлов (пользователей), способных наиболее быстро оказать влияние на всю сеть в целом (узел-вещатель). Следует учитывать, что в графе с сильными связями между узлами (в графах, где все связаны со всеми или почти со всеми) значения степеней близости узлов будут практически одинаковыми. В таких сетях следует выделять отдельные кластеры для поиска значимых пользователей.

⁶ Umar Ishfaq, Hikmat Ullah Khan, Saqib Iqbal, Identifying the influential nodes in complex social networks using centrality-based approach, Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences. 2022. Vol. 34. Issue 10. Part B. Pages 9376–9392.

Степень посредничества – значение, отражающее значимость узла на основе оценки количества проходящих через него кратчайших путей между другими узлами. Значение вычисляется следующим образом:

- для каждой пары узлов графа (i, j) выявляются кратчайшие пути между ними;
- для каждой пары узлов (i, j) определяется доля кратчайших путей, проходящих через рассматриваемый узел t ;
- доли кратчайших путей суммируются для каждой пары узлов (i, j) .

Значение степени посредничества используется для выявления узлов-пользователей, влияющих на информационные потоки в рассматриваемой сети, а также для оценки динамики коммуникаций. Следует учитывать, что высокое значение может, с одной стороны, действительно указывать на узел, обладающий значительным влиянием на разрозненные кластеры сети, но с другой стороны, узел, находящийся на периферии разных кластеров, также будет обладать высоким значением степени посредничества.

Степень влиятельности – значение, которое, как и степени вершины и близости, определяет значимость узла на основе количества его связей с прочими узлами сети. Однако при вычислении итогового значения принимается во внимание собственная связность узлов, напрямую соединенных с рассматриваемым. Таким образом, можно говорить о вычислении расширенной связности узла, потенциально указывающей на влияние на всю сеть в целом, а не только на непосредственно связанные узлы. В сравнении с прочими мерами степень влиятельности является более универсальной, с точки зрения понимания социальных связей.

Метрики используются «как есть» или модифицируются различным образом, например, с применением коэффициента кластеризации [172], вычисления гибридной степени значимости [171] или иных множественных критериев [173–175].

Методы оценки значимости узлов с применением машинного обучения рассматриваются крайне редко ввиду очевидных ограничений (см. п. 2.2). При этом встречаются исследования, в которых используют ML-подходы и модели, работающие с собственными данными графа [176, 177].

В контексте радикализации фундаментальные стратегии социального влияния (*взаимность, последовательность, социальное доказательство, симпатия, авторитет, дефицит* [178]) превращаются в инструменты вербовки и идеологической обработки.

Взаимность. Чувство обязанности отплатить добром за добро (или уступку за уступку). Получая что-то ценное, они стремятся «вернуть

долг». *Пример*: создание иллюзии «долга» («Мы дали тебе истину – теперь ты обязан бороться»). *Механизм*: радикальные группы или вербовщики предлагают то, чего не хватает потенциальному рекруту (чувство принадлежности и общности, чувство цели и смысла, поддержку и защиту, идеологическое «просвещение»). Получая эти «дары», индивид начинает чувствовать внутреннее обязательство перед группой или вербовщиком.

Дефицит. Люди больше ценят и сильнее желают то, что воспринимается как редкое, ограниченное или труднодоступное. Угроза потери мотивирует сильнее, чем возможность приобретения. *Пример*: культивирование образа «последнего шанса» («Только сейчас можно спасти нацию от вымирания»). *Механизм*: утверждается, что только данная группа обладает единственно верным пониманием ситуации, пути к спасению (религиозному, национальному, социальному) или знанием о «заговоре». Эта «истина» представлена как редкая и скрытая от масс. Подчеркивается уникальность исторического момента («сейчас или никогда»), ограниченность времени для присоединения к «правильной стороне» до неминуемого кризиса/апокалипсиса/поражения. Утверждается, что группа – это элита, спасающееся меньшинство, и места для всех не хватит. Вступление в группу или выполнение важной миссии представлено как привилегия, доступная лишь немногим «достойным».

Социальное доказательство. Люди определяют правильное поведение для себя, глядя на то, что делают другие, особенно похожие на них люди в схожих ситуациях. «Все так делают» – сильный аргумент. *Пример*: демонстрация ложного консенсуса через применение программных ботов и фейковые аккаунты («Все истинные патриоты поддерживают...»). *Механизм*: показ (часто преувеличенный) митингов, маршей, онлайн-сообществ, где множество «таких же, как ты» людей поддерживают идеологию и действия группы. Создается иллюзия широкой поддержки и нормальности радикальных взглядов. Активное пропагандирование историй членов группы, совершивших радикальные поступки (вплоть до террора), представленных как образцы для подражания, смелые и преданные борцы. Их действия оправдываются и преподносятся как социально одобряемые внутри группы. Это создает мощное доказательство: «Если он смог и присоединился, почему не ты? Это правильный путь для таких, как мы». Создается ложное впечатление, что радикальная позиция – это позиция «проснувшегося» большинства.

Последовательность. Люди стремятся действовать в соответствии с предыдущими заявлениями или действиями. Радикальные группы используют это, создавая цепочку малых обязательств. *Пример*: пользователю предлагают подписать «безобидную» онлайн-петицию, далее

присоединиться к закрытой группе. *Механизм*: согласие на малые действия (петиция → репост) формирует образ «последовательного борца», что облегчает принятие экстремистских идей. *Другой пример*: публичные обязательства в соцсетях – челлендж, каждый день нужно публиковать определенный контент. *Механизм*: публичная демонстрация лояльности группе усиливает внутреннюю приверженность ее идеологии через когнитивный диссонанс: «Я это поддержал – значит, я верю».

Симпатия. Люди охотнее соглашаются с теми, кто им нравится (сходство, комплименты, кооперация). Радикалы создают иллюзию «своих». *Пример*: «Братство по интересам». *Механизм*: создание искусственного сходства (хобби, язык) формирует доверие и снижает критичность. *Пример*: «Забота» как инструмент вербовки. *Механизм*: Демонстрация «заботы» формирует эмоциональную зависимость и открытость радикальным идеям.

Авторитет. Люди склонны подчиняться фигурам, воспринимаемым как эксперты или лидеры. Радикалы конструируют ложный авторитет. *Пример*: «Фейковые эксперты» (создание аккаунта «доктора... наук», фото, поддельные дипломы, продвижения теорий... цитаты «ученого» и т. п.). *Механизм*: использование атрибутов науки (титулы, термины) для легитимации ненависти. *Пример*: «Цифровые гуру» (Лидер ведет стрим в стиле коуч-сессии, новые адепты воспринимают его как пророка). *Механизм*: Имитация коучинга/тренинга личностного роста для маскировки радикального лидерства. Социальное доказательство (боты/отзывы) усиливает эффект.

Однако цифровая среда искажает классические модели влияния, сталкиваясь с реалиями цифровой экосистемы.

Эхокамеры и фильтр-пузыри. Алгоритмы платформ изолируют пользователей в информационных пространствах с гомогенным контентом, где радикальные нарративы воспринимаются как норма, а не девиация. Это искусственно усиливает «социальное доказательство» внутри пузыря.

Аффективная поляризация [179]. Враждебность к «другим» (либералам, мигрантам, иноверцам) становится сильнее рациональной оценки контента. Пользователь может принять идею от *идеологически чуждого* источника, если она резонирует с его гневом или страхом – вопреки логике «сходства» узлов.

Нелинейная диффузия. Распространение радикального контента редко следует плавным кривым классических моделей (диффузия радикального контента часто взрывная, а не плавная – эффект виральности). Виральные взрывы (мемы, скандальные видео) создают «точечные» волны влияния, не зависящие от структурного сходства агентов и реципиентов.

Таким образом, хотя сетевые модели часто описывают влияние как рост **сходства** связанных узлов (поведенческого, контентного, структурного [148]), реальность радикализации сложнее.

Сходство может быть следствием влияния, а не его причиной (алгоритмы *создают* гомогенные кластеры).

Эмоциональный резонанс ломает барьеры. Ценная для пользователя идея может прийти от «врага», если она снимает экзистенциальную тревогу.

«Сходство» в эхокамере – артефакт системы, а не естественная социальная динамика.

Это ставит под сомнение адекватность чисто топологических метрик (степень, близость) для прогнозирования реального влияния радикальных идей и требует интеграции семантического и эмоционального анализа.

Технологический стек автоматизации (фокус на радикализацию, табл. 8)

Сбор данных – «охота» за радикальным дискурсом.

Цель – получение релевантного контента из источников, где формируется/распространяется радикальный нарратив.

Методы: 1) парсинг платформ (скрипты для мониторинга VK, Telegram, нишевых форумов, социальных сетей с низким порогом модерации; 2) API соцсетей (использование VK API, Telegram API с фильтрацией по ключевым словам).

Вызовы:

1. «Кошка-мышка» (радикальные группы мигрируют с платформ, используют закрытые каналы, шифрование).
2. Юридические риски (сбор данных в России регулируется законодательными актами, могут потребоваться согласования с Роскомнадзором).
3. Этика сбора чувствительных данных (анонимизация данных, исключение рядовых пользователей из выборки).

Предобработка – очистка «ядовитого» контента

Цель – подготовка текста к машинному анализу без потери смысловых маркеров радикальности.

Методы: 1) токенизация (разбивка текста на слова/символы с учетом сленга радикалов; 2) лемматизация (процесс «нормализации» слов для облегчения анализа текстов); 3) фильтрация (удаление стоп-слов).

Вызовы:

1. Контекстная амбивалентность (одно и то же слово может быть нейтральным или радикальным).
2. Обфускация (запутывание, намеренные искажения).
3. Коды и эвфемизмы (языковые приёмы, используемые для смягчения или сокрытия табуированных слов и выражений).

Анализ контента – деконструкция радикального нарратива

Цель – выявление идеологических паттернов, эмоциональных триггеров и акторов.

Таблица 8

Ключевые характеристики

Метод	Цель в радикализации	Инструменты/ Модели	Риски
Классификация тем	Выделение идеологических кластеров	BERTopic, LDA, k-means	Смешение легитимного протеста и радикализма
Анализ тональности	Обнаружение агрессии, дегуманизации, призывов к насилию	RoBERTa, ToxiGen, Custom ML-классификаторы	Ирония/сарказм → ложные срабатывания
NER (Извлечение сущностей)	Идентификация ЛОМов, противоправных сообществ, символики запрещённых организаций	spaCy, Stanza, Flair	Псевдонимы, «подставные» аккаунты
Семантический анализ	Понимание связи идей	Word2Vec, Doc2Vec, Sentence-BERT	Культурные коды, недоступные для NLP
Анализ сетей	Картирование связей между ЛОМами и ячейками	Gephi, NetworkX, NodeXL	Скрытые связи через анонимные платформы

Вызовы:

1. Эволюция языка (радикалы быстро адаптируют лексику (например, замена запрещенных терминов).
2. Мультиmodalность (анализ только текста игнорирует радикальные мемы, аудио, видео).
3. «Законные» границы (различение экстремизма и критики власти; риск цензуры легитимного инакомыслия).

Визуализация и интерпретация – картирование угроз

Цель – трансляция сложных данных в интуитивные инсайты для экспертов.

Методы: 1) динамические дашборды (отслеживание всплесков радикальных тем); 2) семантические карты (визуализация идеологических кластеров); 3) графы влияния (идентификация ключевых узлов распространения).

Критические принципы: интерактивность, контекстуализация, этическая визуализация.

Потенциал и этические ограничения

Автоматизация позволяет прогнозировать всплески радикальной активности с беспрецедентной скоростью. Однако это требует жёстких этических протоколов (избегать стигматизации групп, обеспечить анонимизацию), понимания границ (алгоритмы выявляют *корреляции* и *маркеры*, но не заменяют экспертной оценки мотивов и контекста).

Главный парадокс автоматизации – алгоритмы эффективно находят шаблоны радикализации, но слепы к контексту. Это требует обязательной экспертной оценки на этапе интерпретации.

Автоматизация анализа дискурса и контента – необходимый инструмент для исследования радикализации в масштабах Big Data. Алгоритмы способны оперативно выявлять радикальные нарративы, моделировать их распространение, идентифицировать ключевых агентов влияния и картографировать идеологические ландшафты. Технологии NLP, сетевого анализа и машинного обучения (особенно гибридные подходы) позволяют структурировать хаотичный поток данных социальных медиа в систему параметров повестки, применимую для прогнозирования и противодействия. Однако эта мощь сопряжена с глубинными рисками: упрощением сложных социальных процессов до бинарных меток, усилением слепых зон из-за ограничений данных (п. 2.2), этическими дилеммами массового мониторинга и опасностью алгоритмической стигматизации. Эффективное применение этих инструментов требует постоянной критической рефлексии, триангуляции с качественными методами и четких этических рамок. **Автоматизация не отменяет, а усложняет роль исследователя, превращая его в «переводчика» между алгоритмической логикой и социальной реальностью.**

В главе 2 выявлен сложный ландшафт методологических вызовов и цифровых инструментов исследования радикализации в алгоритмическую эпоху. Начав с критического анализа «миражей Big Data» (п. 2.2) – фундаментальных эпистемологических ограничений данных социальных медиа, – мы перешли к «сетевым ловушкам» (п. 2.3) – технологиям выявления структуры онлайн-сообществ, чья эффективность упирается в проблемы гомофилии, статичности и интерпретации связей. В п. 2.4 переосмыслена роль лидеров мнений и инфлюэнсеров как агентов влияния в экосистемах радикализации, подчеркнув трудности их идентификации на фоне концептуальной размытости и алгоритмических ограничений. В завершающем параграфе (2.5) показано, как алгоритмы берут на себя функции «исследователей», автоматизируя анализ дискурса и контента для картирования радикальной повестки и моделирования диффузии

идей, но одновременно порождая новые этико-методологические дилеммы. Общий вывод главы: цифровые инструменты открывают беспрецедентные возможности для изучения радикализации, но их применение требует постоянного преодоления присущих им «ловушек» – от эпистемологических разрывов между данными и реальностью до этических рисков автоматизированной стигматизации и *algorithmic bias*. Ключом к научной строгости становится триангуляция – сочетание количественных методов с качественным анализом, экспертной валидацией и глубокой рефлексией границ цифрового знания. Без этого инструменты, призванные объяснять радикализацию, рискуют стать её невольными «соучастниками», воспроизводя логику алгоритмических «эхокамер» и упрощенных бинарных моделей социального мира.

Глава 3. РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОД ПРИЦЕЛОМ АЛГОРИТМОВ: ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

3.1. Картография угроз: топологическое моделирование радикальных сетей

В рамках исследовательской парадигмы главы 3, направленной на анализ радикализации «под прицелом алгоритмов», в настоящем параграфе мы фокусируемся на методологии **топологического моделирования сетей** как инструменте «картографии угроз». Этот подход позволяет визуализировать и анализировать скрытую структуру онлайн-радикализации, выявляя ключевые узлы (сообщества), паттерны связей между ними и тематические кластеры, формируемые на основе общности контента или аудитории. Цель – преодолеть ограничения статичного анализа и создать динамическую модель взаимосвязей радикальных и внешне нейтральных сообществ, что является критически важным для понимания механизмов распространения деструктивных нарративов.

Теоретико-методологическая база

Автоматизация исследований онлайн-радикализации с применением методов Data Science, включая сетевой анализ, относится к числу актуальных задач социологии и смежных дисциплин. В начале второго десятилетия XXI века исследователи начали применять методы интеллектуального анализа данных в предметной области исследований онлайн-радикализации, выявления цифровых следов в социальных сетях для обнаружения профилей радикально настроенных пользователей. Настоящим прорывом можно назвать топологическое моделирование трудноформализуемых объектов, каковым является феномен радикализации, с применением, наряду с Web Mining и AI, методов и технологий сетевой топологии [101, 152, 179, 180].

Социальная топология описывает процессы, образуемые взаимодействующими объектами в многомерном пространстве статистического распределения их свойств. Адаптация методов сетевой топологии (построение графов) для создания социально-топологической картины онлайн-радикализации приобретает ключевое значение. Хотя сетевой анализ в целом хорошо изучен и доказал эффективность в эмпирических исследованиях, применение именно топологического конструирования для моделирования индивидуальной и групповой радикализации, особенно в российском контексте, остается редким явлением. Наиболее перспективным считается смешанный (количественно-качественный) подход, где топологический метод служит количественным инструментом визуализации и

выявления структур. Топологическое моделирование позволяет формализовать и визуализировать **степень близости, влияния, посредничества между «топосами»** (общими темами, повесткой) и **связанность сетевых акторов** (сообществ, пользователей)⁷.

Методы и данные

Для моделирования сетевой топологии в социальной сети «ВКонтакте» было отобрано 160 внешне нерадикальных онлайн-сообществ, условно разделенных на три класса:

- 1) лидеры мнений;
- 2) волонтерские организации;
- 3) фанатские сообщества, включая фанатов популярной культуры (видеоигр, музыки, художественных и анимационных фильмов, спортивных команд и мероприятий)⁸.

Общая численность не уникальных подписчиков онлайн-сообществ по всей выборке составила 16 698 375 учетных записей⁹.

Сообщества лидеров мнений отбирались согласно рейтингу наиболее популярных блогеров, сформированному по данным «ВКонтакте» на дату начала исследования.

Сообщества волонтеров и фанатов были отобраны экспертным образом из поисковых результатов в социальной сети «ВКонтакте». При этом приоритетом для включения в итоговый список для анализа обладали сообщества с наибольшим количеством подписчиков при наличии актуальных на дату начала отбора публикаций и комментариев.

⁷ См. подробное описание в § 6.3, 6.4 С. 241–272; Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.] ; под общ. ред. Ю.А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород : «Эпицентр», 2022. 360 с.

⁸ Прим.: результаты исследования опубликованы, зарегистрирована база данных. Зубок Ю.А., Карпова А.Ю., Савельев А.О. Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения // Вестник института социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 13–42; Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621863, 29.07.2022. Заявка № 2022621760, от 20.07.2022 «Изучение радикализации в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи» / А.Д. Вильнин, Ю.А. Зубок, А.Ю. Карпова, С.А. Кузнецов, Н.Г. Максимова, А.О. Савельев, О.В. Сорокин.

⁹ Прим.: это часть данных исследования: Вильнин А.Д., Зубок Ю.А., Карпова А.Ю. [и др.]. Результаты социологического исследования «Изучение радикализации в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи»: Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621863 Российская Федерация. Заявка № 2022621760 от 20.07.2022, опублик. 29.07.2022. EDN: QUVKIA.

Нумерация сообществ на рисунках: «лидеры мнений» – сообщества 1–16, «волонтеры» – сообщества 17–71, «фанаты» – сообщества 72–160. Возрастные характеристики анализируемых сообществ лидеров мнений, волонтеров и фанатов представлены на рис. 15–17 соответственно.

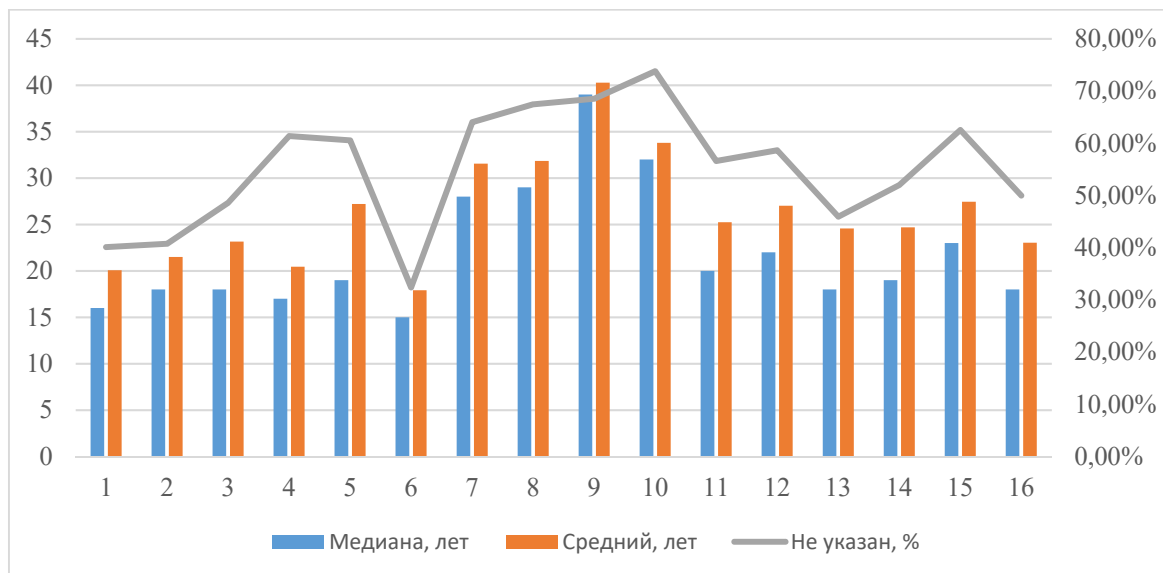

Рис. 15. Возраст подписчиков онлайн-сообществ «лидеры мнений»

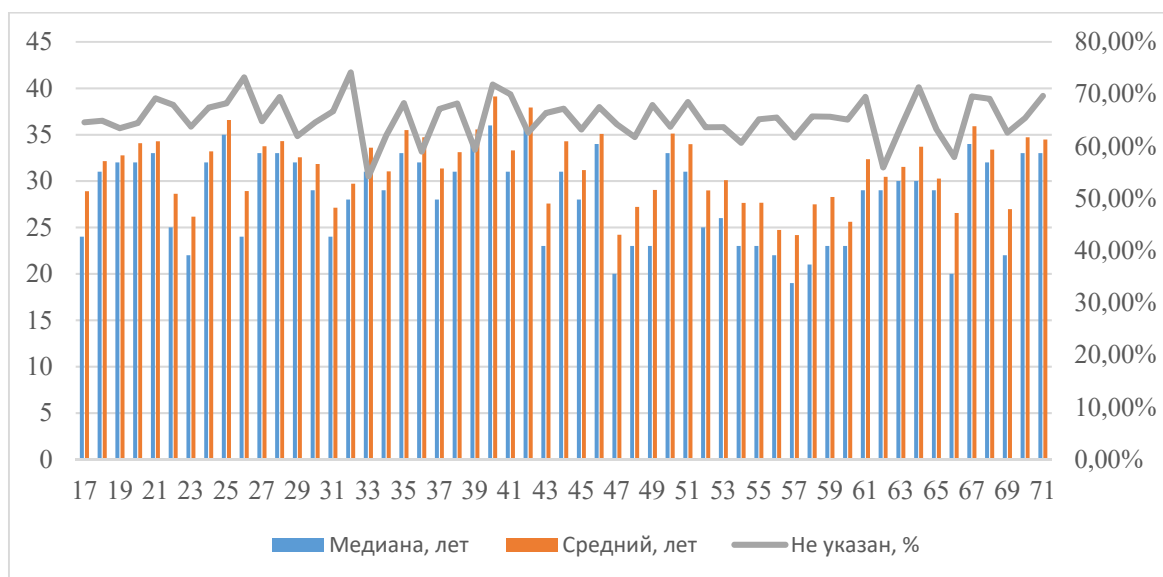

Рис. 16. Возраст подписчиков онлайн-сообществ «волонтеры»

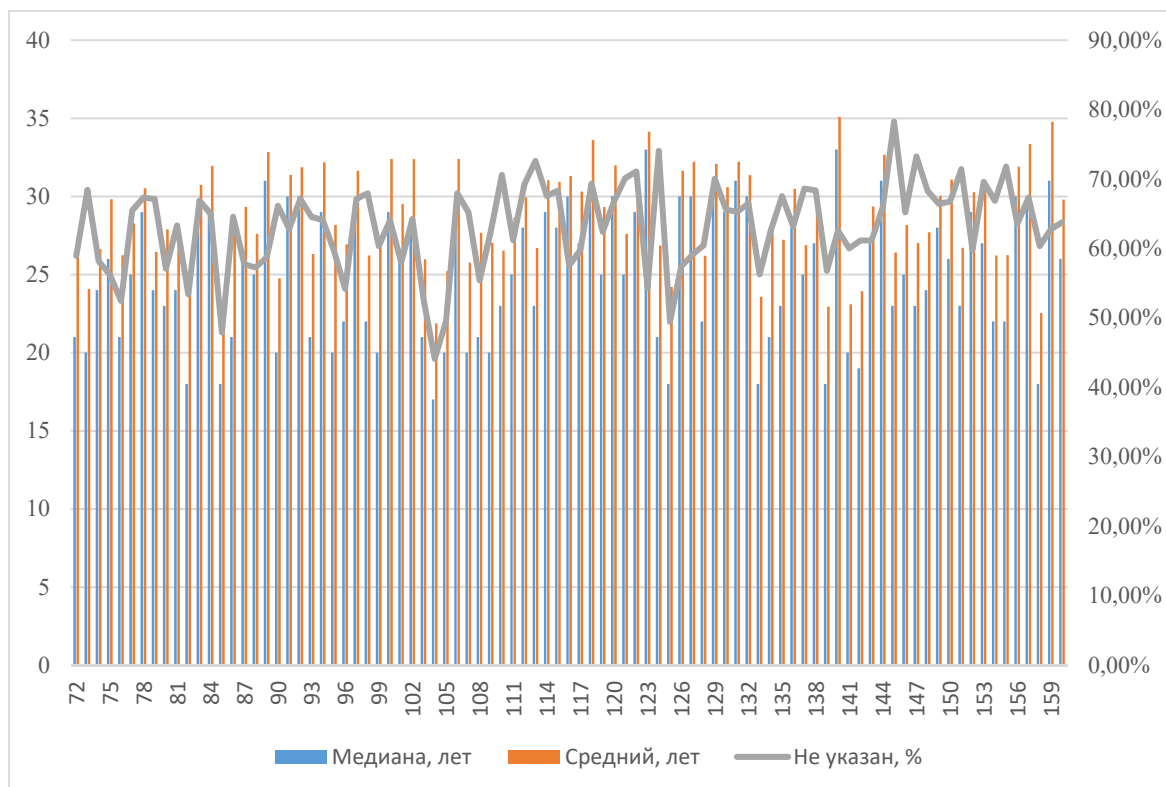

Рис. 17. Возраст подписчиков онлайн-сообществ «фанаты»

Возрастной диапазон подписчиков, указавших свой возраст, преимущественно составляет от 15 до 35 лет. В отдельных случаях он выходит за пределы молодежного возраста, превышая его верхнюю планку. Отметим, что возраст указывается подписчиками по их усмотрению и не является обязательным при регистрации. В равной мере он может быть вообще проигнорирован или сфальсифицирован. По всей выборке анализируемых сообществ возраст не указан у 63 % подписчиков, по классу «лидеры мнений» – у 55 %, в сообществе «волонтеров» – у 65 %, «фанатов» – у 63 %.

На рис. 18 представлено разделение по полу, также указываемому самим подписчиком. Нужно принять во внимание, что при регистрации учетной записи в социальной сети «ВКонтакте» по умолчанию пол определяется как «мужской» и трактуется как таковой, если целенаправленно не был изменен на «женский».

Таким образом, апеллировать к репрезентативности социальной сети нет никакой возможности, при этом достаточно свидетельств возрастного состава пользователей сети «ВКонтакте», согласно которым молодежь составляет наиболее представительную часть.

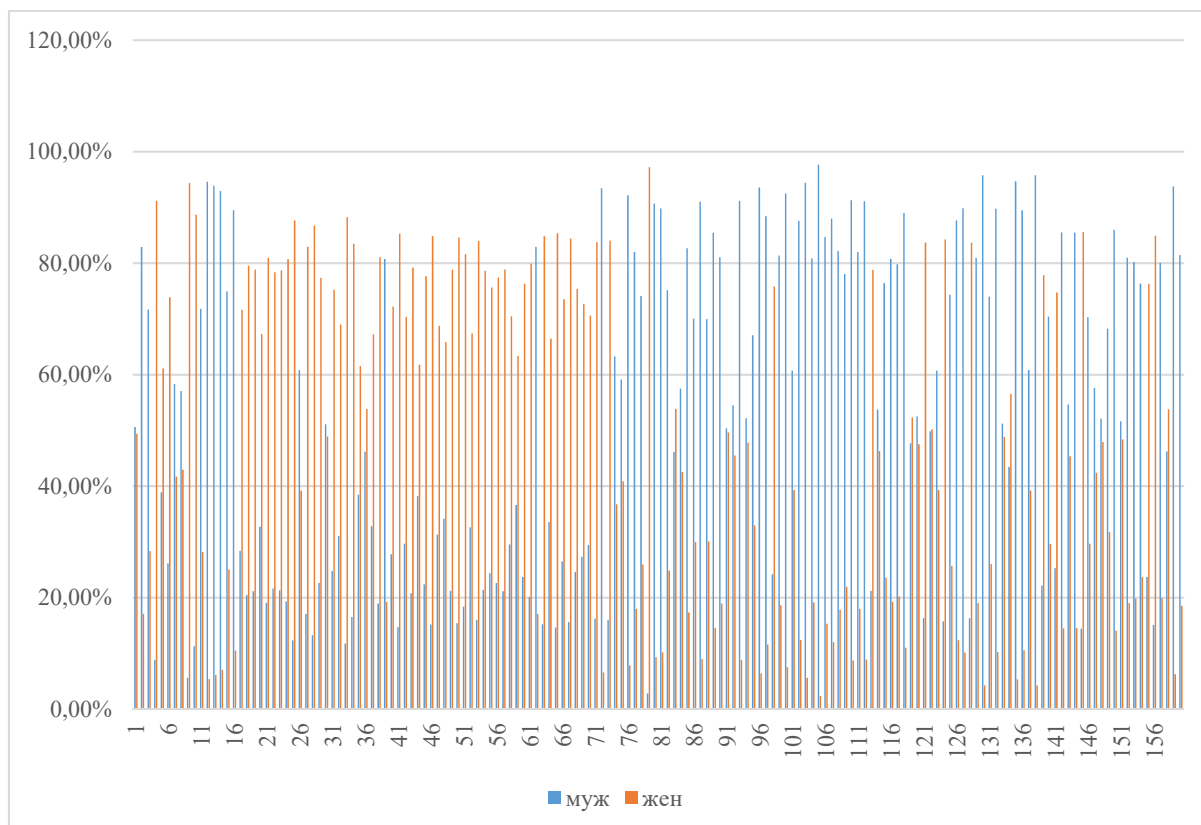

Рис. 18. Пол, указанный в учётных записях подписчиков анализируемых онлайн-сообществ

Среднее количество ежедневно публикуемых сообщений в онлайн-сообществах распределено следующим образом: «лидеры мнений» – 2,69; «волонтеры» – 5,94; «фанаты» – 2,17. Подробные данные о каждом проанализированном сообществе представлены в Базе данных¹⁰.

В качестве «точек угроз» использовались данные по 259 онлайн-сообществам с признаками радикализации, идентифицированных в рамках предыдущих исследований¹¹.

¹⁰ Вильнин А.Д., Зубок Ю.А., Карпова А.Ю. [и др.]. Результаты социологического исследования «Изучение радикализации в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи»: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621863 Российская Федерация. Заявка № 2022621760 от 20.07.2022, опублик. 29.07.2022. EDN: QUVKIA.

¹¹ Прим.: см. подробно результаты исследования: Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д. [и др.] Ультраправая радикализация: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5(102). С. 30–43. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-30-43; EDN: BEZTTC.

Описание процедуры исследования

Для каждого из сообществ был выявлен перечень из 29 наиболее значимых слов. Значимые слова определены на основе статистической меры $tf-idf$. Мера значимости слова («вес») пропорциональна частоте его употребления в корпусе текстов отдельного онлайн-сообщества и обратно пропорциональна частоте его употребления в корпусе русскоязычных текстов, включающем художественные произведения, новостные сообщения, открытые публикации в социальных медиа. Поиск и объединение слов-синонимов не выполнялись.

Результаты выявления значимых слов сгруппированы по классам рассматриваемых онлайн-сообществ и представлены в виде «облака слов» на рис. 19–21 по классам «лидеры мнений», «волонтеры» и «фанаты» соответственно. Наиболее частые значимые слова по каждому из классов начертаны шрифтом большего размера и помещены ближе к центру.

Рис. 19. Облако значимых слов онлайн-сообществ «лидеры мнений»

Отметим, что подобный метод выявления значимых слов чрезвычайно чувствителен к исходным данным. На примере рис. 20 видно, что значительную часть дискурса в сообществах «волонтеров» составляли обсуждения, связанные с объявлением «года волонтера». В смысловом поле дискурса фанатов предсказуемо расположились сюжеты, связанные с командами и проходящими состязаниями. А в среде лидеров мнения обсуждение строится вокруг масштаба и значимости их влияния. Как видно, ни одно из трех сообществ никак не демонстрирует признаков радикализации. Рассмотрим их более подробно в контексте взаимосвязей.

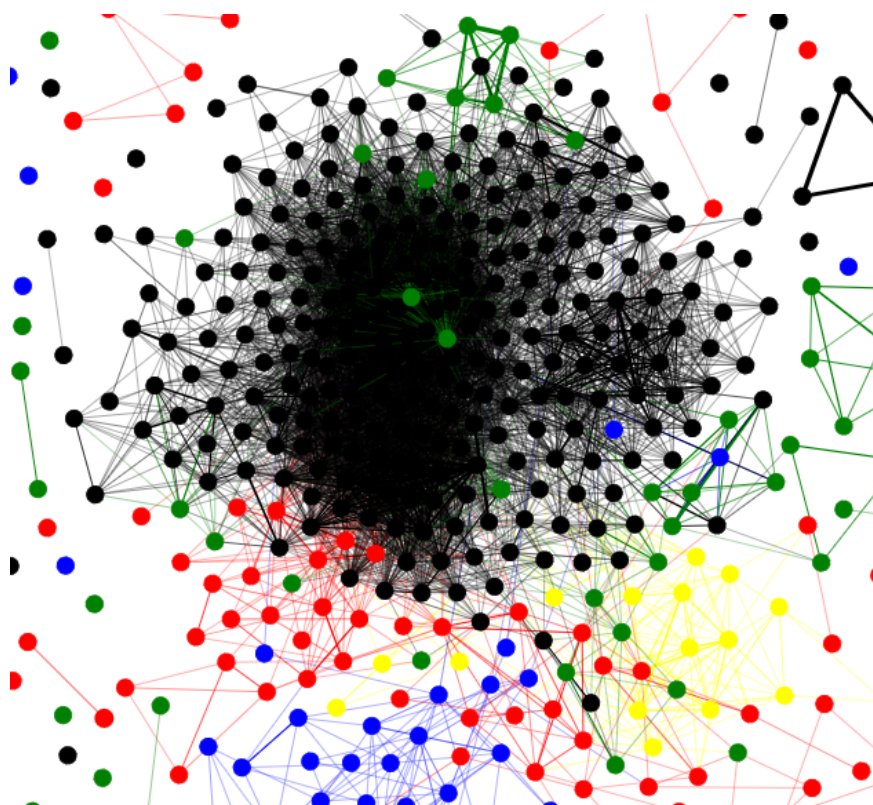
Для оценки наличия взаимосвязей между не радикальными онлайн-сообществами и онлайн-сообществами с признаками радикализации (259 активных на момент проведения исследования онлайн-сообществ) были сформированы соответствующие социальные графы.

Социальные графы построены по принципу общности подписчиков, сходства значимых слов по tf-idf, контекстного сходства на базе doc2vec модели [139], оценивающей каждое слово по окружающим его словам.

На рис. 22–24 представлены фрагменты графов «общие подписчики», «значимые слова», «контекстное сходство». Черным цветом обозначены онлайн-сообщества с признаками радикализации, желтым – сообщества «лидеры мнений», синим – «волонтеры», красным – «фанаты», зеленым – нейтральные сообщества различной тематической направленности (новостные, сообщества организаций, региональные).

Граф «общие подписчики» в основной своей части демонстрирует однородные, плотные, малосвязанные друг с другом кластеры онлайн-сообществ. Оценить степень влияния радикальных сообществ на не радикальные на основе данных только об общих подписчиках без дополнительного анализа размещаемого контента не представляется возможным.

Для построения графа «значимые слова» текстовое содержание каждого из рассмотренных онлайн-сообществ было векторизовано с целью количественной оценки сходства между текстами, циркулирующими в разных сообществах. Парно было рассчитано косинусное расстояние между полученными векторами онлайн-сообществ. Расстояние находится в пределах от 0 до 1, где 1 означает абсолютное совпадение векторов. Граф, представленный на рис. 9, получен путем отрисовки ребер между узлами-сообществами, если косинусное расстояние между ними больше или равно 0,6. Анализ графа показывает наличие устойчивых связей отдельных онлайн-сообществ «лидеров мнений», «волонтеров» и «фанатов» с онлайн-сообществами, имеющими признаки радикализации. С учетом особенностей описанной методики выявления значимых слов полученные данные можно интерпретировать как наличие пересекающейся повестки. При этом следует учесть, что сходство между узлами и наличие соответствующих связей может быть результатом одной из трех «сил» различной природы, описываемых в сетевом анализе: влияния (связанные узлы с течением времени становятся схожи), гомофилии (похожие узлы со временем устанавливают связи) и внешнего воздействия (например, общественно значимое событие является причиной временного совпадения тематической повестки узлов вне зависимости от наличия связей между ними). Эти «силы» определяют значение ассортативности сети – меры, отражающей тенденцию схожих узлов к объединению.

*Рис. 22. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ
«общие подписчики»*

Принцип построения графа «контекстное сходство» аналогичен способу построения предыдущего графа, за исключением использованного метода для векторизации текстового контента сообществ – doc2vec. В общем виде doc2vec оценивает сходство между словами по окружающему их контексту. То есть слова считаются «схожими», если их окружают одни и те же слова. Косинусное расстояние повторно использовано для оценки степени сходства онлайн-сообществ. Между узлами отрисована грань, если косинусное расстояние равно или превышает 0,6. Полученный таким образом граф (рис. 23) демонстрирует наличие явно выраженных тематических кластеров сообществ. Экспертиза результатов показала, что doc2vec позволяет выявлять наличие устойчивых, легко интерпретируемых связей между онлайн-сообществами, основанных на общих смыслах и тематических нарративах. Например, кластер А целиком состоит из онлайн-сообществ волонтеров-зоозащитников, включая сообщества приютов для животных. Кластер Б состоит из сообществ волонтеров медиков и региональных сообществ волонтеров. Кластер В включает исключительно сообщества футбольных фанатов, а кластер Г – музыкальных фанатов направления «к-рор». Это означает, что внутри названных кластеров контент не только однороден, но и полностью соответствует тематике этих сообществ.

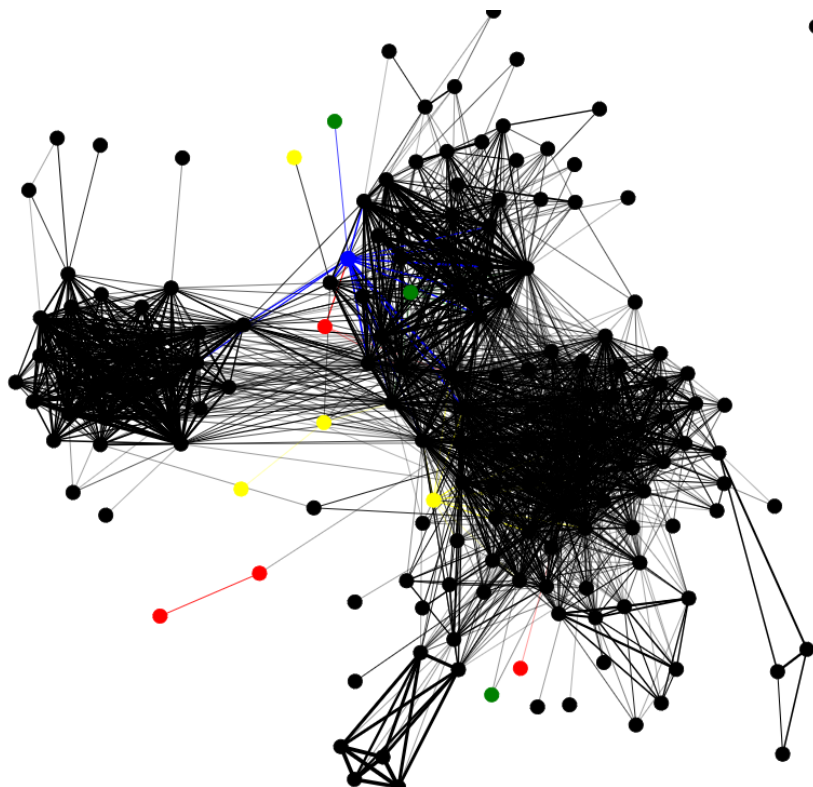

Рис. 23. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ
«значимые слова»

Наиболее разнородным оказался кластер Д, объединивший сообщества спортивных фанатов, АнтиФа, Alt-Right и националистические онлайн-сообщества. Попадание сюда же представителей нейтральных сообществ (цвет: зеленый) может быть результатом ошибки в работе метода doc2vec из-за малого количества представленного в них текстового контента.

Использование doc2vec как способа оценки сходства онлайн-сообществ показало наиболее релевантные задачам исследования результаты. Так, с помощью этого метода из неупорядоченного множества связей можно выделить тематические кластеры, раскрыть которые не удастся на основании данных об общих подписчиках. Причина в том, что разные сообщества могут иметь одинаковых подписчиков. Так, на социальном графе проявилось вкрапление нейтральных сообществ в «гнездо» радикальных, а радикальных – в сеть тематических, не радикальных (лидеров мнений, волонтеров, фанатов) (см. рис. 22). Поэтому **метод анализа сообществ по подписчикам не может быть признан валидным для практического применения в исследованиях онлайн-радикализации**, исключая частные случаи задач моделирования информационной диффузии.

Doc2vec также может быть применим для автоматизированной классификации онлайн-сообществ. Однако из-за нейросетевой природы метода и необходимости обучения модели на исходном корпусе текстов

данный подход является наиболее ресурсоёмким с точки зрения вычислительных мощностей. Сложность экспоненциально возрастает по мере включения в выборку новых онлайн-сообществ.

Также следует учитывать, что наличие связей между онлайн-сообществами, выявленными на основе «значимых слов» и «контекстного сходства», **следует интерпретировать именно как сходство, а в отдельных случаях как значительную общность дискурса, но не как фактическое взаимопроникновение на уровне активности отдельных пользователей.** Однако общность дискурса, в свою очередь, практически может послужить основой «проникновения» радикальных нарративов.

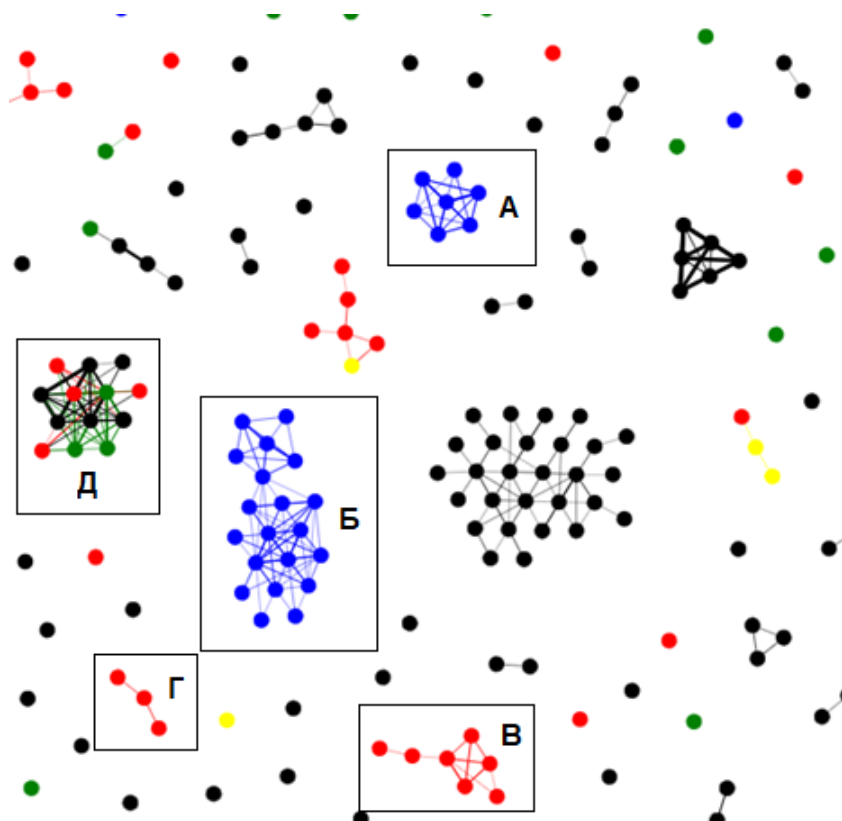

Рис. 24. Фрагмент социального графа онлайн-сообществ
«контекстное сходство»

Результаты и анализ

Резюмируя итоги исследования, акцентируем ключевое достижение: сопоставление трех принципиально различных подходов к построению социальных графов, отражающих разные аспекты потенциальных связей между сообществами:

1. **На основе общих подписчиков.** Граф основан на пересечении аудиторий как индикаторе потенциального влияния. Выявляет структурные связи через совпадение аудитории.

2. **На основе значимых слов (tf-idf).** Граф позволяет продемонстрировать тематическую близость сообществ через векторизацию контента и косинусную меру (порог ≥ 0.6), сигнализируя о совпадении ключевых тем. Выявляет тематическое сходство, указывает на пересекающуюся повестку.

3. **На основе контекстного сходства (doc2vec).** Граф отражает семантическую близость контента (косинусное расстояние ≥ 0.6), выявляя общность смыслов. Позволяет оценивать смысловую схожесть, выявляя общие нарративы и дискурсивные паттерны.

Текстовый контент сообществ обрабатывался для выявления значимых слов (tf-idf) и векторизации (doc2vec). Социальные графы визуализировали связи между сообществами всех типов (радикальные, нерадикальные, нейтральные).

Граф «Общие подписчики» показал преимущественно однородные, плотные и слабо связанные между собой кластеры сообществ. Установить значимое влияние радикальных сообществ на нерадикальные *только* на основе общих подписчиков без анализа контента оказалось невозможным. Метод выявил вкрапления нейтральных сообществ в радикальные кластеры и наоборот, но интерпретация этих связей как прямой радикализации проблематична.

Граф «Значимые слова» (tf-idf) выявил устойчивые связи между отдельными сообществами классов «лидеры мнений», «волонтеры», «фанаты» и радикальными сообществами. Это интерпретируется как наличие **пересекающейся тематической повестки**. Важно учитывать, что сходство могло возникнуть из-за взаимного влияния, гомофилии (сходство притягивает) или внешнего события, вызвавшего временную общность дискурса.

Граф «Контекстное сходство» (doc2vec) продемонстрировал наиболее четкую и интерпретируемую картину, выявив **явные тематические кластеры**.

Ключевой вывод: анализ только по подписчикам оказался невалидным для выявления смысловых связей радикализации. Doc2vec показал наивысшую релевантность, позволив выявить тематические кластеры, включая смешанный кластер Д, где радикальные нарративы потенциально взаимодействуют с контентом спортивных фанатов. Однако наличие связей по tf-idf и doc2vec следует интерпретировать **прежде всего, как сходство дискурса или смысловую общность**, а не как прямое взаимодействие пользователей или доказательство взаимопроникновения. Тем не менее именно эта **общность дискурса создает основу для потенциального «проникновения» радикальных идей**.

Проведенное топологическое моделирование радикальных сетей подтвердило свою ценность как инструмент «картографии угроз» в рамках исследования онлайн-радикализации. Комбинация методов, особенно tf-idf и doc2vec, позволила преодолеть ограничения анализа по подписчикам и выявить скрытые структурные паттерны: тематические кластеры и общность дискурса между внешне разрозненными сообществами, включая точки пересечения нерадикальных и радикальных пространств. Полученные социальные графы предоставляют визуальную и аналитическую основу для понимания ассортативности сети – тенденции схожих по контенту сообществ к формированию связей, что имеет прямое значение для разработки превентивных мер. Однако важно учитывать методологические ограничения: ресурсоемкость doc2vec, сложность интерпретации природы выявленных связей (влияние, гомофилия, внешнее событие), а также принципиальную невозможность абсолютной верификации связей на уровне отдельных пользователей на основе лишь открытых данных. Несмотря на эти ограничения, топологическое моделирование доказало свою эффективность как «алгоритмический прицел», позволяющий выявить и визуализировать скрытую архитектуру угроз в процессе онлайн-радикализации, смещая фокус с поверхностных связей на глубинные смысловые и структурные взаимосвязи. Это подчеркивает необходимость сочетания количественных топологических методов с качественным анализом и экспертной интерпретацией для адекватного понимания сложной динамики радикализации в цифровой среде.

3.2. Концептуальные координаты: навигация по онтологии онлайн-радикализации

В рамках исследовательской парадигмы главы 3, направленной на анализ радикализации «под прицелом алгоритмов», в настоящем параграфе фокус внимания направлен на разработку **онтологии** как системы «концептуальных координат» для навигации по сложному пространству онлайн-радикализации. Онтология формализует ключевые понятия, их свойства и взаимосвязи в данной предметной области, обеспечивая необходимую семантическую основу для автоматизации сбора, анализа данных и выявления индикаторов радикального контента и поведения. Цель – преодолеть разрыв между экспертной оценкой и алгоритмической обработкой, создав структурированное знание для эффективного «прицеливания» алгоритмов на выявление угроз.

Проблематика и роль онтологий

При анализе онлайн-радикализации исследователи часто сталкиваются с проблемой трудноформализуемых объектов исследования. Традиционные методы Data Science (AI, Web Mining) требуют глубокого понимания предметной области для корректной интерпретации данных, выбора алгоритмов и оценки результатов. Однако ручной экспертный анализ масштабных данных соцсетей трудоемкий, а эксперты подвержены «выгоранию» (экспертное выгорание становится повсеместной проблемой) [141]. Решением является формализация экспертных знаний через **предметную онтологию** – формальное описание понятий (классов), их свойств, отношений и правил в области радикализации.

В контексте исследований радикализации выделяют несколько видов онтологий.

Низкоуровневые онтологии. Формализуют базовые концепции и сущности (например, пользователь, пост, сообщество, термин). Пример: концепции террористической радикализации использованы в создании онтологии терроризма «Terrorist-Personality» [181].

Высокоуровневые онтологии. Формализуют индикаторы, показатели и сложные конструкты радикализации. Пример: онтология радикализации (OFEDR), основанная на применении семантического подхода к поиску индикаторов радикализации в социальных сетях и включающая низкоуровневую и высокоуровневую онтологии [111].

Анализ современных исследований подтверждает растущую роль онтологий в автоматизированных системах анализа социальных сетей для выявления радикализации. Ключевые преимущества их использования:

- Систематизация знаний – упорядочивание разрозненных экспертных концепций и данных.
- Семантическая интероперабельность – обеспечение согласованной интерпретации данных разными системами.
- Автоматизация выявления индикаторов – реализация формальных правил для алгоритмического обнаружения маркеров радикализации.
- Повышение точности прогнозирования – улучшение классификации и измерения рисков за счет структурированной таксономии.

Онлайн-радикализация, как процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнения в онлайн к совершению насильственных действий в офлайн-пространстве, рассматривается как процесс социальной и психологической трансформации, в котором человек принимает экстремистскую систему убеждений, независимо от того, приводит она в конечном счете к фактическому насилию или нет. Индивидуальные траектории онлайн-радикализации варьируются от человека к человеку, связаны

с конкретными технологиями вовлечения в радикальные сообщества, имеют динамический характер развития демонстративной, конфронтационной и насильственной тактики¹².

Сочетание трех основных факторов играет значимую роль в процессе онлайн-радикализации:

1. Социальный и политический контекст, который способствует формированию условий для радикализации.
2. Факторы группового уровня, такие как ресурсы, сеть и связь.
3. Факторы индивидуального уровня. Мотивация и психологический профиль человека, психосоциальные или эмоциональные факторы, которые объясняют, почему и когда он готов принять участие в коллективных действиях.

Экспертным методом мы выделили две группы индикаторов, характеризующих процесс онлайн-радикализации в социальных медиа.

Первая группа. Индикаторы, связанные с содержанием текстов, основанные на обнаружении когнитивного компонента: восприятие (например, дискриминации: расовой, религиозной, политической, гендерной и т. п.); негативные идеи (например, ультраправых или скулшутеров); фрустрация и негативные чувства (например, ощущение относительной депривации, отчуждения или социальной изоляции, презрение, чувство незащищенности); интроверсия (фокус на внутреннюю психическую активность); позитивные идеи радикальной идеологии (например, принятие идеи о том, что только в данной идеологии решается проблема несправедливости существующего порядка вещей).

Вторая группа. Индикаторы, связанные со стилем текстов, основанные на обнаружении поведенческих компонентов. Индикатор *концентрация*: сочувствие, поддержка радикальных взглядов, убеждений. Отличительные маркеры: растущая персеверация, все более негативные оценки объекта, на котором концентрируется внимание, все более резкие мнения и гневные эмоциональные отклики. Индикатор *идентификация*: оправдание радикальной идеологии, взглядов, убеждений, ценностей. Отличительные маркеры: идентификация с радикальными действиями (представление себя «героем» или «воином»), идентификация с образцом для подражания, отождествление со своими идеологическими «союзниками» (по принципу «мы против них»). Индикатор *замысел*: принятие на себя морального обязательства выступить в защиту радикальной группы/сообщества/движения. Отличительные маркеры: заявление о намерении причинить вред определенной цели, планирование/исследование или реализация задуманного. Намерение может быть конкретным и

¹² Прим.: см. подробное описание интерпретации понятия в параграфе 1.1 главы 1.

явным, может быть размытым и четко не определяемым, но в том и другом случае прослеживается умысел. Умысел также влечет за собой озабоченность целью.

Для эффективной операционализации процесса онлайн-радикализации в рамках онтологического подхода требуется четкое определение измеримых индикаторов, что и реализовано в социально-топологической модели (СТМ).

Социально-топологическая модель (СТМ)

Высокоуровневую онтологию онлайн-радикализации, мы представляем в виде социально-топологической модели (СТМ). Эта модель формализует процесс онлайн-радикализации как стохастический, ведущий от вовлечения в экстремистские убеждения к потенциальному насилию в офлайн-пространстве.

СТМ интегрирует два ключевых компонента.

Когнитивный компонент. Формализует процесс усиливающейся поддержки идей, противоречащих фундаментальным общественным ценностям (например, демократия, верховенство права). Это процесс, при котором человек все больше поддерживает идеи, убеждения и ценности противодействия/противостояния фундаментальным ценностям и нормам общества. В целом это социальный и психологический процесс постепенно переживаемой приверженности экстремистским идеологиям.

Поведенческий компонент. Формализует процесс участия в экстремальной деятельности (насильственной/ненасильственной, законной/незаконной), интерпретируемый как коллективно определяемое, индивидуально ощущаемое и принимаемое моральное обязательство действовать в защиту группы/движения.

Ключевые индикаторы в СТМ и их вычисление

Операционализация процесса онлайн-радикализации в рамках социально-топологической модели (СТМ) осуществляется через три ключевых измеримых поведенческих индикатора.

Концентрация. Проявляется в смещении активности (лайки, репосты, комментарии) и внимания пользователя на контент, связанный с радикальными платформами. *Вычисляется:* через анализ паттернов взаимодействия пользователя с контентом разных типов, т. е. с помощью измеримых критериев, таких как лайки, репосты и т. д., смещение внимания на «целевой» (т. е. относящийся к ультрарадикальной платформе) контент, может трактоваться как наличие индикатора «концентрация».

Идентификация. *Выражается* в символическом отождествлении пользователя с радикальной группой, идеологией или фигурами через

статические атрибуты профиля (имя, никнейм, аватар, подпись) с идеологической символикой (например, имя «Эрик Харрис», образы «героев»); *использование специфической лексики*, слоганов. Использование никнейма, подписи под сообщениями, изображение героизированных фигур вдохновляет членов сообщества, вызывает идеологические чувства, обеспечивая других пользователей форума знанием их убеждений независимо от содержания поста, и в значительной степени является предупреждающим знаком. Хотя пользователи форума не могут открыто или часто использовать идеологический язык своего сообщества, идеологически связанные имена пользователей, подписи и изображения появляются в тексте для надежной идентификации с радикальным сообществом [182, 183]. *Вычисляется:* через сопоставление атрибутов профиля и текстов с экспертным словарем радикальных маркеров, расширенным перечнем семантически близких слов (например, с помощью word2vec).

Замысел. *Проявляется* в высказываниях, содержащих описание конкретной цели/объекта для потенциального действия; упоминание инструментов/методов насилия (виды оружия); заявления о намерении причинить вред. *Вычисляется:* через поиск в текстах пользователя паттернов, соответствующих описанию замысла, с использованием NLP-методов на основе формализованных правил и словарей.

Значимость индикаторов определяется на основе анализа текстового контента с использованием меры TF-IDF. Для каждого индикатора формируется словарь ключевых слов и фраз (низкоуровневая онтология), предоставленных экспертами (социологами, психологами, криминологами) и расширенных семантически. Вес (*weight_abs*) ключевого слова для индикатора в корпусе текстов сообщества или пользователя вычисляется как усредненное значение TF-IDF этого слова по всем постам, где оно встречается.

Схема СТМ состоит из четырех основных модулей. Модель описывает 4 обобщенные группы объектов:

I – сущности социальных медиа (учетная запись, пост и сообщество);

II – индикаторы радикализации, связанные со стилем текстов, основанные на обнаружении поведенческого компонента;

III – маркеры радикализации, выраженные как в виде процессов (например, «миграция внимания»), так и в виде статических атрибутов объектов (например, «лайк») или их частей (например, «цель (объект)»), выраженные через «ключевое слово», являющееся частью текстового статического атрибута);

IV – инструменты для сбора и обработки данных, для выявления маркеров.

На рис. 25 приведена визуализация модели.

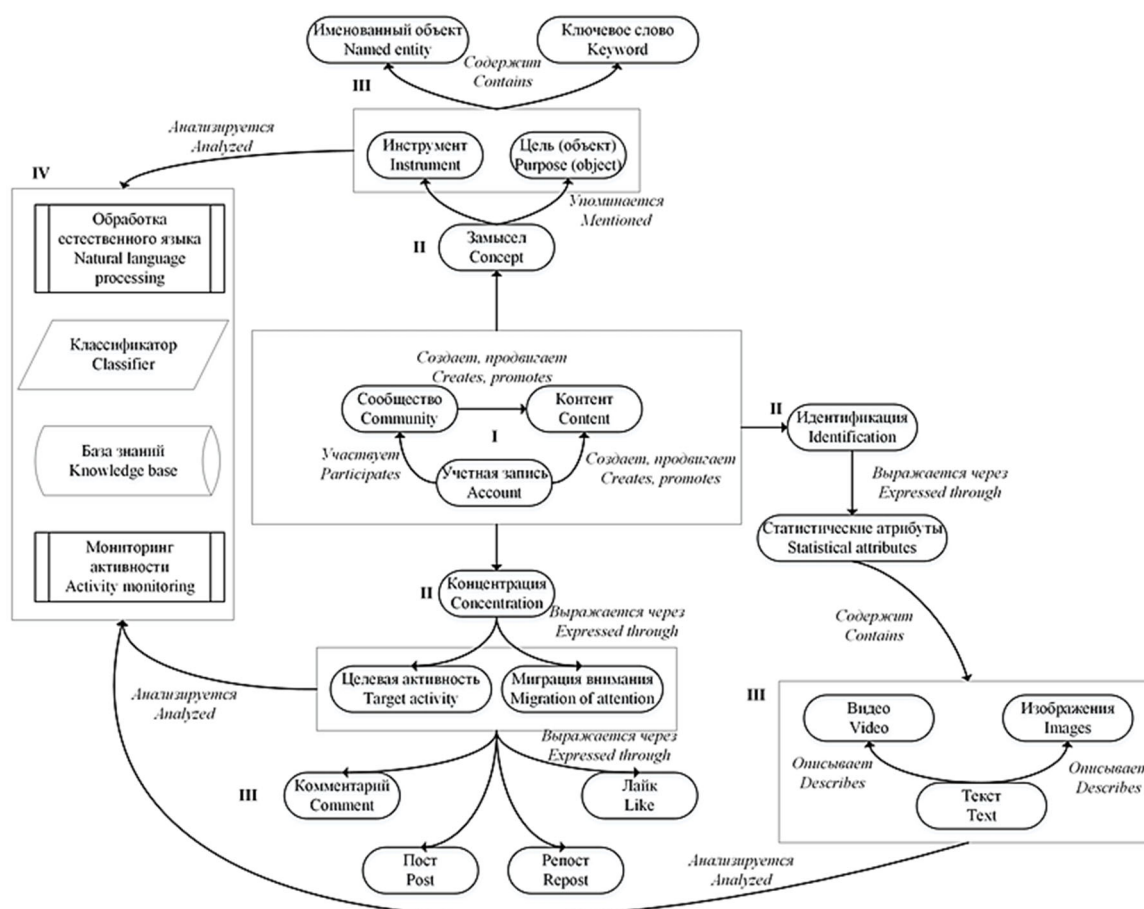

Рис. 25. Высокоуровневая онтология онлайн-радикализации: социально-топологическая модель стохастического процесса онлайн-радикализации

Разработанная высокоуровневая онтология онлайн-радикализации, реализованная в форме социально-топологической модели (СТМ), предоставляет необходимый концептуальный каркас для системного анализа этого сложного феномена в рамках «прицела алгоритмов». Она формализует ключевые компоненты процесса (когнитивный, поведенческий), факторы влияния и, что наиболее важно для автоматизации, операционализирует измеримые индикаторы радикализации (концентрация, идентификация, замысел). Использование семантических технологий (word2vec) для расширения экспертных словарей и статистических методов (TF-IDF) для оценки значимости маркеров позволяет эффективно выявлять паттерны радикального контента и поведения в масштабах больших данных. Хотя эффективность алгоритмов напрямую зависит от качества формализованных экспертных знаний и компетенций исследователя в области Data Science, предложенная онтология существенно снижает барьер для автоматизации

анализа, обеспечивая семантически обоснованную «навигацию» по данным социальных сетей. Это позволяет не только идентифицировать уже радикализированных пользователей, но и выявлять уязвимых лиц и оценивать уровень рисков, закладывая основу для превентивных мер и углубляя понимание траекторий онлайн-радикализации как стохастического социально-психологического процесса.

3.3. Идеологические ландшафты: выявление кластеров радикализации через контент и связи

В развитие методологических подходов к созданию онтологии онлайн-радикализации, представленных в предыдущем разделе, в данном параграфе мы фокусируемся на практических инструментах и результатах эмпирических исследований по выявлению кластеров радикализации, в первую очередь в среде ультраправых сообществ. Основное внимание уделяется двум взаимодополняющим автоматизированным подходам к картированию их идеологического ландшафта: анализу сетевых пересечений пользователей и анализу семантического контента.

Пример 1. Картирование связей с помощью парсеров (сетевой подход) [184]

Экспоненциальный рост использования Интернета экстремистскими сообществами создает угрозу масштабируемой онлайн-радикализации, чему способствует нерегулируемая природа интернет-коммуникации. Эти сообщества транслируют деструктивные идеи, занимаются направленным таргетингом и рекрутингом новых участников [185, 186]. Анализ современных исследований позволяет сделать вывод о том, что инструменты вовлечения наиболее эффективны в начале экстремистской деятельности, в фазах радикализации и рекрутинга [187]¹³. Экстремистские организации занимаются направленным таргетингом, рекрутируя новых участников на социальных сайтах и радикализированных веб-форумах, в том числе в рамках отдельных сообществ [188]. Методы автоматизированного обнаружения ультрарадикальных сообществ и перекрестных связей между ними будут полезны для предварительной проверки текстовых документов, уменьшая нагрузку на аналитиков в сфере безопасности при поиске «цифровых следов» радикалов [189].

Для автоматизированного обнаружения перекрестных связей пользователей ультрарадикальных сообществ предлагается использование одного из самых доступных и простых методов парсеров – сервисов, из-

¹³ Torok R: Developing an explanatory model for the process of online radicalization and terrorism. Security Informatics 2013, 2(1):1–10. DOI: 10.1186/2190-8532-2-1.

начально разработанных для анализа целевой аудитории в интернет-коммерции. Эти сервисы позволяют находить сообщества с аналогичной аудиторией, отображать пересечения подписчиков (в абсолютных величинах и процентах), формировать списки пользователей, состоящих в нескольких целевых сообществах, выявлять лидеров мнений и проводить параметризованный поиск (по ключевым словам, активности и т. д.).

Был сформулирован исследовательский вопрос: каким образом можно в оперативном режиме проводить мониторинг радикализации студентов, не обладая собственной инфраструктурой мониторинга социальных сетей?

На первом этапе был проведён анализ работы 13 общедоступных парсеров для социальной сети «ВКонтакте»: «Гамаюн», CleverTarget, ТаргетоLOG, MarkFinder, BorstchПетаргет, «Лимботаргет», «Барков», PepperNinja, RetargetSexy, SegmentoTarget, TargetHunter 3.0, «ЦереброТаргет», Starcomment.

Специфика работы указанных парсеров:

- наличие возможности поиска сообществ с аналогичной целевому сообществу аудиторией;
- количество подписчиков и количество пересечений с исходным сообществом социальной сети отображается в абсолютных величинах и процентном соотношении;
- наличие возможности формирования целевой аудитории (список пользователей, состоящих в трех и более целевых сообществах);
- определение лидеров мнений в рамках целевых сообществ – пользователей, обладающих наибольшим количеством подписчиков;
- наличие возможности параметризованного поиска целевой аудитории по ключевым словам, участников нескольких аналогичных сообществ, активных по отдельным постам и т. д.;
- привязка геолокационных данных основана на многоступенчатой оценке данных из разных источников, а не только информации из профиля пользователя;
- категория интересов в профиле пользователя – парсер формируется механизмами социальной сети (на основе того, куда пользователь заходит, что кликает и т. д.);
- на втором этапе на основе данных социальной сети «ВКонтакте» был проведен эксперимент по выявлению перекрестных связей между ультраправыми (РС) и студенческими (СС) сообществами. Экспертом были выбраны 30 наиболее активных радикальных ультраправых сообщества и 2 крупных студенческих сообщества: СС № 1 – 22000 подписчиков, СС № 2 – 1600 подписчиков, наиболее полно представляющих студенческую аудиторию университета. По этическим соображениям

радикальные и студенческие сообщества обозначены как РС и СС соответственно. Использовались парсеры (Барков, Pepper.ninja, Target Hunter). Фильтрация ботов предусматривается средствами парсингового сервиса.

С помощью парсинговых сервисов выявлены пересечения между сообществами по подкатегориям:

- поиск пересечений всех ультраправых групп (выбранных для эксперимента) с отдельно взятым студенческим сообществом;
- поиск пересечения выявленных участников ультраправых сообществ со студенческими.

Обобщенная схема автоматизированного обнаружения перекрестных связей сообществ социальной сети приведена на рис. 26.

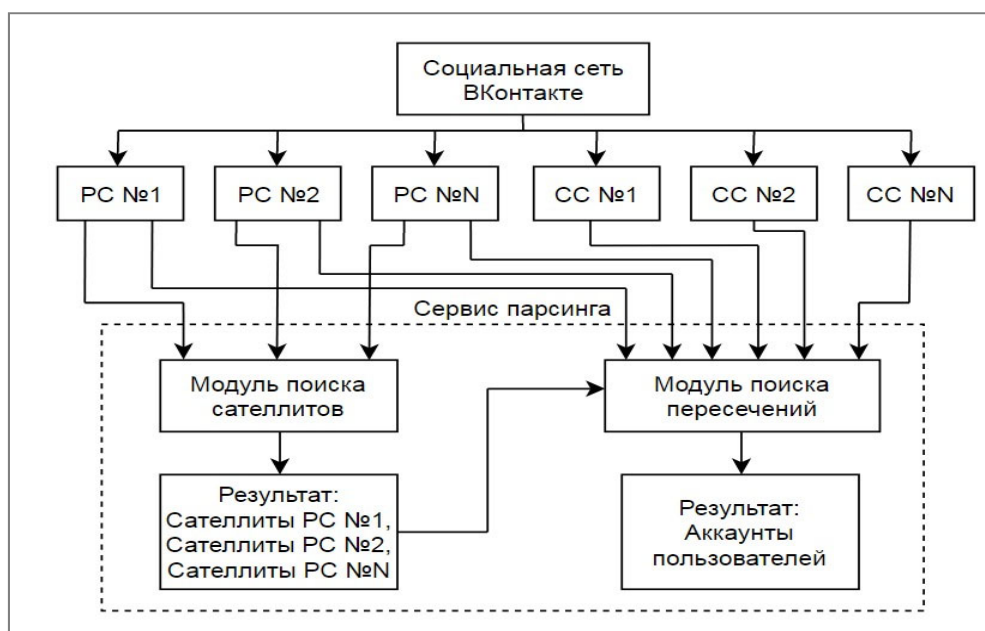

Рис. 26. Обобщенная схема автоматизированного обнаружения перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ социальной сети

На третьем этапе работы были сегментированы выявленные перекрестные связи и проведено аналогичное тестирование через другие парсеры для сравнения результатов.

Этапы сегментирования и перекрестной проверки (статистики, основанной на агрегированных результатах).

Последовательность поиска и обнаружения перекрестных связей:

1. Через сервис «Барков» в разделе «Состоящие в нескольких группах» вводится группа СС № 1 и все выбранные ультраправые группы. Задаётся значение параметра «состоящих не менее, чем в N сообществах одновременно», равное 2.

2. Предыдущую операцию продолжаем для разных количеств сообществ, увеличивая каждый раз на одно и записываем каждый результат в отдельный файл.

3. Далее с помощью инструментов сервиса TargetHunter путем парного сравнения аудиторий студенческих сообществ и сообществ с признаками ультраправой радикализации было выявлено множество общих подписчиков.

4. Так как сервис «Барков» позволяет искать пересечения пользователей, состоящих в количестве сообществ «не менее чем», необходимо обработать полученный результат, убрав пользователей, находящихся в одновременно разных пересечениях. Правильный результат у большего количества пересечений.

5. Предыдущие операции повторяем для сообщества СС № 2.

6. Повторяем те же операции в другом парсинговом сервисе. Сравниваем результат. По итогам тестирования обнаруживаем набор данных со значительной точностью.

По представленному алгоритму были найдены пользователи, состоящие в радикальных ультраправых сообществах. Также были найдены пользователи, состоящие одновременно в нескольких радикальных ультраправых сообществах. Визуализация полученных результатов приведена на рис. 27.

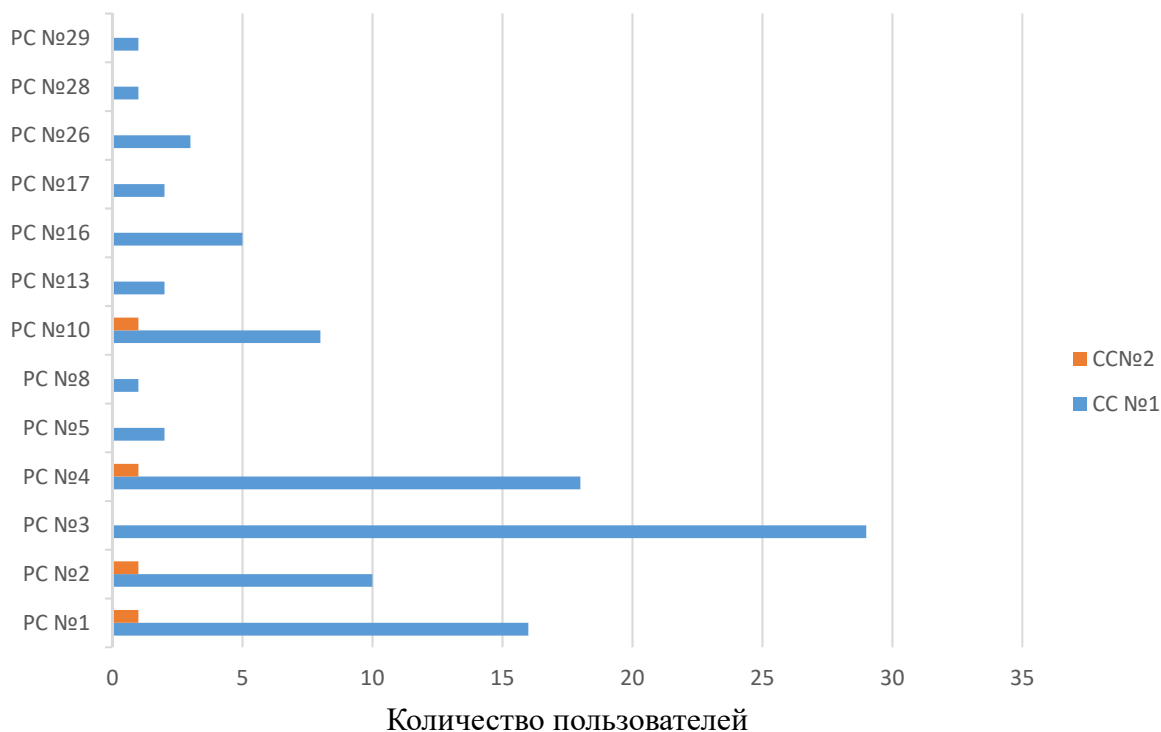

Рис. 27. Гистограмма пересечения сообществ СС и РС

Для радикальных ультраправых сообществ, которые не указаны на рис. 27, пересечения не обнаружены. Также были найдены пользователи, состоящие одновременно в нескольких радикальных ультраправых сообществах. Результаты показаны на рис. 28.

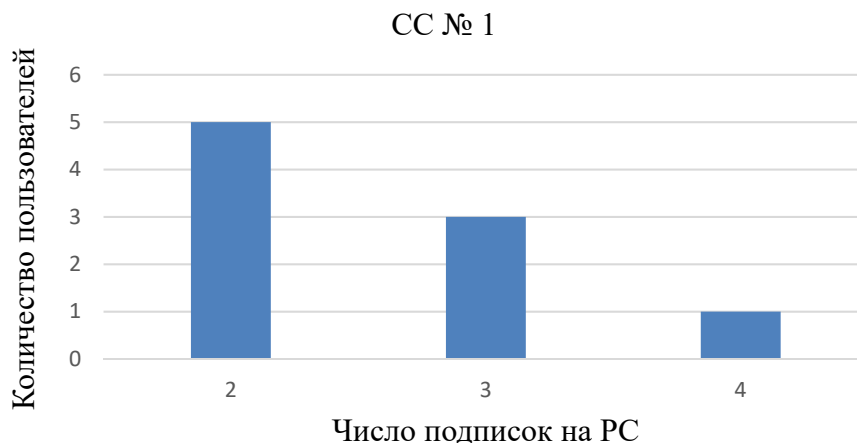

Рис. 28. Гистограмма одновременного нахождения пользователей в разных РС

На рис. 28 отображена информация о пользователях, находящихся одновременно в двух и более радикальных ультраправых сообществах. В сообществе СС № 2 пользователей, состоящих в более чем 1 РС, на момент проведения исследования не выявлено.

Результаты (визуализированные гистограммами) подтвердили, что автоматизированное обнаружение таких перекрестных связей в среде ультраправых достижимо. Подход с применением парсинговых сервисов расширяет возможности исследователей, не имеющих собственной инфраструктуры мониторинга и анализа социальных сетей с целью изучения процесса радикализации. Однако выявились ограничения:

- 1) результаты разных парсеров неидентичны (из-за скрытой логики их работы);
- 2) существующие решения могут быть использованы в качестве инструментов выявления целевых сообществ в социальных сетях, но предоставляемые ими функции не являются достаточными при решении задач выявления деструктивных идеологических платформ и могут применяться лишь на начальных этапах исследования идеологического ландшафта.

Пример 2. Анализ контента и аудитории внутри ультраправого спектра (смешанный подход) [190]

Цель — установление наличия связей между сообществами социальной сети, относящихся к различным идеологическим платформам, и оценка силы связей между ними. Задача: экспериментальная проверка

гипотезы о том, что радикальные онлайн-сообщества замкнуты в «эхо-камерах», которые усиливают сообщения внутри сообществ и подавляют любое внешнее влияние. Это проявляется отсутствием значимого количества общих тем и подписчиков.

Методика исследования описывается следующей последовательностью действий.

1-й этап: экспертный отбор ультрарадикальных онлайн-сообществ социальной сети, принадлежащих различным идеологическим платформам.

2-й этап: автоматизированная оценка значимости используемых в постах сообществ слов:

2.1. Автоматизированное извлечение информации о 100 последних опубликованных постах.

2.2. Формирование единого корпуса текстов радикальных онлайн-сообществ и их предварительная обработка (нормализация слов, удаление знаков препинания, удаление стоп-слов).

2.3. Оценка значимости каждого слова отдельного поста на основе статистической меры TF-IDF.

2.4. Формирование перечня наиболее значимых слов для каждой радикальной идеологической платформы.

3-й этап: поиск пересекающихся значимых для различных идеологических платформ слов (для оценки сходства обсуждаемых тем).

4-й этап: автоматизированный поиск пересечений аудитории радикальных онлайн-сообществ:

4.1. Извлечение информации о подписках каждого сообщества.

4.2. Поиск пересечений уникальных подписчиков.

4.3. Обобщение и оценка уровня пересечений.

5-й этап: интерпретация полученных результатов.

Первый этап. Экспертом были отобраны 32 сообщества социальной сети «ВКонтакте», относящихся к четырем различным классам: Alt-right, MGTOW (men going their own way), АнтиФа и анархисты.

Для ультрарадикальных сообществ разных классов, взятых для эксперимента, роль идеологии является решающей, поскольку позволяет оправдать даже насильственные действия в более широкой системе ценностей (даже девиантных). Сообщества хотя и отличаются по многим параметрам, разделяют, продвигают и оправдывают применение насилия как средство достижения цели. Проявление вражды и ненависти в отношении какой-либо группы лиц, объединенных по признаку пола, расы, религии, идеологии, принадлежности к какой-либо социальной, профессиональной, возрастной, гендерной или иной группе ультрарадикальных сообществ.

Доминирующие принципы, определяющие групповую организацию

Сообщества Alt-right базируются на продвижении идеи превосходства белой расы (White Power) и ведения «священной расовой войны» (RaHoWa). Alt-right как движение берет свое начало с Ричарда Спенсера, известного белого националиста, который придумал сам термин и ставил своей целью собрать как можно более широкую группу «расистских реалистов» [14]. Сторонники движения опираются на принципы супрематизма, нативизма и сегрегации. Проявление вражды и ненависти у этих сообществ направлено на иммигрантов и мусульман. Сообщества этого толка распространяют идеи об имеющем место геноциде белого населения, а также обращаются с призывами к организованному сопротивлению. Что отличает Alt-right от других ультраправых субкультур и движений, так это то, что это почти исключительно онлайн-феномен.

Сообщества MGTOW в самом общем смысле объединяет идея «враждебного сексизма» – мужчины считают, что им угрожают женщины, даже если угрозы в основном косвенные и политические, а не явные и физические. Идея «враждебного сексизма» получила известность и широкое распространение среди ультраправых движений, преимущественно в Интернете. Движение продвигает основную идею отделения мужчин от женщин, противодействие распространению феминизма, избегание брака и серьезных отношений с женщинами. Этот класс сообществ крайне категоричен в своем ненавистническом отношении к женщинам, возлагает на них вину за все беды, пропагандирует генетическое превосходство мужчин.

Сообщества АнтиФа поддерживают и продвигают идеи международного движения, декларирующего своей целью борьбу с фашизмом, неонацизмом и расизмом. Движение не является гомогенным, имеет довольно широкий диапазон идеологических убеждений и в современном воплощении переходит «границы» от ненасильственных способов достижения цели ко все более жестким противоправным насильственным методам.

Сообщества анархистов тоже имеют широкий диапазон идеологических воззрений, в основе которых убеждения, основанные на свободе личности; имеют цель уничтожения всех типов принуждения и эксплуатации человека человеком. Анархисты придерживаются антигосударственных взглядов, продвигают идеи организованного сопротивления и создания общества по типу конфедерации на основе добровольного сотрудничества индивидуумов, личной заинтересованности, организованного самоуправления и возложения ответственности на каждого члена такого добровольного объединения.

В табл. 9 приведена информация об отобранных экспертом сообществах для анализа. Названия сообществ изменены в целях противодействия распространению и тиражированию идей ультрарадикальных сообществ.

Таблица 9

Количество подписчиков проанализированных сообществ

Сообщество	Число подписчиков	Сообщество	Число подписчиков
alt-right-1	86 644	antifa-1	187
alt-right-2	16 358	antifa-2	156
alt-right-3	8 911	antifa-3	133
alt-right-4	11 679	antifa-4	139
alt-right-5	4 470	antifa-5	118
alt-right-6	5 142	antifa-6	88
alt-right-7	1 1449	antifa-7	73
alt-right-8	183	antifa-8	75
mgtow-1	23 134	anarch-1	37 203

Автоматизированная оценка значимости используемых слов

Экспериментальная проверка гипотезы выполнена на основе открытых данных российской социальной сети «ВКонтакте». Данные извлекались с использованием программного интерфейса VK API. Типы извлекаемых данных: наименование онлайн-сообщества, тексты постов, список подписчиков. Данные, позволяющие идентифицировать пользователя, и иная персональная информация не собирались и не обрабатывались.

Все извлеченные посты были объединены в единый корпус. Для всех слов каждого из постов была определена мера значимости слова для поста с использованием статистической меры TF-IDF:

$$weight(w, p) = \frac{n_w}{\sum_k n_k} \cdot \log \frac{|P|}{|\{p_i \in P | w \in p_i\}|}, \quad (1)$$

где n_w – число вхождений слова w в пост; $\sum_k n_k$ – общее число слов в посте; w – слово в посте; p – пост; $|P|$ – число постов в корпусе текстов; $|\{p_i \in P | w \in p_i\}|$ – число постов в корпусе P , где встречается w .

Перечень наиболее значимых слов для радикального онлайн-сообщества вычисляется на основе абсолютной значимости:

$$weight_{abs}(w, C) = \frac{\sum_1^n (weight(w, p_i))}{n_p}, \quad (2)$$

где C – корпус постов радикального сообщества ($C \in P$); n_p – количество постов в C , где встречается w .

Для дальнейшего анализа были отобраны слова с 10 наибольшими значениями абсолютной значимости, сгруппированные по классам радикальных идеологических платформ.

Оценка абсолютной значимости слов по классам радикальных платформ показала, что TF-IDF с высокой точностью выявляет слова-триггеры, являющиеся важной частью дискурса радикальных сообществ. При этом в сообществах анархистов в числе наиболее значимых оказались в том числе слова-триггеры протестов в Беларуси, начавшихся в июле 2020 года. Таким образом, сообщества анархистов оказались наиболее чувствительными к актуальной политической повестке. В табл. 10 приведены общие обнаруженные слова-триггеры, сгруппированные по классам. В число первых десяти наиболее значимых слов для каждого радикального сообщества входило от 3–7 слов, отнесенных экспертом к триггерным.

Таблица 10

Результат автоматизированного поиска значимых слов

Класс сообщества	Слова-триггеры, полученные TF-IDF методом
Alt-right	белый, правый, антибольшевизм, Россия, Врангель, Тесак, русский, раса, воин
MGTOW	феминизм, мужской, домогательство, ребенок, жена, баба, mgtow
АнтиФа	фашизм, фашист, антиф, убивать, Тесак, Донбасс

На рис. 29 приведена тепловая карта, отражающая взаимное пересечение значимых для радикальных сообществ слов. Анализ карты показал, что наиболее однородным является дискурс в сообществах MGTOW и АнтиФа. В отдельных случаях наблюдается значительное совпадение значимых слов между сообществами Alt-Right и MGTOW (сообщества alt-right-1 и mgtow-2), Alt-right и АнтиФа (сообщества alt-right-3 и antifa-7), а также Alt-right и Анархистов (сообщества alt-right-3 и anarch-7). Однако детальное изучение результатов показало, что отсутствуют совпадения значимых слов-триггеров, присутствуют лишь совпадения общеупотребимых слов. Следовательно, исследуемые радикальные классы онлайн-сообществ не связаны между собой значимым образом на основе обсуждаемых в своих постах тем.

На рис. 30 приведена тепловая карта, отражающая количество общих подписчиков в радикальных онлайн-сообществах. Кроме сообществ АнтиФа, все классы показали сравнительно высокую степень пересечения подписчиков внутри себя. Также Alt-right сообщества показали значительные абсолютные значения пересечений с классами MGTOW и Анархистов. Относительные значения пересечений при сравнении с общим числом уникальных пользователей при этом не являются весомыми. Только класс MGTOW насчитывает около 5 % общих пользователей с Alt-right. Сравнительная «изолированность» АнтиФа может быть в том

числе следствием малого количества уникальных подписчиков относительно прочих классов.

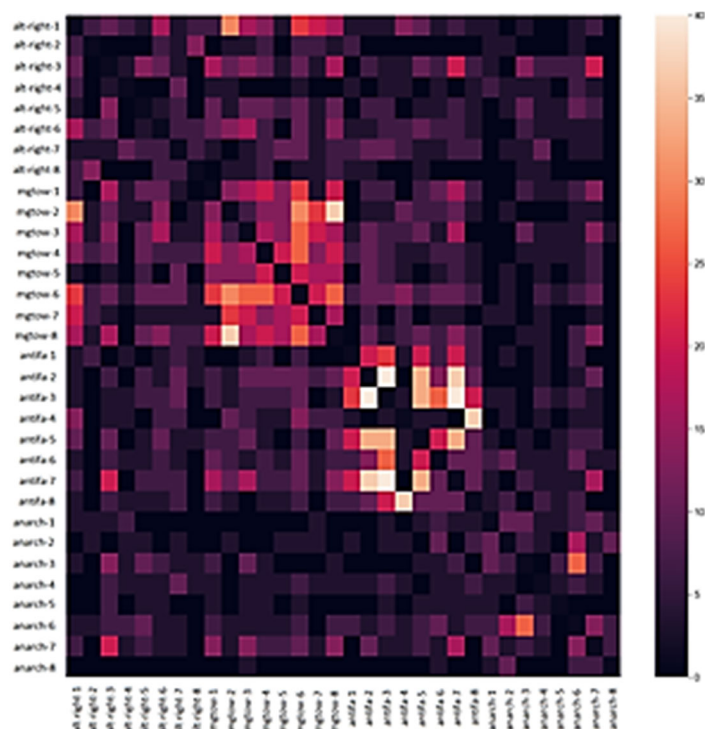

Рис. 29. Тепловая карта пересечений значимых слов радикальных онлайн-сообществ

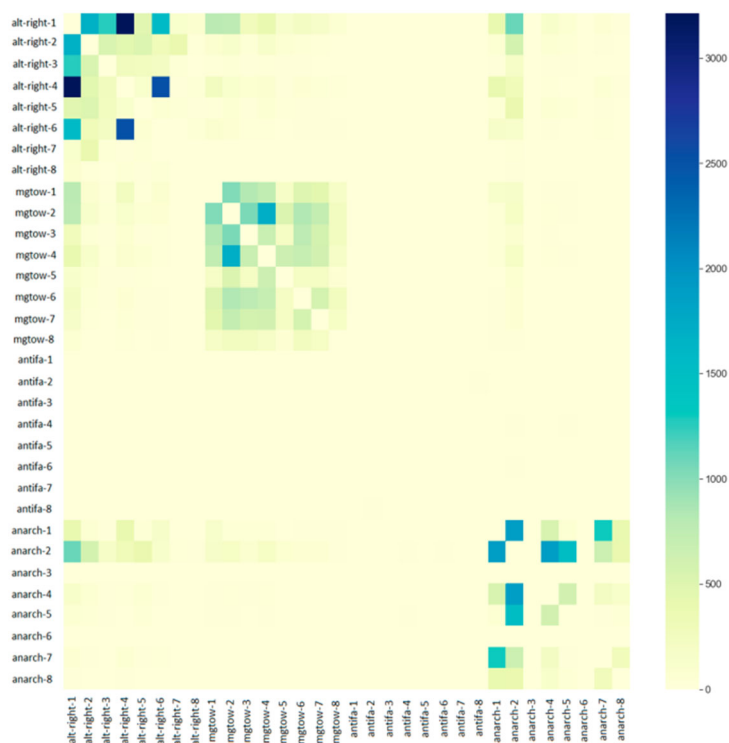

Рис. 30. Тепловая карта пересечений подписчиков радикальных сообществ

В табл. 11 приведен агрегированный результат по числу общих подписчиков, в скобках указано общее число уникальных пользователей, результат сгруппирован по классам радикальных онлайн-сообществ. Таким образом, полученный результат аналогичен результату, указанному выше: различные классы радикальных онлайн-сообществ, не обладают значительными взаимными связями по числу общих пользователей.

Таблица 11

Количество общих подписчиков по классам радикальных сообществ

	Alt-right	MGTOW	АнтиФа	Анархисты
Alt-right	–	2 293	13	2 865
MGTOW	2 293	–	–	724
АнтиФа	13	2	–	74
Анархисты	2 865	724	74	–

Использование статистической меры TF-IDF для оценки значимости слов позволило обнаружить в том числе и слова-триггеры для идеологических платформ. Следовательно, такой подход можно использовать в том числе при решении задач классификации и кластеризации радикальных онлайн-сообществ (или радикальных текстов). Наличие общеупотребимых слов в числе значимых может быть связано с особенностями формирования корпуса текстов. Можно добиться большей точности путём (1) добавления в корпус исходных текстов постов, не относящихся к радикальным платформам, и путём (2) вычисления значимости не отдельных слов, а словосочетаний (n-gramm).

Частично подтверждена гипотеза о замкнутости радикальных онлайн-сообществ относительно других идеологических платформ. Радикальные онлайн-сообщества обладают значительной степенью связанности в рамках собственных идеологических платформ. Самыми плотными связями по числу общих пользователей обладают сообщества, относящиеся к Alt-right. Они же являются и наиболее многочисленными. Сообщества MGTOW также показали плотные связи как по критерию общности используемых значимых слов, так и по числу общих подписчиков. Сообщества Анархистов единственные среди исследуемых показали наличие значимых слов, отражающих актуальную протестную политическую повестку.

Однако при переходе с уровня отдельных онлайн-сообществ на уровень классов сообществ, объединенных по принципу принадлежности к одной идеологической платформе, выявлена высокая степень изолированности. Таким образом, можно утверждать, что в рамках своей идеологической платформы радикальные сообщества находятся в так называемых «эхокамерах» – ситуации, когда характерные для платформы идеи и

убеждения усиливаются и подкрепляются за счет многократного повторения месседжа внутри закрытой системы.

Таким образом, комбинация анализа структурных связей и семантического контента эффективна для картирования сложного и динамичного идеологического ландшафта ультраправой радикализации. Однако выявленные ограничения существующих инструментов (парсеров) и сложность интерпретации пересечений аудиторий одчеркивают необходимость развития более тонких и валидированных методов измерения. Эта задача посвящена созданию надежных индексов радикализации, которые могли бы количественно оценивать интенсивность и специфику идеологического контента. Разбор этой задачи станет центральной темой следующего параграфа.

3.4. Алгоритмический термометр: конструирование и валидация индекса радикализации

Вслед за анализом идеологических ландшафтов онлайн-радикализации, представленным в предыдущем параграфе, возникает необходимость в количественных инструментах для измерения динамики этого явления. Данный раздел посвящён разработке индекса радикализации — метрики, позволяющей отслеживать интенсивность и распространённость радикальных тенденций в цифровой среде.

Теоретические основы индекса

Концептуальное основание для разработки индекса онлайн-радикализации базируется на интеграции трёх исследовательских направлений:

1. **Выявление и анализ факторов риска экстремистской и террористической радикализации.** Поиск и валидация факторов (например, криминальное прошлое, социальная изоляция), коррелирующих с повышенной вероятностью вовлечения индивида в процесс радикализации. Основа — теоретически обоснованная типология факторов, подтвержденных эмпирически, но не являющихся *прямыми* причинами [191, 192].

2. **Онлайн-картирование экстремистских ландшафтов.** Исследование структуры, связей и динамики радикальных сообществ в цифровом пространстве (как было продемонстрировано в п. 3.3).

3. **Оценка риска и последствий радикализации** в таких феноменах, как насильственный экстремизм, терроризм. Например, разработка метрик, оценивающих потенциальную уязвимость территории или сообщества к последствиям радикализации, таким как террористические акты (например, индекс уязвимости Liu et al., 2018 [144]).

Эти направления научных исследований открывают возможность экспертам предсказывать повышенную вероятность того, что человек будет радикализирован.

Ключевое разграничение: Фактор риска vs Индикатор радикализации

Фактор риска. Показатель, указывающий на *повышенную вероятность* радикализации (например, социальная изоляция). Наличие фактора(ов) риска не означает, что человек *обязательно* радикализируется или совершит насилие; он указывает на уязвимость и необходимость профилактики.

Индикатор радикализации. Показатель, отображающий изменения параметров контролируемого процесса или состояния объекта, определяющего пороговое значение процесса. То есть это показатель *демонстрируемого поведения*, сигнализирующий о том, что человек, *вероятно, уже радикализован* и принял идеи насильственного экстремизма, участия в терроризме (например, публичная вербализация намерения причинить вред в соцсетях). Требуется *незамедлительного вмешательства*.

«Фактор риска» и «индикатор радикализации» часто используются как взаимозаменяемые термины, но они, по сути, относятся к разным аспектам. Эффективная профилактика насилия учитывает факторы риска и попытки создать эффективные защитные факторы, чтобы остановить насилие. Определенные индикаторы могут быть полезны в качестве сигнала об опасности и необходимости вмешательства. Например, восприимчивый к радикальным идеям человек может иметь криминальное прошлое, может быть социально изолированным или находиться вдали от своей семьи (это три ключевых выявленных фактора риска участия в насильственном экстремизме), но при этом такой человек не принимает идеологию насильственного экстремизма. С другой стороны, если человек вербализует свое намерение причинять вред другим, семье, друзьям или пишет о намерении в социальных сетях (выявленный показатель принятия идеи насильственного экстремизма), этот человек, вероятнее всего, нуждается в немедленном вмешательстве. Поэтому наличие одного или нескольких факторов риска радикализации не означает, что человек будет участвовать в целенаправленном экстремистском насилии или терроризме. Кроме того, исследователи фиксируют, что в процессе радикализации происходит формирование околоэкстремистской среды, то есть такой среды, в которой восприимчивые к радикальным идеологиям люди находятся в процессе и еще не проявили себя в поддержке идей насильственного экстремизма, в совершении насильственных действий и в подавляющем большинстве случаев никогда не перейдут к поддержке или действиям. Поэтому факторы риска важны для профилактики, но, в отличие от индикаторов радикализации, не сигнализируют о непосредственной угрозе или принятии индивидом насильственных идеологий.

Методика расчёта регионального индекса онлайн-радикализации (iRad)

Представлен пример проведённого исследования. По этическим соображениям регион в котором проводилось исследование, условно обозначен *регион N*.

Региональный индекс онлайн-радикализации является мерой оценки эффективности соответствующих профилактических мероприятий при условии анализа динамики изменений его значений во времени. В силу имеющихся ограничений доступа к данным на уровне пользователей, онлайн-платформ – источников данных, а также законодательных ограничений абсолютное значение индекса не является значимым при единичном расчёте. Показательным будет являться только относительное изменение значения индекса за период времени.

Индекс онлайн-радикализации *регион N* является значением, обобщающим:

- активность подписчиков, указавших в профиле *регион N* как место проживания в наблюдаемых сообществах с признаками радикализации;
- меру сходства размещенного пользователями контента в онлайн-сообществах *регион N* с контентом с признаками радикализации.

Для *региона N* индекс объединяет две динамические составляющие:

1. Относительное изменение активности пользователей (*регион N*) в радикальных сообществах.

Абсолютная активность за период [t1, t2]:

$$Act_{rad}^{com} = \sum_{i=start_date}^{end_date} (Likes_i \cdot W_{like} + Posts_i \cdot W_{post} + Comments_i \cdot W_{comment}),$$

где *start_date* – начальная дата рассматриваемого периода; *end_date* – конечная дата рассматриваемого периода; *Likes_i* – количество лайков в сообществах за дату *i*; *Posts_i* – количество постов в сообществах за дату *i*; *Comments_i* – количество комментариев в сообществах за дату; *W* – весовые коэффициенты для соответствующих форм активности.

Относительное изменение (динамика):

$$Act_{region}^{com} = Act_{t_2}^{com} / Act_{t_1}^{com} \text{ (значение } > 1 = \text{Рост активности).}$$

Соответственно, значение за период времени $t_2 - t_1$ большее нуля означает наблюдаемый рост активности подписчиков *региона N* в наблюдаемых сообществах с признаками радикализации.

2. Относительное изменение оценки семантического сходства контента локальных сообществ (*регион N*) с радикальным контентом.

Косинусное сходство между векторами контента (TF-IDF/doc2Vec):

$$\text{sim}(C_{com_i}, C_{rad_j}) = \cos(C_{com_i}, C_{rad_j}) = \frac{\sum_{l=1}^k c_{com_i, l} c_{rad_j, l}}{\sqrt{\sum_{l=1}^k c_{com_i, l}^2} \sqrt{\sum_{l=1}^k c_{rad_j, l}^2}}.$$

Относительное изменение (динамика):

$$\text{sim}_{region}^{com} = \frac{\text{sim}_{t2}^{com}}{\text{sim}_{t1}^{com}}.$$

Мера сходства размещенного пользователями контента в онлайн-сообществах *регион N* с контентом с признаками радикализации вычисляется как косинусное сходство между вектором размещенного пользователями текстового контента и вектором контента с признаками радикализации. Пусть $C_{com} = (C_{com_1}, C_{com_2}, \dots, C_{com_i})$ обозначает множество векторов текстового контента сообществ *регион N*, а $C_{rad} = (C_{rad_1}, C_{rad_2}, \dots, C_{rad_j})$ – множество векторов контента с признаками радикализации (различных идеологических платформ). Векторизация текстового контента может быть выполнена различными способами. Например, для оценки тематического сходства можно выполнить векторизацию на основе статистической меры TF-IDF, для контекстного сходства – на базе метода doc2vec. Вычисляется сходство между множествами. Относительное изменение значения меры сходства за период времени вычисляется аналогичным образом со значением относительно изменения активности.

Итоговый индекс:

$$iRad_{sakh} = Act_{region}^{com} \cdot \text{sim}_{region}^{com}.$$

Алгоритм вычисления индекса онлайн-радикализации

1. Выявление радикальных сообществ и их подписчиков из *региона N*.
2. Сбор данных активности (лайки, посты, комментарии) с шагом времени $\ast t \ast$.
3. Выявление локальных онлайн-сообществ *региона N*.
4. Векторизация контента (радикального эталонного и локального) и расчёт сходства.
5. Вычисление динамики изменений компонентов (Act , sim) между периодами.
6. Агрегация результатов в $iRad_N$.

ВАЖНО! Только динамика изменения индекса онлайн-радикализации во времени, а не его абсолютное значение, обладает прикладной значимостью для оценки эффективности мер по профилактике и предотвращению угроз насильственного экстремизма, терроризма. Индекс радикализации может вычисляться как для отдельного региона, так и для множества регионов.

Визуализация через тепловые карты

Тепловые карты (heatmaps) – мощный инструмент визуализации матричных данных, где значения представлены цветовым градиентом (например, от холодных синих/зеленых тонов для низких значений к теплым желтым/красным тонам для высоких значений).

Для индекса радикализации iRad тепловые карты применяются следующим образом.

Сравнение регионов во времени

Ось Y – регионы (N1, N2, N3...), ось X – временные периоды (месяцы, кварталы, годы). Цвет каждой ячейки соответствует значению iRad для данного региона в данный период. Это позволяет выявлять:

- регионы с устойчиво высоким/растущим индексом («горячие точки»);
- тренды (усиление/ослабление радикализации) в конкретных регионах;
- сезонные или событийно-зависимые всплески активности.

Анализ компонентов индекса по времени

Можно визуализировать динамику отдельных составляющих (Act или sim) для одного региона или сравнивать их между регионами.

ВАЖНО! Из-за ограничений данных и фокуса на динамике тепловая карта будет наиболее информативна для отображения изменений iRad (например, разницы между периодами или трендами), а не его абсолютных значений.

Интерпретация и значимость

Абсолютное значение iRad_N само по себе имеет ограниченную смысловую нагрузку из-за зависимости от выбора эталонных сообществ, весовых коэффициентов (W) и методов векторизации.

Ключевая практическая ценность индекса заключается в его динамике:

- **Рост iRad_N** (значение >1) сигнализирует об усилении как активности пользователей региона в радикальных сообществах, так и сход-

ства локального контента с радикальным. Это указывает на *усиление онлайн-радикализации* в регионе и требует анализа причин и корректировки профилактических мер.

- **Снижение** iRad_N (значение <1) свидетельствует об ослаблении этих процессов, потенциально подтверждая эффективность предпринятых контрмер.

- **Стабильность** iRad_N (значение ≈ 1) требует мониторинга для выявления скрытых трендов или подтверждения устойчивости ситуации.

Разработанный индекс iRad служит «алгоритмическим термометром», измеряющим «температуру» онлайн-радикализации в регионе. Однако для глубокого понимания причин наблюдаемых изменений и прогнозирования будущих всплесков необходимо выявить скрытые паттерны и триггеры, связывающие динамику индекса с реальными событиями. Этой задаче – выявлению динамических корреляций между колебаниями iRad и социально-политическими, экономическими или культурными событиями с использованием календарно-корреляционного анализа – будет посвящен следующий параграф.

3.5. Динамическая оптика: календарно-корреляционный анализ для выявления скрытых паттернов радикализации

В развитие методологии измерения регионального индекса радикализации (iRad), представленной в предыдущем параграфе, мы фокусируемся на задаче выявления глубинных причин наблюдаемых колебаний. Данный раздел посвящён календарно-корреляционному анализу (ККА) [139, 193] – методу, позволяющему обнаруживать скрытые паттерны активности радикальных сообществ, связанные с ключевыми идеологическими «скрепами» (значимыми датами и событиями).

Трехуровневая методика проектирования прототипа (ККА)

ККА – метод автоматизации процесса выявления целевой группы по характерному изменению активности группы и контента в «окрестностях» ключевых событий.

1. Проектирование лингвистических фильтров.

Для решения задачи идентификации ультраправых экстремистских онлайн-групп (устойчивых, известных, многочисленных) и их «сателлитов» (меньших по численности и малоизвестных) были созданы **лингвистические маркеры** – инструментальные специализированные словники ультраправых экстремистских групп.

Источники данных: Федеральный список экстремистских материалов Минюст РФ; перечень общественных и религиозных объединений,

иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»; словарь экстремистских лозунгов ультраправой идеологической платформы, разработанный экспертом Ю.А. Сафоновой (Лаборатория экспертных исследований и ситуационного анализа, РФ, Москва); набор материалов по символике; иные открытые источники.

Выделение ключевых слов на основе характеристики тематической значимости позволило автоматически получить из текстов слова и словосочетания, характеризующие тематику и содержание текста или множества текстов, для описания обобщенного лексикона сетевого сообщества (с выделением значимых объектов обсуждения) и для оценки близости и глубины пересечения индивидуальных лексиконов с обобщенным лексиконом сообщества (рис. 31).

Рис. 31. Примеры ключевых слов и лозунгов, использованных для автоматического поиска

На данном этапе были выявлены следующие проблемы:

- Поиск по ключевым словам содержит большое количество «мусорного контента». Это связано с тем, что пользовательские данные содержат «шум» – флуктуацию значений признаков, описывающих процесс, неправильную грамматику, слова с ошибками, интернет-сленг, аббревиатуры, многоязычный текст, неформальные языковые выражения и т. п. Наличие некачественных метаданных добавляет сложности и технических проблем при сборе и анализе данных. Соответственно, для подбора экспериментальных групп список был дополнен вручную.
- Формализация словников под решаемые задачи не способствует точности установления корреляционной зависимости между значениями различных параметров.

- Объем контента затрудняет поиск общих закономерностей и тенденций в данных, что ведет к неточностям, ошибкам, ложным срабатываниям в идентификации деструктивного контента.

Таким образом, функция поиска по ключевым словам может быть эффективно применима только при наличии дополнительных, уточняющих поисковый результат инструментов.

2. Анализ сетевых связей (сообщества-сателлиты).

- Разработка алгоритма выявления смежных сообществ через анализ пересечений участников и публичных ссылок.

- Построение социального графа для визуализации связей между различными классами ультраправых сообществ.

- Кластеризация сообществ на основе компонентов связности.

Для изучения взаимосвязей ультраправых сообществ была реализована программная функция поиска сообществ-сателлитов на основе анализа пересечений участников. Основой проектирования данной программной функции является использование списка уже выявленных ультраправых сообществ. Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет сообществам публиковать в открытом доступе ссылки на прочие источники (сообщества социальной сети «ВКонтакте», посты, страницы, а также на другие социальные сети или внешние веб-ресурсы). Группы, относящиеся к различным классам и не ссылающиеся друг на друга, могут иметь общие ссылки на прочие сообщества, как относящиеся к ультраправым, так и не относящиеся к ним. В случае, если количество таких сообществ существенно, возможно выявить «недостающие звенья» в виде других ультраправых сообществ, а также выявить связи между сообществами различных классов (при наличии между ними тесной взаимосвязи друг с другом: связи «сообщество–сообщество» или «сообщество–ссылка–сообщество»). В результате были выделены компоненты связности для кластеризации, проведен анализ взаимосвязи между экспериментальными сообществами.

3. Разработка календарно-корреляционного анализа (ККА).

Ключевая гипотеза: радикальные сообщества демонстрируют аномальную активность в «окрестностях» значимых дат (исторические инциденты, дни рождения идеологов, годовщины организаций).

База знаний: создание структурированного dataset (дата, идеологическая платформа, теги, ключевые слова, рейтинг значимости).

Математическая модель: расчет абсолютной и относительной активности сообщества в периоды, привязанные к «скрепам».

Критерии идентификации: фиксация характерного паттерна «подъем–пик–спад» активности + совпадение с лексическими маркерами в контенте.

Специфический фактор, выявленный в процессе исследования ультраправых сообществ – это «скрепы» в виде дат, событий. С помощью таких «скреп» активизируются вялотекущие обсуждения в сообществе, происходит разогрев участников, провоцирование на агрессивные высказывания, разжигание ненависти, использование «языка вражды». Была сформулирована гипотеза о том, что сообщества данной направленности чувствуют важные для них даты (даты инцидентов, дни рождения идеологических лидеров и вдохновителей и т. п.). Таким образом, значение активности в сообществе социальной сети в окрестностях значимых для идеологической платформы дат, может быть использовано в качестве уточняющего поискового критерия. Программно были реализованы функции автоматизированной оценки календарной активности сообщества.

Схема работы ККА представлена на рис. 32. При реализации были учтены следующие факторы:

а) отсутствие возможности извлечь ретроспективные данные об активности сообществ; возможность оценить только общее количество просмотров, «лайков», репостов и комментариев (с даты публикации сообщения);

б) сообщество может демонстрировать аномальную активность по сравнению с обычной за некоторое время до наступления значимой даты и некоторое время спустя;

в) активность сообщества в значимые даты может быть случайной или общей не только для сообществ радикальной направленности;

г) значимым признаком радикального сообщества является совпадения знаковых дат и определенных лексических маркеров в материалах, связанных с этой датой.

Элементом базы знаний, служащим основой для работы ККА, является dataset ключевых слов и дат, состав полей которого приведен в табл. 12.

Таблица 12

Пример dataset (база знаний ключевых слов и событий)

date	category	tags	keywords	stars	comment
18.05.2006	Ультраправые	Неонацисты; Неоязычники	дмитр, александр, боровиков, нацист, язычник, экстремист, террорист	3	погиб Дмитрий Александрович Боровиков – русский неонацист и неоязычник, организатор двух экстремистских группировок: «Mad Crowd» и «Боевой террористической организации». Погиб от смертельного ранения при задержании оперативниками 18-го отдела УБОП

date – дата события; заполняется в формате ДД.ММ.ГГГГ, если известна точно, и в формате ДД.ММ, если известен только календарный день.

category – идеологическая платформа, характерная для данного события или ключевого слова.

tags – тэги (лексические маркеры, обозначающие принадлежность к идеологической платформе).

keywords – ключевое слово.

stars – рейтинг ключевого слова или события, характеризующий его значимость при идентификации группы.

comment – комментарий.

Для расчета абсолютной и относительной активности сообщества была разработана математическая модель. Разработанный метод позволяет не только извлекать абсолютные значения активности сообщества, но и нормировать их, а также дополнительно уточнять характер активности (каждой значимой дате соответствует набор ключевых слов и выражений, с ней связанных). Таким образом, обеспечивается большая точность выявления ультраправых радикальных сообществ и минимизация ложных срабатываний.

Для надежной идентификации группы фиксируется подъем, высокий уровень и спад активности в группе, причем в разные даты (представляющие календарь ключевых событий, базу знаний). Например, активность значительно увеличивается в окрестности «29.04», которая означает день знаковый для ультраправых, поскольку связан с конкретным персонажем, неонацистом, совершившим инцидент. Другой пример: увеличение активности в окрестности «16.10» – дата создания ООПД РНЕ (прим.: российская ультраправая националистическая организация). Или пример с датами рождений «09.06» и «17.10». Даты, которые чувствуют русские националисты. Стоит отметить, что «скрепы» в виде дат в ультраправых сообществах показывают, как интенсифицируется активность, задается идеологическая повестка дня группы, что дает возможность пользователю четко продемонстрировать свою связь с движением. Фактически «демиурги» ультраправых сообществ находятся в постоянном поиске значимых «скреп», чтобы фундаментализировать активность.

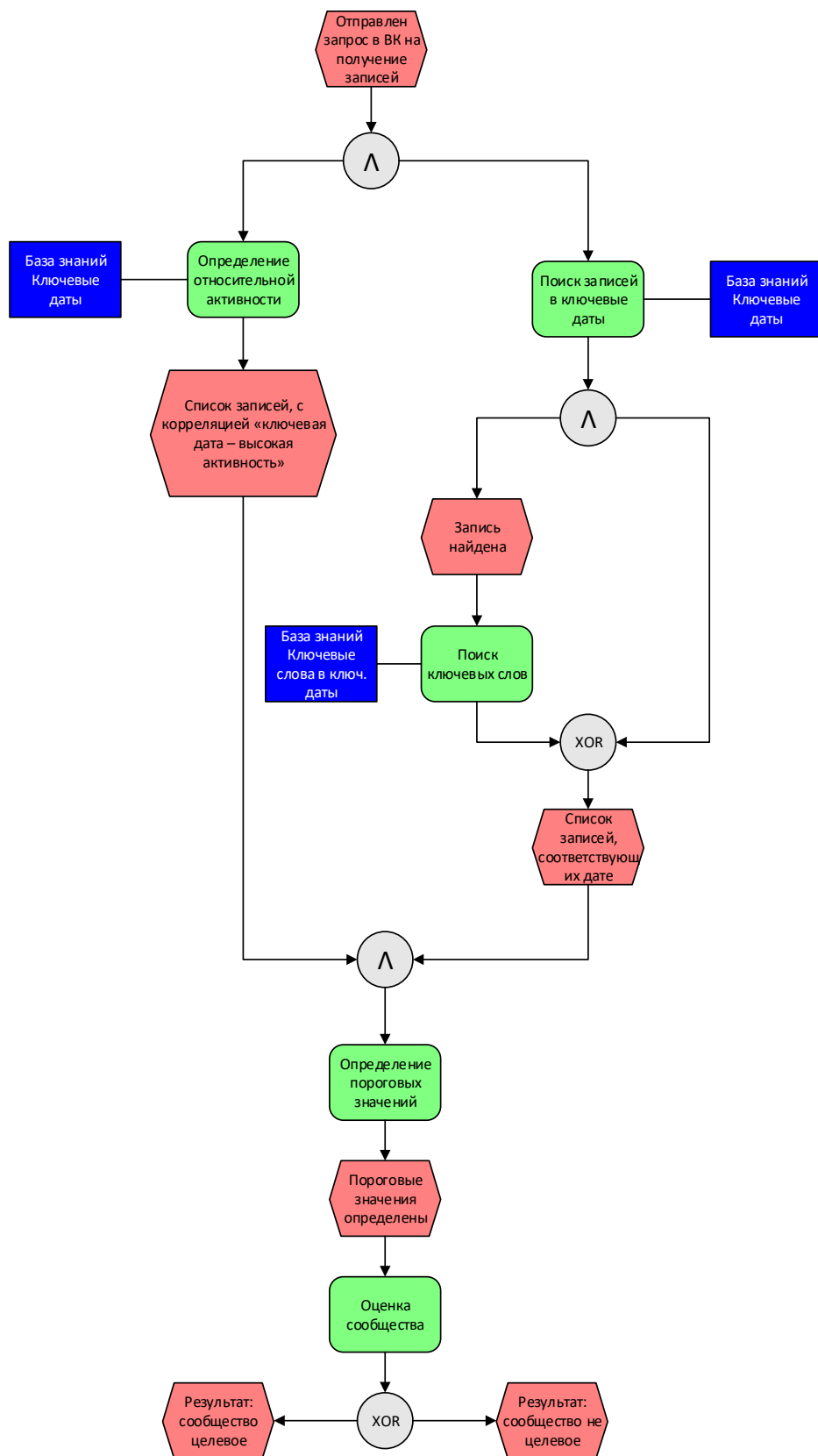

Рис. 32. Обобщенная eEPC-схема оценки принадлежности сообщества социальной сети к целевой группе (ультраправые) на основе ККА

Апробация ККА

Тест 1. Поиск по ключевым словам. Из 6151 сообщества ККА верифицировал лишь 3 ультраправых (минимизация ложных срабатываний).

В рамках первого испытания осуществлён поиск сообществ по подготовленным формализованным ключевым словам (49 слов). Найдено 6151 сообщество. Сообщества проверены методом ККА, который указал только на 3 сообщества. Все они с ультраправой идеологической платформой. Что и требовалось проверить (учитывались только сообщества, проявляющие активность в течение календарного года до даты анализа).

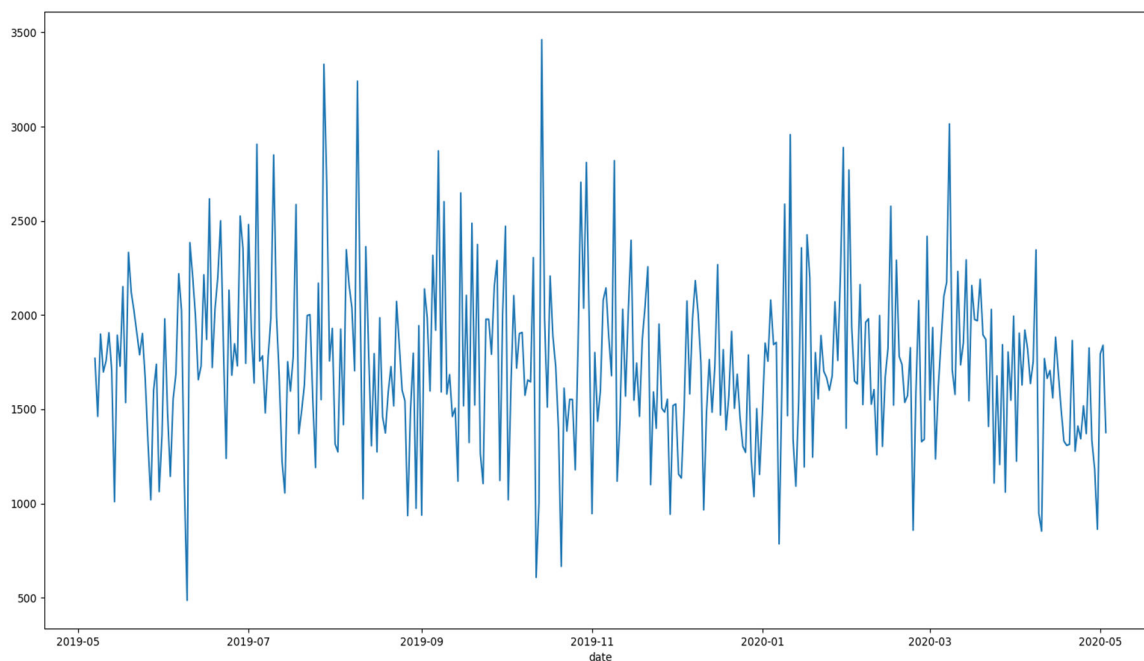
Тест 2. Проверка известных сообществ. ККА выявил активность, связанную со «скрепами», у 14 из 68 активных ультраправых сообществ.

Отобранный специфический контент был формализован и применен для автоматического поиска из набора данных социальной сети «ВКонтакте» на май 2019 г. – более 185 млн сообществ (количество групп на май 2019 г.). В результате были отобраны экспериментальные группы – 94 наиболее репрезентативных сообщества, соответствующих критериям ультраправых и имеющих высокую онлайн-активность. Группам были присвоены идентификационные номера. По количеству участников они варьируются от сотни до нескольких тысяч человек. Все 94 сообщества были классифицированы по типу идеологической платформы (например: alt-right, нацисты, националисты, женоненавистники, неоязычники и др.).

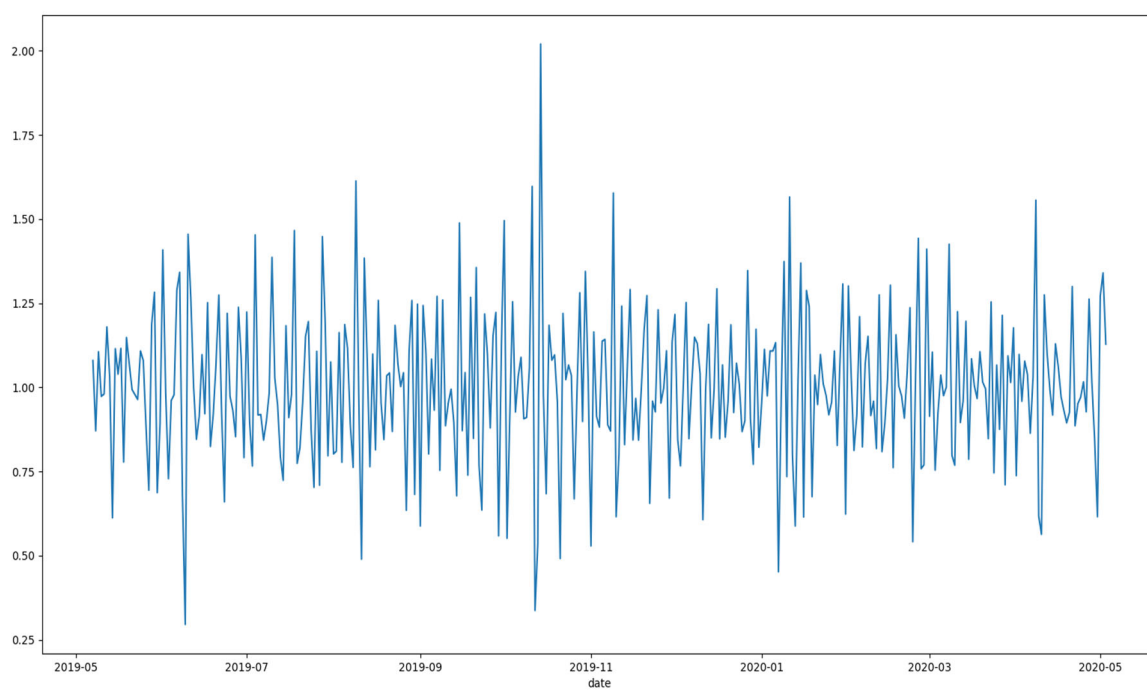
При втором испытании был проверен список из 94 сообществ. При тестировании данного списка сообществ обнаружено, что из них активных – 68, заблокировано – 3, закрыто – 1, не найдено – 2. При определении активности принято: если сообщество публикует одну запись в неделю, оно считается активным. Из указанного списка ККА «сработал» на 14 сообществах. Ниже (рис. 33) представлены графики абсолютной и относительной активности сообществ FB1.19. По этическим соображениям группы закодированы.

Тест 3. «Обратный ККА» на нейтральных сообществах. Ни одного ложного срабатывания (отсутствие ошибок I рода).

Выбраны 39 наиболее популярных сообщества, по версии «ВКонтакте». Эксперты проверили их вручную. Ни одно из сообществ экспертом не было отнесено к ультрарадикальным. Апробация показала, что на данных сообществах «чувствительность» алгоритма не сработала. Следовательно, эффективность работы алгоритма подтверждена.

а)

б)

*Рис. 33. Примеры графиков активности группы FB1.19:
а) абсолютной; б) относительной*

Эффективность работы ККА

Эффективность работы алгоритма может быть проиллюстрирована через значения ошибок первого и второго рода. Они могут быть вычислены для второй и третьей проверок, поскольку априорная информация о степени принадлежности к ультраправой идеологической платформе каждой из 6151 группы, найденной по ключевым словам, отсутствует.

В качестве нулевой гипотезы H_0 примем, что анализируемое ВК-сообщество не содержит признаков принадлежности к ультраправой идеологической платформе. Соответственно, альтернативная гипотеза – H_1 – ВК-сообщество содержит признаки принадлежности.

В рамках второй проверки гипотеза H_0 была ошибочно принята в 54 случаях, гипотеза H_1 , соответственно, верно принята в 14. Таким образом, вероятность ошибки второго рода равна $\beta = 0,79$ и мощность критерия $(1 - \beta) = 0,21$.

В рамках третьей проверки гипотеза H_0 ни разу не была ошибочно отвергнута, и гипотеза H_1 не была ошибочно принята, т. е. ошибок применения критерия не обнаружено.

Сравнительно низкая эффективность алгоритма при второй проверке может быть объяснена неполнотой информации в базе знаний, описывающей чествуемые ультраправыми сообществами «скрепы». Поскольку представленные в экспертном списке сообщества относятся к различным подклассам ультраправых, то и специфическую активность они могут проявлять в различные даты. Также отметим, что алгоритм в рамках проверок не показал ошибок первого рода, что позволяет говорить о его применимости в качестве дополнительного «фильтра» при анализе поисковых результатов по ключевым словам.

Интеграция ККА в поисково-аналитическую систему (ПАС)

Функции алгоритмов были собраны в единую поисково-аналитическую систему (ПАС) и представлены в такой последовательности:

- а) пользователь-эксперт формирует «базу знаний» (перечень ключевых слов, выражений и дат), в том числе определяя их взаимосвязь;
- б) пользователь запускает функцию первичного поиска по ключевым словам;
- в) предварительная обработка полученных результатов (удаление закрытых, неактивных, «пустых» сообществ);
- г) методом ККА осуществляется уточнение списка выявленных ультраправых сообществ;
- д) результаты анализируются пользователем и при необходимости заносятся в базу знаний;

е) пользователь формирует множество групп для последующего поиска смежных сообществ (сателлитов);

ж) результаты поиска сообществ-сателлитов анализируются; при необходимости уточняется информация в базе знаний;

Алгоритмы объединены в единую последовательность (рис. 34).

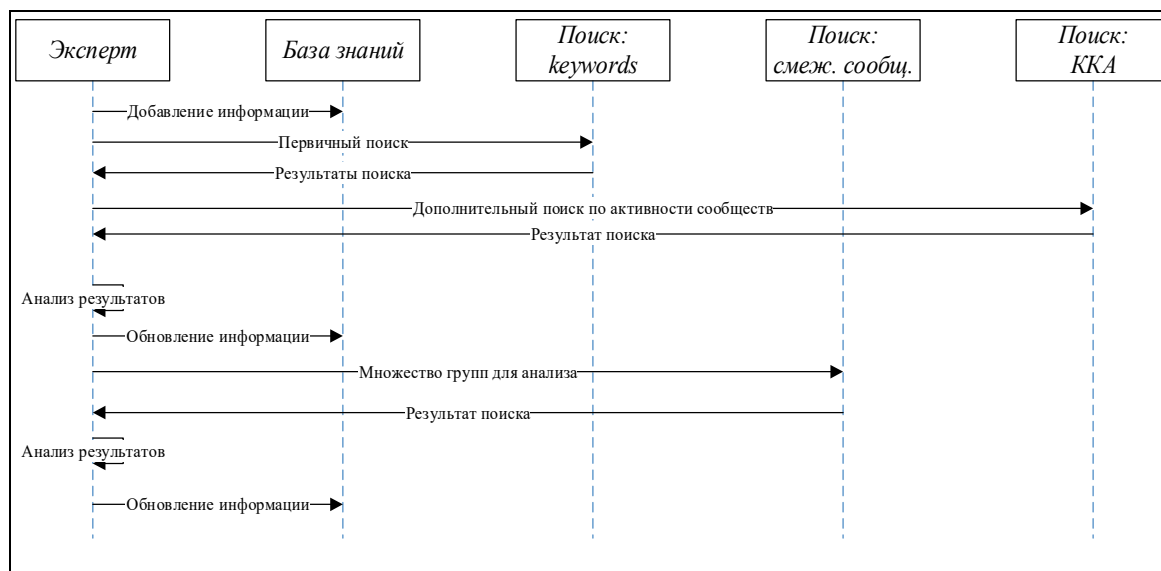

Рис. 34. Диаграмма последовательности выявления активных ультраправых идеологических платформ в социальной сети

Технологический стек использованных при программной реализации технологий: язык программирования Python 3, база данных MongoDB, среда разработки Anaconda 3, система контроля версий git и облачный репозиторий github.com.

Универсальность и прогностический потенциал ККА

Расширение сферы применения. Адаптация ККА для выявления сообществ других идеологических платформ через наполнение соответствующих баз знаний.

Выявление «одиночек». ККА перспективен для идентификации индивидов, имеющих высокую степень радикализации – угрозу совершения инцидентов (скулшутеры, террористы-одиночки), активно использующих «скрепы» в онлайн-активности.

Прогностическая сила. Выявление устойчивых паттернов активности вокруг «скреп» открывает возможность прогнозирования периодов повышенных рисков радикализации.

Выявленные календарно-зависимые паттерны радикализации создают основу для перехода от диагностики к прогнозу. В перспективе интеграция ККА с индексом iRad и системами мониторинга социальных

медиа в реальном времени позволит разрабатывать предиктивные модели, способные заблаговременно сигнализировать о нарастании экстремистской угрозы в конкретных регионах или сообществах, что станет новым этапом в противодействии онлайн-радикализации.

Представленные практические примеры исследований в главе 3 демонстрируют многоуровневую методологию анализа онлайн-радикализации, интегрирующую качественные и количественные подходы. Топологическое моделирование радикальных сетей (п. 3.1) подтвердило свою ценность как инструмент «картографии угроз», выявив скрытые структурные паттерны: тематические кластеры, общность дискурса между внешне разрозненными сообществами, а также точки пересечения радикальных и нейтральных пространств. Комбинация методов (TF-IDF, doc2vec) позволила преодолеть ограничения анализа подписчиков, хотя ресурсоемкость вычислений и сложность интерпретации природы связей обозначили необходимость дополнения количественных методов экспертной оценкой.

В параграфе 3.2 применение статистической меры TF-IDF для оценки значимости слов доказало эффективность при выявлении слов-триггеров идеологических платформ и решении задач классификации радикальных сообществ. Экспериментально подтверждена гипотеза о замкнутости радикальных онлайн-сообществ: они демонстрируют высокую связанность внутри собственных идеологических платформ, функционируя как «эхокамеры», где характерные идеи усиливаются за счет внутреннего повторения. При этом на уровне классов сообществ выявлена выраженная изолированность, подчеркивающая необходимость сочетания семантического анализа с сетевыми методами для точного картирования идеологических ландшафтов.

Дальнейшее развитие методологии (пп. 3.3–3.5) воплотилось в операциональных инструментах: индекс iRad (п. 3.4) обеспечил мониторинг региональной динамики радикализации через синтез метрик активности и семантического сходства контента, а календарно-корреляционный анализ (параграф 3.5) выявил универсальные паттерны активизации сообществ вокруг идеологических «скреп» (значимых дат и событий).

Синтез результатов главы демонстрирует три ключевых достижения:

Преимственность методологии – от выявления структурных паттернов (п. 3.1) и семантических маркеров (п. 3.2) к динамическим метрикам (п. 3.4) и предиктивным моделям (параграф 3.5).

Валидность гибридных подходов – взаимодополняемость сетевого, контентного и календарно-корреляционного анализа.

Адаптивность инструментария – универсальность методов для различных идеологических контекстов при калибровке параметров.

Выявленные ограничения – ресурсоемкость doc2vec (п. 3.1), сложность интерпретации «эхокамер» (п. 3.2), контекстная зависимость iRad (п. 3.4) – задают направления развития: автоматизация сбора мультимодальных данных, создание кроссплатформенных стандартов оценки и интеграция в предиктивные системы. Перспективой является формирование аналитического контура, где топологические карты угроз, семантические фильтры, динамика индексов и календарные паттерны обеспечат переход от диагностики к упреждающему прогнозированию радикализации в цифровой среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии мы представили комплексное исследование трансформации феномена радикализации в эпоху алгоритмов, раскрыв диалектику технологий как катализатора деструктивных процессов и инструмента их научного изучения.

Цифровая среда перестала быть лишь платформой для распространения идей: она сформировала новую социальную реальность, где алгоритмы социальных сетей, автоматизированные боты и сетевые структуры переопределили механизмы формирования идентичности, групповой сплоченности и мобилизации к действию. Этот парадигмальный сдвиг потребовал пересмотра традиционных концептуальных моделей радикализации – от линейных и стадийных схем к нелинейным, контекстно зависимым траекториям, признающим слабую корреляцию между радикальными убеждениями и насильственными действиями.

Ключевым вкладом проделанной многолетней работы мы считаем преодоление методологических ограничений через междисциплинарный синтез. Критический анализ «миражей Big Data» (глава 2) обнажил фундаментальные эпистемологические риски алгоритмической эпохи: зыбкую границу между цифровыми следами и реальным поведением, искажающую призму алгоритмических bias, этические пропасти автоматизированной стигматизации. Преодоление этих вызовов стало возможным благодаря созданию «алгоритмического прицела» – многоуровневой методологии (глава 3), интегрирующей:

- топологическое моделирование для визуализации скрытых структурных паттернов радикальных сетей;
- семантический анализ (TF-IDF, doc2vec) для выявления идеологических маркеров и «эхокамер»;
- динамические метрики (индекс iRad) для мониторинга региональных трендов радикализации;
- календарно-корреляционный анализ для прогнозирования активностей через «идеологические скрепы».

Практическая значимость исследования подтверждена апробацией инструментов на реальных данных, доказавшей их эффективность в минимизации ложных срабатываний и адаптивности к различным идеологическим контекстам. Однако выявленные ограничения – ресурсоемкость вычислений, контекстная зависимость метрик, неполнота охвата «скреп» – обозначили императив развития: автоматизацию сбора мультимодальных данных, кроссплатформенные стандарты оценки, этические правила.

Заложенная в монографии траектория ведет от зеркала диагностики к компасу прогноза. Объединяя силу концептуальных моделей (глава 1), цифровых инструментов (глава 2) и операциональных методик (глава 3), мы открываем путь к системам, способным прогнозировать всплески радикализации через корреляцию календарных паттернов, динамики iRad и сетевой топологии, идентифицировать точки уязвимости в цифровых экосистемах для точечных превентивных вмешательств, оптимизировать ресурсы безопасности за счет фокусировки на подтвержденных алгоритмически «горячих зонах».

Монография «Радикализация в эпоху алгоритмов» завершает свой путь там, где технологии перестают быть просто инструментами, становясь соавторами социальной драматургии. Мы прошли путь от «картографа», наносящего на карту метки *terra incognita* цифровых угроз (параграф 3.1), через «штурмана», прокладывающего курс по онтологическим координатам (параграф 3.2), к оптике, настраивающей фокус на идеологические ландшафты (параграф 3.3). Термометр iRad (параграф 3.4) диагностировал скрытое «воспаление» радикализации, а динамическая оптика ККА (параграф 3.5) научила нас видеть пульс «скреп» во временном потоке. В этом синтезе метафор – суть эпохи: алгоритмы стали и зеркалом, отражающим искаженные лики ненависти, и линзой, позволяющей рассмотреть ее скрытые механизмы. Будущее в противодействии радикализации связано не с отвержением двойственной природы технологий, а с созданием **алгоритмического компаса** – системы, где точность вычислений направляется мудростью исследовательской рефлексии.

Технологии без исследователя слепы, исследователь без технологий – беспомощен. В эпоху алгоритмов так легко забыть, что за данными стоят люди и судьбы. Мы верим, что технологии могут служить не только зеркалом тьмы, но и камертоном гуманизма. Алгоритмы без исследовательской настройки становятся «расстроенными инструментами». Технологии не заменяют учёного – они делают его слух абсолютным. Только тогда «прицел алгоритмов» сможет служить не увеличению точности удара, а прояснению горизонтов понимания, где данные не заменяют смысл, а становятся мостом между цифровой бездной и человеческой совестью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coolsaet R. All radicalization is local / R. Coolsaet [Electronic resource]. – URL: <https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/05/ep84.pdf?type=pdf> (accessed: 08.07.2025).
2. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Essays in Memory of Imre Lakatos / R.K. Merton ; ed. R.S. Cohen, P.K. Feyerabend, M.W. Wartofsky. – Dordrecht : Springer Netherlands, 1976. – P. 433–455.
3. Luhmann N. The Theory of Social Systems and Its Epistemology: Reply to Danilo Zolo's Critical Comments / N. Luhmann // Philosophy of the Social Sciences. – 1986. – № 16. – P.129–134.
4. Zolo D. Function, Meaning, Complexity: The Epistemological Premises of Niklas Luhmann's «Sociological Enlightenment» / D. Zolo // Philosophy of the Social Sciences. – Sage PublicationsSage CA: Thousand Oaks, CA, 1986.
5. Online Extremism: Research Trends in Internet Activism, Radicalization, and Counter-Strategies / C.Winter et al. // International Journal of Conflict and Violence (IJCIV), 2020. – P. 1–20.
6. Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 3. – Москва : МЫЛЬ. – 395 p.
7. Neumann M. What's left? radical politics and the radical psyche / M. Neumann. – Peterborough, Canada ; Lewistown, N.Y : Broadview Press, 1988. – 230 p.
8. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism / A. Bötticher // Perspectives on Terrorism. Terrorism Research Institute. – 2017. – Vol. 11, № 4. – P. 73–77.
9. International encyclopedia of the social sciences / ed. W.A. Darity. – 2nd ed. – Detroit : Macmillan Reference USA, 2008. – 9 p.
10. Sedgwick M. The Concept of Radicalization as a Source of Confusion / M. Sedgwick // Terrorism and Political Violence. – 2010. – Vol. 22, № 4. – P. 479–494.
11. Schmid A. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation : A Conceptual Discussion and Literature Review / A. Schmid // Terrorism and Counter-Terrorism Studies. – 2013. – № 2.
12. Большой толковый словарь русского языка = БТС [Текст] : А-Я / под ред. С.А. Кузнецова, Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 p.
13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. / Т.Ф. Ефремова. – Москва : Астрель, 2006. – 1165 с.

14. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: более 10 000 единиц / С.А. Кравченко. – Москва: Астрель, 2004. – 511 р.
15. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (accessed: 07.08.2025).
16. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 05.10.2009 [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/ (accessed: 07.08.2025).
17. Полтавска Ю.Н. Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы: 2 / Ю.Н. Полтавска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2012. – Vol. 12, № 2. – Р. 104–107.
18. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Electronic resource]. – URL: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (accessed: 08.07.2025).
19. О противодействии экстремистской деятельности (с изменениями и дополнениями) : федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (accessed: 07.08.2025).
20. Статья 1. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/2561763/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed: 07.08.2025).
21. Jahrbuch für Extremismus- und Terrorismusforschung. 2. 2009/2010. 2009. – 645 p.
22. Oxford Dictionary of English. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2010.
23. Schmid A. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? / A. Schmid // Terrorism and Counter-Terrorism Studies. – 2014. – № 5.
24. Eatwell R. Introduction: The «new» extremism in twenty-first-century Britain / R. Eatwell, M.J. Goodwin // The New Extremism in 21st Century. – Britain : Routledge, 2010. – 20 p.
25. Schmidt M.G. Wörterbuch zur Politik / M.G. Schmidt. – Stuttgart : A. Kröner, 1995. – 1106 p.
26. Brinkmann H.U. Politik-Lexikon / H.U. Brinkmann, H. Pehle ; ed. Holtmann E. – München : De Gruyter Oldenbourg, 2000. – 812 p.

27. Boldt H. Schülerduden Politik und Gesellschaft: Ein Lexikon zum politischen und gesellschaftlichen Grundwissen / H. Boldt, H. Prehl, D.C. Umbach. – Mannheim : Duden, 2005. – 480 p.
28. Lexikon der Politikwissenschaft. Band 1: A-M. 5. Auflage, Originalausgabe / ed. D. Nohlen, R.-O. Schultze. – München : Verlag C.H. Beck, 2021. – 634 p.
29. Terrorismus und Extremismus: der Zukunft auf der Spur: Beiträge zur Entwicklungsdynamik von Terrorismus und Extremismus, Möglichkeiten und Grenzen einer prognostischen Empirie / ed. U.E. Kemmesies. – Germany, München : Luchterhand, 2006. – 263 p.
30. Coleman P.T. Addressing Extremism / P.T. Coleman, A. Bartoli [Electronic resource]. – URL: <https://fpamed.com/wp-content/uploads/2015/12/WhitePaper-on-Extremism.pdf> (accessed: 07.08.2025).
31. Neumann P.R. The trouble with radicalization / P.R. Neumann // International Affairs. – 2013. – Vol. 89, № 4. – P. 873–893.
32. Wintrobe R. Rational Extremism: The Political Economy of Radicalism / R. Wintrobe. – Cambridge University Press, 2006. – 296 p.
33. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories / R. Borum // Journal of Strategic Security. University of South Florida Board of Trustees. – 2011. – Vol. 4, № 4. – P. 7–36.
34. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ [Electronic resource] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (accessed: 08.08.2025).
35. «Уголовный кодекс Российской Федерации» (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 08.08.2025).
36. Ростокинский А.В. Проблемы формирования понятия «терроризм» / А.В. Ростокинский // Право и управление. – 2022. – № 9. – С. 159–165.
37. Блищенко В.И. Понятие «терроризм» в законодательстве США / В.И. Блищенко // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – COUNTER-TERRORISM. – 2013. – № 2. – P. 15–24.
38. Definition: terrorism from 22 USC § 2656f(d)(2) | LII [Electronic resource] // Legal Information Institute. – URL: https://www.law.cornell.edu/definitions/uscode.php?width=840&height=800&iframe=true&def_id=22-USC-2110163473-995759733&term_occur=999&term_src=title:22:chapter:38:section:2656f (accessed: 08.08.2025).
39. Серебренникова А.В. Проблемы определения терроризма в международном праве / А.В. Серебренникова, М.В. Лебедев // American Scientific Journal. – 2019. – № 27-1. – С. 38–41.

40. Чернядьева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом : дис. .. докт. юрид. наук / Н.А. Чернядьева. – Москва, 2018. – 540 с.
41. terrorism | Wex | US Law | LII [Electronic resource] // Legal Information Institute. – URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/terrorism> (accessed: 08.08.2025).
42. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Русский язык, 1978. – 846 р.
43. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. – Москва : Щит, 1998. – 305 р.
44. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества / В.С. Комиссаров. – Москва : Кросна-Лекс. – 159 р.
45. Основы борьбы с организованной преступностью / А.И. Коннов и др. – Москва : Инфра-М, 1996. – 400 р.
46. Helbling M. Terrorism and Migration: An Overview / M. Helbling, D. Meierrieks // British Journal of Political Science. – 2022. – Vol. 52, № 2. – P. 977–996.
47. Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction / W. Laqueur. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 320 p.
48. Primoratz I. Terrorism: the philosophical issues / I. Primoratz. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 239 p.
49. Sandler T. Terrorism and Policy: Introduction / T. Sandler // Journal of Conflict Resolution. – 2010. – Vol. 54, № 2. – P. 203–213.
50. Schmid A. Terrorism – The Definitional Problem / A. Schmid // Case Western Reserve Journal of International Law. – 2004. – Vol. 36, № 2. – P. 375.
51. The Routledge handbook of terrorism research. First published in paperback / ed. A.P. Schmid. – London ; New York : Routledge : Taylor & Francis Group, 2013. – 718 p.
52. Schmid A.P. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories & literature / A.P. Schmid, A.J. Jongman, I.L. Horowitz ; Expanded and updated edition prepared under the auspices of the Center for International Affairs, Harvard University. – London ; New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2017. – 700 p.
53. Bosi L. Radicalization // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements / L. Bosi, D.D. Porta ; ed. D. Della Porta et al. – Wiley, 2022. – P. 1–6.
54. Ebbrecht C.K. Radikale digitale liv – mekanismer i onlineradikalisering og perspektiver på forebyggelse / C.K. Ebbrecht, R.L. Peters // P&L. – 2024. – Vol. 45, № 1. – P. 143–169.

55. Dalgaard-Nielsen A. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know / A. Dalgaard-Nielsen // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2010. – Vol. 33, № 9. – P. 797–814.
56. Horgan J. From Profiles to Pathways and Roots to Routes : Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism / J. Horgan // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 618, № 1. – P. 80–94.
57. Porta D.D. Guest Editorial: Processes of Radicalization and De-Radicalization / D.D. Porta, G. LaFree // *International Journal of Conflict and Violence*. – 2012. – Vol. 6. – P. 4–10.
58. Neumann P. Recruitment and Mobilisation for the Islamist Militant Movement in Europe / P. Neumann, B. Rogers [Electronic resource]. – URL: https://icsr.info/wp-content/uploads/2008/10/1234516791ICSREURResearchReport_Proof1.pdf (accessed: 07.08.2025).
59. McCauley C. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism / C. McCauley, S. Moskalenko // *Terrorism and Political Violence*. – 2008. – Vol. 20, № 3. – P. 415–433.
60. Whittaker J. Rethinking Online Radicalization / J. Whittaker // *Perspectives on Terrorism*. Terrorism Research Initiative. – 2022. – Vol. 16, № 4. – P. 27–40.
61. Wilner A.S. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization / A.S. Wilner, C.-J. Dubouloz // *Global Change, Peace & Security*. – 2010. – Vol. 22, № 1. – P. 33–51.
62. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / П. Бурдьё ; пер. с франц. Т.А. Анисимова, Ю.В. Маркова, Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
63. McCauley C. Understanding political radicalization: The two-pyramids model / C. McCauley, S. Moskalenko // *American Psychologist*. US: American Psychological Association. – 2017. – Vol. 72, № 3. – P. 205–216.
64. Gustafson D.L. White on whiteness: becoming radicalized about race / D.L. Gustafson // *Nursing Inquiry*. – 2007. – Vol. 14, № 2. – P. 153–161.
65. Аполосов Д.И. Радикализация как социально-политическое явление / Д.И. Аполосов // *Общие вопросы обеспечения национальной безопасности*, 2018. – № 3(23). – P. 16–21.
66. Williams J. Why average people decide to become terrorists | Vox / J. Williams [Electronic resource] // Vox. – URL: <https://www.vox.com/2016/6/14/11923514/terrorist-radicalization-orlando> (accessed: 08.08.2025).
67. Lakhani S. Radicalisation as a moral career: a qualitative study of how people become terrorists in the United Kingdom: phd. Thesis / S. Lakhani. – Cardiff University, 2014. – 289 p.

68. Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе / В.Т. Сакаев // *Антиномии*. – 2021. – Vol. 21, № 2. – С. 45–71.
69. Crenshaw M. The Causes of Terrorism / M. Crenshaw // *Comparative Politics*. – 1981. – Vol. 13, № 4. – P. 379.
70. Coolsaet R. When do individuals radicalize? // *Contemporary terrorism studies* / R. Coolsaet. – Oxford University Press, 2022. – P. 178–200.
71. Neumann P. How Rigorous Is Radicalization Research? / P. Neumann, S. Kleinmann // *Democracy and Security*. – 2013. – Vol. 9, № 4. – P. 360–382.
72. Silke A. The Impact of 9/11 on Research on Terrorism / A. Silke // *Mapping Terrorism Research: State of The Art, Gaps and Future Direction*. – Routledge, 2007. – P. 76–93.
73. Silke A. The Devil You Know: Continuing Problems with Research on Terrorism / A. Silke // *Terrorism and Political Violence*. – 2001. – Vol. 13, № 4. – P. 1–14.
74. Kassel W. Terrorism and the International Anarchist Movement of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries / W. Kassel // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2009. – Vol. 32, № 3. – P. 237–252.
75. Coolsaet R. Why terrorism occurs: returning to the basics / R. Coolsaet // *Webinar, when do individuals radicalize. Abstracts*, 2021.
76. Sageman M. The stagnation in terrorism research / M. Sageman // *Terrorism and Political Violence*. – United Kingdom : Taylor & Francis, 2014. – Vol. 26, № 4. – P. 565–580.
77. Moten A.R. Understanding Terrorism: Contested Concept, Conflicting Perspectives and Shattering Consequences / A.R. Moten // *Intellectual Discourse*. – 2010. – Vol. 18, № 1.
78. Klavec J. Terrorism – conceptualization and development / J. Klavec // *Slovak Journal of Political Sciences*. – 2014. – Vol. 14, № 4. – P. 287–304.
79. Coolsaet R. All radicalisation is local: the genesis and drawbacks of an elusive concept / R. Coolsaet [Electronic resource]. – URL: <https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/05/ep84.pdf?type=pdf> (accessed: 07.08.2025).
80. Holsti O.R. The belief system and national images: a case study / O.R. Holsti // *Journal of Conflict Resolution*. – 1962. – Vol. 6, № 3. – P. 244–252.
81. Della Porta D. Social Movements, Political Violence, and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany / D. Della Porta. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 288 p.
82. On Terrorism and Combating Terrorism / ed. A. Merari. – Tel-Aviv : Praeger, 1985. – 188 p.

83. Post J.M. Psychology / J.M. Post // Addressing the Causes of Terrorism. – 2005. – P. 7–12.
84. Tucker J.B. Toxic terror: assessing terrorist use of chemical and biological weapons / J.B. Tucker. – Cambridge, Mass : MIT Press, 2000. – 309 p.
85. Silke A. Cheshire-cat logic: The recurring theme of terrorist abnormality in psychological research / A. Silke // Psychology. Crime & Law. 1998. – Vol. 4, № 1. – P. 51–69.
86. Newman E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism / E. Newman // Studies in Conflict & Terrorism. – 2006. – Vol. 29, № 8. – P. 749–772.
87. Borum R. Understanding the Terrorist Mind-Set / R. Borum // Mental Health Law & Policy Faculty Publications. – 2003. – P. 7–10.
88. Mandel D.R. Radicalization: What does it mean? / D.R. Mandel // Home-Grown Terrorism. – IOS Press, 2009. – P. 101–113.
89. Tausch N. Emotions in Violent Extremism / N. Tausch, S. Bode // Handbook of the Psychology of Violent Extremism. – Cambridge University Press, 2024.
90. De La Roche R.S. Why is Collective Violence Collective? / R.S. De La Roche // Sociological Theory. – 2001. – Vol. 19, № 2. – P. 126–144.
91. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration / F.M. Moghaddam // American Psychologist. – 2005. – Vol. 60, № 2. – P. 161–169.
92. Wojcieszak M. «Carrying Online Participation Offline» – Mobilization by Radical Online Groups and Politically Dissimilar Offline Ties / M. Wojcieszak // Journal of Communication. – 2009. – Vol. 59, № 3. – P. 564–586.
93. Social Networks, Terrorism and Counter-terrorism: Radical and connected / ed. M. Bouchard. – Routledge, 2015. – 256 p.
94. Valentini D. Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization / D. Valentini, A.M. Lorusso, A. Stephan // Front. Psychol. – 2020. – Vol. 11. – P. 524.
95. Floridi L. Hyperhistory and the Philosophy of Information Policies / L. Floridi // Philos. Technol. – 2012. – Vol. 25, № 2. – P. 129–131.
96. Binder J.F., Kenyon J. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? / J.F. Binder, J. Kenyon // Front. Psychol. – 2022. – Vol. 13. – P. 997390.
97. Alfano M. Technological Seduction and Self-Radicalization / M. Alfano, J.A. Carter, M. Cheong // Journal of the American Philosophical Association. – 2018. – Vol. 4, № 3. – P. 298–322.
98. Pepys R. A Simulation Model of the Radicalisation Process Based on the IVEE Theoretical Framework / R. Pepys, R. Bowles, N. Bouhana // JASSS. – 2020. – Vol. 23, № 3. – P. 12.

99. Baaken T. Fishermen or Swarm Dynamics? Should we Understand Jihadist Online-Radicalization as a Top-Down or Bottom-Up Process? / T. Baaken, L. Schlegel // *Journal for Deradicalization*. – 2017. – Vol. Winter, № 13. – P. 178–212.
100. Clancy T. Profiles of Violent Radicalization: Challenging Key Premises on Root Causes Leading to Terrorism / T. Clancy // *SSRN Journal*, 2021.
101. Contingencies of Violent Radicalization: The Terror Contagion Simulation / T. Clancy et al. // *Systems*. – 2021. – Vol. 9, № 4. – P. 90.
102. Fully Committed: Suicide Bombers' Motivation and the Quest for Personal Significance / A.W. Kruglanski et al. // *Political Psychology*. – 2009. – Vol. 30, № 3. – P. 331–357.
103. Garcet S. Understanding the psychological aspects of the radicalisation process: a sociocognitive approach / S. Garcet // *Forensic Sciences Research*. – 2021. – Vol. 6, № 2. – P. 115–123.
104. Kerodal A.G. Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism / A.G. Kerodal, J.D. Freilich, S.M. Chermak // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2016. – Vol. 39, № 7–8. – P. 687–711.
105. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism / K.M. Sarma // *American Psychologist*. – 2017. – Vol. 72, № 3. – P. 278–288.
106. Brockhoff S. Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism / S. Brockhoff, T. Krieger, D. Meierrieks // *The Journal of Conflict Resolution*. – 2015. – Vol. 59, № 7. – P. 1186–1215.
107. Rieger D. Dealing with the dark side: The effects of right-wing extremist and Islamist extremist propaganda from a social identity perspective / D. Rieger, L. Frischlich, G. Bente // *Media, War & Conflict*. – 2020. – Vol. 13, № 3. – P. 280–299.
108. Thompson R. Radicalization and the Use of Social Media / R. Thompson // *Journal of Strategic Security*. – 2011. – Vol. 4, № 4. – P. 167–190.
109. Application of a Profile Similarity Methodology for Identifying Terrorist Groups That Use or Pursue CBRN Weapons / R.L. Breiger et al. // *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction* / ed. J. Salerno et al. – Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg. – 2011. – Vol. 6589. – P. 26–33.
110. Measuring the Radicalisation Risk in Social Networks / R. Lara-Cabrera et al. // *IEEE Access*. – 2017. – Vol. 5. – P. 10892–10900.
111. Wendelberg L. An Ontological Framework to Facilitate Early Detection of «Radicalization» (OFEDR) – A Three World Perspective / L. Wendelberg // *J. Imaging*. – 2021. – Vol. 7, № 3. – P. 60.

112. Xie Daniel. Automated classification of extremist Twitter accounts using content-based and network-based features / Xie Daniel, J. Xu, T.-C. Lu // 2016 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). – 2016. – P. 2545–2549.
113. Sureka A. Learning to Classify Hate and Extremism Promoting Tweets / A. Sureka, S. Agarwal // 2014 IEEE Joint Intelligence and Security Informatics Conference. – The Hague, Netherlands: IEEE, 2014. – P. 320–320.
114. Social media analytics – Challenges in topic discovery, data collection, and data preparation / S. Stieglitz et al. // International Journal of Information Management. – 2018. – Vol. 39. – P. 156–168.
115. Gilani Z. Classification of Twitter Accounts into Automated Agents and Human Users / Z. Gilani, E. Kochmar, J. Crowcroft // Proceedings of the 2017 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining 2017. – Sydney Australia : ACM, 2017. – P. 489–496.
116. Conway M. Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research / M. Conway // Studies in Conflict & Terrorism. – 2017. – Vol. 40, № 1. – P. 77–98.
117. Profiles of Individual Radicalization in the United States (PIRUS) | START.umd.edu [Electronic resource]. – URL: <https://www.start.umd.edu/data-tools/profiles-individual-radicalization-united-states-pirus> (accessed: 08.08.2025).
118. Borum R. Psychology of terrorism / R. Borum. – Tampa : University of South Florida, 2004. – 80 p.
119. Center for Prevention Programs and Partnerships [Electronic resource] // Homeland Security. – URL: <https://www.dhs.gov/CP3> (accessed: 08.08.2025).
120. Pathways Toward Radicalization [Electronic resource] // START.umd.edu. – URL: <https://www.start.umd.edu/publication/pathways-toward-radicalization> (accessed: 08.08.2025).
121. Horgan J. The psychology of terrorism / J. Horgan. – Revised and updated second edition. – London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. – 224 p.
122. Taylor M. A Conceptual Framework for Addressing Psychological Process in the Development of the Terrorist / M. Taylor, J. Horgan // Terrorism and Political Violence. – 2006. – Vol. 18, № 4. – P. 585–601.
123. Terrorism – A (self) love story: Redirecting the significance quest can end violence / A. Kruglanski et al. // The American Psychologist. – 2013. – Vol. 68, № 7. – P. 559–575.
124. Silke A. Holy warriors: Exploring the psychological processes of jihadi radicalization / A. Silke // European Journal of Criminology. – US : Sage Publications, 2008. – Vol. 5, № 1. – P. 99–123.

125. Hamm M. Lone wolf terrorism in America: Using knowledge of radicalization pathways to forge prevention strategies: Final grant report to NIJ / M. Hamm, R. Spaaij [Electronic resource]. – URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248691.pdf> (accessed: 07.08.2025).
126. Bakker E. Preventing Lone Wolf Terrorism: some CT Approaches Addressed / E. Bakker, B. de Graaf // Perspectives on Terrorism. Terrorism Research Institute. – 2011. – Vol. 5, № 5/6. – P. 43–50.
127. Hofmann D.C. How «Alone» are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists / D.C. Hofmann // Studies in Conflict & Terrorism. – 2020. – Vol. 43, № 7. – P. 657–678.
128. Hamm M.S. The Age of Lone Wolf Terrorism / M.S. Hamm, R. Spaaij. – Columbia University Press, 2017. – 334 p.
129. Gill P. Bombing alone: Tracing the motivations and antecedent behaviors of lone-actor terrorists / P. Gill, J. Horgan, P. Deckert // Journal of Forensic Sciences. – 2014. – Vol. 59, № 2. – P. 425–435.
130. Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis / B. Schuurman et al. // Journal of Forensic Sciences. – 2018. – Vol. 63, № 4. – P. 1191–1200.
131. Bartlett J. The edge of violence: Towards telling the difference between violent and non-violent radicalization / J. Bartlett, C. Miller // Terrorism and Political Violence. – United Kingdom : Taylor & Francis, 2012. – Vol. 24, № 1. – P. 1–21.
132. King M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D.M. Taylor // Terrorism and Political Violence. – 2011. – Vol. 23, № 4. – P. 602–622.
133. Bosi L. Political Violence // The Oxford Handbook of Social Movements / L. Bosi, S. Malthaner ; ed. D. della Porta, M. Diani. – Oxford University Press, 2015.
134. Bosi L. Micro-mobilization into Armed Groups: Ideological, Instrumental and Solidaristic Paths / L. Bosi, D.D. Porta // Qual Sociol. – 2012. – Vol. 35, № 4. – P. 361–383.
135. Bosi L. Incorporation and democratization: the long-term process of institutionalization of the Northern Ireland Civil Rights Movement / L. Bosi // The Consequences of Social Movements / ed. L. Bosi, M. Giugni, K. Uba. – Cambridge University Press, 2015. – P. 338–360.
136. Карпова А.Ю. Тенденции динамики развития исследований феномена радикализации: наукометрический анализ / А.Ю. Карпова, А.О. Савельев // Социологическая наука и социальная практика. – 2024. – Vol. 12, № 3. – С. 76–107.

137. Лощаков Д.Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы / Д.Г. Лощаков // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 6. – Р. 35–39.
138. Кирдина-Чэндлер С.Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке / С.Г. Кирдина-Чэндлер // Журнал институциональных исследований. Россия. – 2017. – Vol. 9, № 4. – Р. 6–15.
139. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) / А.Ю. Карпова и др. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3 (157). – Р. 159–181.
140. Абдулмуталифович К.Р. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи / К.Р. Абдулмуталифович // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Vol. 14, № 3. – Р. 60–63.
141. Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web / M. Hall et al. // Policy & Internet. – 2020. – Vol. 12, № 1. – Р. 109–138.
142. Siebel T.M. Digital Transformation: Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction / T.M. Siebel. – Newburyport : Rodin Books, 2019. – 256 p.
143. Local drivers and dynamics of youth radicalisation in Bangladesh / ed. Bangladesh Institute of Peace and Security Studies. – Dhaka, Bangladesh : Bangladesh Institute of Peace and Security Studies, 2017. – 78 p.
144. Autologistic Models for Benchmark Risk or Vulnerability Assessment of Urban Terrorism Outcomes / J. Liu et al. // Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society. – 2018. – Vol. 181, № 3. – Р. 803–823.
145. Pilkington H. Radicalization as and in Process: Tracing Journeys through an «Extreme-Right» Milieu / H. Pilkington // Studies in Conflict & Terrorism. – 2023. – Р. 1–27.
146. Tsapatsoulis N. Opinion Mining From Social Media Short Texts: Does Collective Intelligence Beat Deep Learning? / N. Tsapatsoulis, C. Djouvas // Front. Robot. AI. – 2019. – Vol. 5. – Р. 138.
147. Jabłońska M.R. Artificial neural networks for predicting social comparison effects among female Instagram users / M.R. Jabłońska, R. Zajdel // PLoS ONE / ed. Huk M. – 2020. – Vol. 15, № 2. – Р. e0229354.
148. Zafarani R. Social Media Mining: An Introduction / R. Zafarani, M.A. Abbasi, H. Liu. – Cambridge University Press, 2014. – 382 p.
149. Tang L. Community Detection and Mining in Social Media / L. Tang. – San Rafael : Morgan & Claypool Publishers, 2010. – 137 p.

150. Bhagat S. Muthukrishnan S. Node Classification in Social Networks / S. Bhagat, G. Cormode, S. Muthukrishnan // Springer eBooks. – 2011. – P. 115–148.
151. Rezaeipanah A. A Novel Similarity Measure of Link Prediction in Multi-Layer Social Networks Based on Reliable Paths / A. Rezaeipanah // Concurrency Computatation Practice and Experience. – 2021. – Vol. 34(10).
152. Das S. The Ties that matter: From the perspective of Similarity Measure in Online Social Networks / S. Daas, A. Biswas // arXiv (Cornell University). – 2022.
153. Fan W. Similarity between community structures of different online social networks and its impact on underlying community detection / W. Fan, K.H. Yeung // Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation. – 2015. – Vol. 20, № 3. – P. 1015–1025.
154. Benazi M. Community Detection Based on Node Similarity without thresholds / M. Benazi, C. Lamiche // Computer Science Journal of Moldova. – 2020. – Vol. 28, № 1(82).
155. Siagian R. Similarity Measure for social networks / R. Siagian // IJAR. – 2018. – Vol. 6, № 7. – P. 963–968.
156. Leicht E.A. Vertex similarity in networks / E.A. Leicht, P. Holme, M.E.J. Newman // Physical Review E. – 2006. – Vol. 73(2).
157. Estimating the similarity of social network users based on behaviors / T.H. Nguyen et al. // Vietnam J Comput Sci. – 2018. – Vol. 5, № 2. – P. 165–175.
158. Bhattacharyya P. Analysis of user keyword similarity in online social networks / P. Bhattacharyya, A. Garg, S.F. Wu // Soc. Netw. Anal. Min. – 2011. – Vol. 1, № 3. – P. 143–158.
159. Pera M.S. A group recommender for movies based on content similarity and popularity / M.S. Pera, Y.-K. Ng // Information Processing & Management. – 2013. – Vol. 49, № 3. – P. 673–687.
160. Kleinberg J.M. Authoritative sources in a hyperlinked environment / J.M. Kleinberg // J. ACM. – 1999. – Vol. 46, № 5. – P. 604–632.
161. Finding trendsetters in information networks / D. Saez-Trumper et al. // Proceedings of the 18th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. – Beijing China : ACM, 2012. – P. 1014–1022.
162. Brin S. The anatomy of a large-scale hypertextual Web search engine / S. Brin, L. Page // Computer Networks and ISDN Systems. – 1998. – Vol. 30, № 1–7. – P. 107–117.
163. TwitterRank: finding topic-sensitive influential twitterers / J. Weng et al. // Proceedings of the third ACM international conference on Web search and data mining. – New York, USA : ACM, 2010. – P. 261–270.
164. Zhang J. Expertise networks in online communities: structure and algorithms / J. Zhang, M.S. Ackerman, L. Adamic // Proceedings of the 16th

international conference on World Wide Web. – Banff Alberta, Canada : ACM, 2007. – P. 221–230.

165. Richardson M. Trust Management for the Semantic Web / M. Richardson, R. Agrawal, P. Domingos // The Semantic Web – ISWC 2003 ; ed. D. Fensel, K. Sycara, J. Mylopoulos. – Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2003. – Vol. 2870. – P. 351–368.

166. Tai A. On Computing Prestige in a Network with Negative Relations / A. Tai, W. Ching, W. Cheung // International Journal of Applied Mathematical Sciences. – 2005. – Vol. 2. – P. 56–64.

167. Propagation of trust and distrust / R. Guha et al. // Proceedings of the 13th international conference on World Wide Web. – New York, USA : ACM, 2004. – P. 403–412.

168. Chen Y. et al. Identifying Opinion Leaders from Online Comments // Social Media Processing / Y. Chen et al. ; ed. H. Huang et al. – Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2014. – Vol. 489. – P. 231–239.

169. OLFinder: Finding opinion leaders in online social networks / A. Aleahmad et al. // Journal of Information Science. – 2016. – Vol. 42, № 5. – P. 659–674.

170. Chen Y.-C. A novel algorithm for mining opinion leaders in social networks // World Wide Web. – 2019. – Vol. 22, № 3. – P. 1279–1295.

171. Ishfaq U., Khan H.U., Iqbal S. Identifying the influential nodes in complex social networks using centrality-based approach // Journal of King Saud University - Computer and Information Sciences. – 2022. – Vol. 34, № 10. – P. 9376–9392.

172. Srinivas A. Identification of influential nodes from social networks based on Enhanced Degree Centrality Measure / A. Srinivas, R.L. Velusamy // 2015 IEEE International Advance Computing Conference (IACC). – Bangalore, India : IEEE, 2015. – P. 1179–1184.

173. Evaluating the importance of nodes in complex networks based on principal component analysis and grey relational analysis / Kun Zhang et al. // 2011 17th IEEE International Conference on Networks. – Singapore : IEEE, 2011. – P. 231–235.

174. Identifying Key Nodes in Social Networks Using Multi-Criteria Decision-Making Tools / I. Mesgari et al. // Mathematical Technology of Networks ; ed. D. Mugnolo. – Cham : Springer International Publishing, 2015. – Vol. 128. – P. 137–150.

175. Xiao Q. A Method for Measuring Node Importance in Hypernetwork Model / Q. Xiao // RJASET. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 568–573.

176. Neville J. Iterative Classification in Relational Data / J. Neville, D. Jensen // Proceedings of the AAAI 2000 Workshop Learning Statistical. – 2002.

177. Zhu X. Semi-supervised learning using Gaussian fields and harmonic functions / X. Zhu, Z. Ghahramani, J. Lafferty // *Proceedings of the Twentieth International Conference on International Conference on Machine Learning*. – Washington, DC, USA : AAAI Press, 2003. – P. 912–919.
178. Cialdini R.B. *Influence: The Psychology of Persuasion* / R.B. Cialdini. – New York : Quill, 1993. – 320 p.
179. Stukal D.K. Affective Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other? / D.K. Stukal, A.S. Akhremenko, A.P.C. Petrov // *Vestn. Ross. univ. družby nar., Ser. Politol.* – 2022. – Vol. 24, № 3. – P. 480–498.
180. Eventfully Safapp: hybrid approach to event detection for social media mining / N. Derbas et al. // *J. Ambient Intell Human Comput.* – 2020. – Vol. 11, № 1. – P. 87–95.
181. Turner M.D. A Simple Ontology for the Analysis of Terrorist Attacks / M.D. Turner [Electronic resource]. – 2011. – URL: https://digitalrepository.unm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1040&context=ece_rpts (accessed: 07.08.2025).
182. Карпова А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // *Власть. Россия, Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Редакция журнала «Власть»*. – 2021. – № 1. – P. 93–108.
183. Karpova A. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case) / A. Karpova, A. Savelev, N. Maksimova // *Social Sciences*. – 2021. – Vol. 10, № 12. – P. 477.
184. Кузнецов С.А. Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети / С.А. Кузнецов, А.Ю. Карпова, А.О. Савельев // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2024. – № 59. – P. 156–166.
185. Automated sensing and social network analysis in virtual worlds / L.A. Overbey et al. // *2010 IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics*. – Vancouver, BC, Canada: IEEE, 2010. – P. 179–184.
186. Lakomy M. Let's Play a Video Game: Jihadi Propaganda in the World of Electronic Entertainment / M. Lakomy // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2019. – Vol. 42, № 4. – P. 383–406.
187. Torok R. Developing an explanatory model for the process of online radicalisation and terrorism / R. Torok // *Secur Inform.* – 2013. – Vol. 2, № 1. – P. 6.
188. Fisher M. How Everyday Social Media Users Become Real-World Extremists / M. Fisher, A. Taub // *The New York Times*. – 2018.

189. Artificial immune system for illicit content identification in social media / M. Yang et al. // J. Am. Soc. Inf. Sci. – 2012. – Vol. 63, № 2. – P. 256–269.

190. Savelev A. Assessment Approach to the Interconnections of Social Network Radical Online Communities Based on Open Data Analysis with the Use of TF-IDF / A. Savelev, A. Kaida, A. Karpova. – Makhachkala, Russia Federation, 2021.

191. How Do Risk Factors Work Together? Mediators, Moderators, and Independent, Overlapping, and Proxy Risk Factors / H.C. Kraemer et al. // AJP. – 2001. – Vol. 158, № 6. – P. 848–856.

192. Kraemer H.C. Coming to Terms With the Terms of Risk / H.C. Kraemer // Arch Gen Psychiatry. – 1997. – Vol. 54, № 4. – P. 337.

193. Ultra-Right Radicalization: a Method of Automated Threat Detection with the Use of Web Mining / A. Karpova et al. // Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences. – 2021. – P. 30–43.

Научное издание

КАРПОВА Анна Юрьевна
САВЕЛЬЕВ Алексей Олегович

РАДИКАЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ
Как технологии меняют процесс радикализации и его изучение

Монография

Корректурa *Д.В. Заремба*
Компьютерная верстка *Д.В. Сотникова*
Дизайн обложки *Т.В. Буланова*

Подписано к печати 08.10.2025. Формат 60×84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать CANON. Усл. печ. л. 10,64. Уч.-изд. л. 9,63
Заказ 352-25. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ